

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

А. Измайловъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non ce qu' on veut.

~~~~~  
*ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.*  
~~~~~

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1818 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Цензурный Комишеть: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишета, другой для Депаршаменша Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библиотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Января 8 дня 1818 года.

*Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тилковской.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Январь 1818. № 1.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЛАСТОЛЮБІЕ (*).

Всегда ль должны шебя народы,
О Власполюбье! пренепашь?
Всегда ль, бичь мира и свободы!
Ты будешь смертныхъ ужасашь?
И долго ль, унижая проны,
Ты спанешь намъ давашь законы,
Законовъ никакихъ не знавь?
И мы ли божескою чешью
Кумирь швой, вознесенный лесью,
Почшимь, во прахъ челомъ упавь?

*

Куда ни устремляю взоры,
Повсюду браней огонь горить;

(*) Писано въ 1812 году во время ширанскаго владычества Наполеона.

Колеблютъ царства заговоры
 И гибель всѣмъ странамъ грозить;
 Вездѣ насильство и хищенье,
 Увѣнчанное преступленье,
 Попранна святость олшарей!
 Здѣсь — пораженъ опецъ сынами;
 Тушь — дѣши преданы отцами;
 Тамъ — падають главы царей!

*

О Властольюбье! кто виною
 Сихъ землю шягопящихъ бѣдъ?
 Мужъ крошкѣй уловленъ побою
 И гордый въ слѣдъ тебѣ идешь!
 Любовь къ отечеству священну,
 Честь, вѣрность, вѣру испуленну,
 Разсудокъ — даръ Небесъ самихъ —
 Чудовище! ты все прельщаешь
 И все въ орудье обращаешь
 Жестокихъ прихотей своихъ!

*

Весь адъ нося въ груди желѣзной,
 Съ вѣнцомъ кровавымъ на челѣ,
 Главой пераясь въ шверди звѣздной,
 Ногами рыщешь по землѣ;
 Повергнувъ міръ въ свои оковы,
 Алчбой въ міры спремисься новы;
 Твой гласъ естъ-громъ, взоръ—молній блескъ;
 Войны войнами призывая,
 На гробы гробы взгромождая,
 Съ улыбкой царствъ ты внеслешь шрескъ.

Но честь народовъ, благоденство
 Не охраняется ль шобой?
 И бурной вольности равенство
 Единой замѣнивъ главой,
 Не ты ль для щастія подвластныхъ,
 Въ заботахъ, бдѣніяхъ всенасныхъ
 Проводишь жизнь въ поляхъ, въ шапрахъ,
 День судишь, ночь не спишь покойно,
 Да царственны колеса спройно
 Текушь въ предписанныхъ пусяхъ.

*

Болѣзнь умовъ или ихъ сила,
 Величья призракъ или позоръ,
 Источникъ славы или могила,
 Пороковъ, доблестей соборъ!
 Какъ богъ — ты правишь всѣмъ желаешь;
 Какъ смерть — ты міръ опустошаешь;
 Ты свѣта Духъ, ты Ангель пымы;
 Твоимъ пареньемъ — изумляясь,
 Ошь звѣрской злоспи — содрогаясь,
 Иль чшишь, иль клясть не знаемъ мы!

*

Такъ, справедливо, обожаемъ
 Кто миръ побѣдами даетъ;
 Но шощъ ли долженъ бышь вѣнчаемъ,
 Кто кровь своихъ согражданъ пьешь?
 Кто изъ коварствъ, злодѣйствъ, обмановъ
 Науку высшую ширановъ
 И правило власпей творишь,
 Умъ гонишь, развращаешь нравы,

Да замыслы свои неправы
И прорнь желѣзный утвердишь!

*

Величья и безстрашья Бога
Я въ смершномъ не хочу искашь;
Но не ужель одна дорога
Царямъ бессмершья достигашь?
Иль слава добраго правленья,
Наемныхъ гласовъ пѣснопѣнье,
Похваль, споржествъ кимвальный звонъ?
Иль дѣйствовашь для пользы личной
Влашпшителямъ земли прилично
И лучшей Царь Наполеонъ?

*

Умъ всеобъемлющій, всесильный!
Гдѣ шолько вспрѣшилъ — побѣждалъ;
Младый—онъ изумилъ сѣдины;
Неопышный—уроки далъ!
Скрывая алчность общимъ благомъ,
Равняется онъ первымъ шагомъ
Мужамъ великимъ всѣхъ вѣковъ;
Опчизны щипъ и примиришель,
Народныхъ правъ воспановишель
И вѣры спраждущей покровъ!

*

И послѣ! — всѣ дары природы
И нравшвенныхъ избышокъ силъ
Ограбить, разшерзашь народы,
Увы! злодѣй употребилъ!
Речешъ—и царшва возникають;

Речешъ—и царства упадаюшъ;
 За боемъ бой, за страхомъ страхъ;
 Безмолвно міръ въ цѣпяхъ препещешъ...
 И шопъ, кпо громъ на злобныхъ мещешъ,
 Молчишъ . . . . и мракъ на небесахъ!

*

Нѣшъ, памяшъ Нумы знамениша
 Не браней грозною молвой;
 Не чрезъ оружье имя Типа
 Монарховъ сдѣлалось хвалой;
 Людовика опцомъ народа
 Не за случайный блескъ похода
 Гласъ подданныхъ его назвалъ;
 Чрезъ бишвы ль громки Антонины?
 И ПЕТРЪ, нашъ ПЕТРЪ въ Царяхъ единый,
 Великимъ чрезъ Полшаву ль спалъ?

*

Разсѣяшъ мракъ непросвѣщенья,
 Духъ спящій Росса пробудишъ,
 Образовашъ чершежъ правленья,
 Града, флосъ, войско сошворишъ,
 Призвашъ торги въ края полночны,
 Вошъ чпо предпринялъ умъ сей мочный!
 И вошъ чпо въ наши времена,
 Чесъ Сѣвера, краса и сила
 Рукою крошкой довершила
 По Немъ премудрая Жена.

*

Изъ праха обожашъ дерзаю
 Монархиня! швои дѣла:

Въ слезахъ дивясь имъ, забываю,
 Что брани длань швоя возжгла;
 Не вижу дерзскихъ припязаній;
 Но чувствую, что всѣхъ стараній,
 Трудовъ — предмешъ народъ Твой былъ;
 Что Ты предъ всѣмъ его любила,
 Въ его любви находила
 Крыль швоихъ душевныхъ силъ!

*

И незабвенна Ты!—доколѣ
 Россъ будешь Сѣверомъ владѣшь,
 Великій въ мирѣ, спрашный въ полѣ,
 У ногъ своихъ всѣ царства зрѣшь!
 Власпишели, Вожди, Герои,
 Вы, коимъ чрезъ свирѣпы бои,
 Чрезъ узы крови преданъ свѣшь!
 Любимцы щасья и судьбины!
 Сюда, на гробъ ЕКАТЕРИНЫ
 Васъ *опытъ царствовать* зовешъ:

*

„Царь—смершный образъ провидѣнья,
 Скудельный обликъ божества!
 Для ихъ хвалы и прославленья
 Даны тебѣ небесъ права.
 Какъ солнце въ свѣшодарномъ ходѣ
 Ліешъ жизнь дремлющей природѣ:
 Такъ долженъ вѣрный швой народъ
 Твоею благосшыю пишашся,
 Къ дѣламъ великимъ окрыляшся
 Величіемъ швоихъ щедрощъ:—“

*

„Подвласныхъ слава—слава шрона!
 Щишь Царскій—дарованья ихъ!
 Блюспитель правды и закона,
 Начало всѣхъ власшей земныхъ!
 Заслуги награждашь рожденный,
 Тыль рашнымъ блескомъ ослѣпленный,
 Унизишься побѣдъ искашь?—
 Чесъ подданному лавры боевъ;
 Но шощъ не выше ль всѣхъ героевъ,
 Кшо избранъ свѣшомъ управлять?“

*

„Подъ тайнымъ вѣчноспи намешомъ,
 Въ средѣ капящихся міровъ,
 Какъ ризою одѣянъ свѣшомъ
 Тебѣ примѣромъ Богъ боговъ!
 Полками Ангеловъ несомый,
 Не имъ ли онъ вручаетъ громы,
 Когда преступныхъ родъ казнишь?— —
 Рядъ предковъ на тебя взираешь,
 Вселенна въ страхѣ ожидаетъ,
 Грядущихъ пѣсней гуль звучишь!“

Аркадій Родзянка.

~~~~~

Помедли хоть одно мгновенье!

Дай наглядѣшься на себя!

Ахъ! въ чащѣ эшаго кустарника густова,
Гдѣ скрыться ты изъ глазъ гопова,
Сапиръ влюбленный ждешь тебя!

Онъ видѣлъ разъ какъ ты въ спруяхъ рѣ-
ки плескалась,

И спрость въ мохнашу грудь закралась;
Нотщешно здѣсь его свирѣлю изливалась—
Ты не хочѣла понимашь:

Могла ли жь, презрѣнна, шеперь она дремашь?
Поспой, безпечная! коварный припаялся,
Онъ ждешь тебя.....увы! Наяда ужъ въ кустахъ
И мигомъ передъ ней, о спрахъ!

Рогатый очутился.

Какъ лань, гонима спаетъ псовъ,

Лешить не примѣчая

Ни рышвинъ, ни бугровъ:

Такъ Нимфа, до земли почти не досягая,

Обрещность всплемъ наполняя,
Пустилакъ къ берегу; Сапиръ за нею въ слѣдъ;
Уже онъ догонялъ, уже ее касался,
И отъ преступнаго восшорга задыхался:

Спасенія казалось нѣтъ,

Какъ вдругъ, отшудова ни взялся,

Паспухъ на помощь къ ней:

Въ лѣсъ бросился Сапиръ, въ спруяхъ со-
крылась дѣва;

Но гдѣ укроется родительскаго гнѣва?

Печально юный Мелибей,

(Такъ избавишель назывался)

Вблизи шѣхъ мѣспѣ скитался,
Искаль цѣлебныхъ травъ для хвораго опца,
По наставленію жреца.

Еще взоръ юноши, за Нимфой устремлен-
ный,
Мнилъ образъ зрѣшь ея, волнами поглощенный,
Какъ нѣкій дивный гласъ раздался въ глубинѣ:
„Спасишель дочери преслушной,
„Паспухъ великодушной!
„Скажи, вѣщаль онъ, мнѣ,
„Что пребуешь въ награду?
„Умножишь ли пивоихъ овецъ?
„Обильное ли дашь плодшворенье саду?
„Вручишь ли хитрый потъ рѣзецъ,
„Которымъ лишь Тирсисъ и Демофоншъ вла-
дѣли?
„Вдохнушь ли даръ играшь всѣхъ лучше на
свирѣли?
„Иль все сіе имѣшь желаешь вдругъ?
„Не медли, ошвѣщай! — О божество благое!
Воскликнулъ съ шрепешомъ повергшійся Па-
спухъ:
Чѣмъ заслужилъ даynie шакое?
Я сдѣлалъ шо, что сдѣлалъ бы другой;
Но если шы ко мнѣ споль милосливо пынѣ,
То пусшь родишель добрый мой
Возстанешъ ошъ одра; онъ спраждешъ при
кончинѣ!

Спаси его, молю!—„Да будетъ.“—голосъ рѣкъ,
 И старецъ изнуренный, хилый,
 Стоявшій на краю могилы,
 Вновь ощутилъ въ себѣ здоровье, прежни силы,
 Еще его продлился вѣкъ.

В—рѣ. Панаевъ.

О С Е Н Ъ .

Въсерь прошекъ по вершинамъ деревъ; дере-
 ва зашатались —
 Листъ подъ ногою шумить; по синему озеру
 лебедь
 Уединенный плывешь; на холмахъ и въ гул-
 кой долинь
 Смолкнули пщицы.

Солнце чуть выглянувъ, скроешья попчасъ:
 лучъ его хладень.
 Все запустило вокругъ. Уже отголосокъ не
 вторить
 Пѣсней жнецовъ: по дорогѣ звѣнитъ коло-
 кольчикъ унылый;
 Дымъ въ отдаленьи.

Пухникъ, закупанный въ плащъ, спѣшитъ
 къ молчаливой деревнѣ.

Я одинокій брожу. Къ тебѣ прибѣгаю, При-
рода!
Машерь въ объятія твои! согрѣй, о согрѣй
мое сердце,

Нѣжная машерь!

Рано для юноши осень настала. — Слезу со-
жалѣнья,
Други! я умеръ душою: нѣтъ уже прежнихъ
воспоговъ,
Нѣтъ и сладостныхъ прежнихъ спраданій —
всюду безмолвье,
Холодъ могилы!

1816.

Вильгельмъ.

КЪ ЕЛЪВИРЪ.

Не сонъ ли это былъ чудесный:
Тебя ль я зрѣлъ, тебѣ ль внималъ?
Съ твоихъ ли алыхъ устъ прелестныхъ
Я поцѣлуи собиралъ?

Съ твоихъ ли взоровъ томныхъ, спраш-
ныхъ

Въ мой огонь любви блискала?
Къ твоей ли дѣвственней, прекрасной
Припавъ груди, ее ласкалъ?

Твою ли выю обнаженну
И гибкій станъ я обнималъ?

Тебя ль безсильну, упомленну
Я робко къ сердцу прижималъ?

Ты ль мнѣ пропивишься не смѣла;
То опвращалась, то опять
Привлечь меня къ себѣ хошѣла,
Спремилась снова лобызашъ?

Нѣшь! не въ мечпѣ воображенья,
А въ явѣ счаспье я вкушалъ! —
Но не желалъ бы пробужденья,
Когдабъ и въ самомъ дѣлѣ спалъ!

II.

~~~~~

ВЪКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Любовь естъ сердца наслажденье:
Но должно съ разумомъ любить;
Искореня заблужденье,
Прошиву воли вѣрнымъ бышь.

Жизнь наша съ быспрошою мчишся,
И топъ въ ней мудрецомъ слывешъ,
Кшо настоящимъ веселишся,
Не углубляяся впередъ.

Тѣ времена давно сокрылись,
Какъ брачный долгъ — былъ долгъ свяшой,
Когда лишь для себя женились,
Мѣны не зная никакой.

Невѣжды были наши предки!
Мы ихъ умнѣе во сто разъ;
Подругъ не запираемъ въ кѣшки;
Мы ихъ — онѣ мѣняюшъ насъ.

Быль мужь съ предчувствіемъ опмѣн-
нымъ:

Судьбу грядущаго онъ зналъ;
Своимъ попомкамъ просвѣщеннымъ
Онъ общеженство предвѣщалъ.

Наспали шѣ блаженны годы!
Щаслива участь милыхъ женъ!
Нѣтъ вѣрности — по праву моды —
А мода всѣмъ даетъ законъ!

Съ Польскаго, Ры . . . . скій.

ПРУДЪ и КАПЛЯ.

Б А С Н Я.

Заглохшій осокой и весь, какъ паушиной,
Подернушый зеленой шиной,
Дремалъ лѣнливой прудъ. Придешь ли звѣзд-
на ночь —
Не видишь звѣздъ мерцанья;
Забрежжешь ли луна — въ немъ нѣшь луны
сіянья.
Такъ было долго съ нимъ; но вошь пришло
не въ мочь
Сносишь ему къ себѣ свѣшилъ пренебреженье;
Прудъ, потерявъ шерпѣнье,
Языкомъ водъ заговорилъ

И близкую свою сосѣдку такъ спросилъ:
 (Сосѣдку Капельку, что на листокъ упала
 И ясной звѣздочкой, качаяся, сверкала)
 „Что за щасшливица ты, Капелька, у насъ?
 Такъ свѣшишь, такъ блеспишь, ну словно,
 какъ алмазь!

Тебѣ и Солнце угождаетъ:

Все сжавшися въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ
 сіяешь!
 По солнцу зеркало! . . . семь сажень я въ
 длину,

Чепыре въ ширину;

Однако же во мнѣ не видны горни своды:
 Ни Солнце, ни Луна въ мои не взглянушь
 воды!

Скажи пожалуйста, любимица свѣспилъ,
 За что я имъ не милъ?“

А Капелька въ отвѣтъ: давно я это вижу,
 Сказала бы тебѣ, да можешь бышь обижу. . . —
 „Нѣтъ нужды! говори“ — Причина тупъ
 проспа:

Ты засорень — а я чиста. —

Федоръ Глинка.

~~~~~

КАЩЕЙ и ЛЪКАРЬ.

СКАЗКА.

Кащей не въ шупку захвораль :

Пяшь дней ужь съ сундука не сходитшь;
 Не ѳспъ, не пьеть и глазъ почши не
 сводитшь;

Пришло не въ мочь, за Лѣкаремъ послалъ.
 Явился Врачъ, ему лѣкарство прописалъ.

Сей часъ же, говоритшь : пошлите вы въ
 аптеку. —

„А много ль денегъ дашь велите челоуѣку?“

— Не знаю право что возьмушь;

Ну дайте двадцать пять, вамъ сдачи при-
 несущь. —

„Что жь дѣлать? такъ и бышь! сей часъ
 пошлю Ванюшку.

Иванъ! приподними ты у меня подушку;

Возьми: вошь пять алшынъ!

Вошь гривна!.. кажешся даль лишній грошъ
 одинъ.

Посшой-ка: разъ, два, три, чешыре, пять—
 ну вѣрно.

Скорѣй съ рецептомъ ты бѣги,

Да не зайди въ кабакъ. Куда какъ эшо
 скверно!..

Не грязно на дворѣ, такъ скинь ты сапоги.“
 Разинуль Лѣкаръ рошъ, какъ будшо видѣль
 чудо;

Не вѣрилъ онъ своимъ глазамъ, ушамъ.

Вы поняли меня, сказалъ онъ: очень худо;
 Пошлите двадцать пять рублей. . . — „Не
 дамъ, не дамъ!
 Какъ двадцать пять рублей! О Господи,
 мой Боже!

Во снѣ ли я иль на яву?“

— Здоровье вѣдь всего дороже. —

„Какъ двадцать пять рублей! за что?“ —

Да за праву,

Микстуру, капли и пилюли. —

„Да полно оживу ли

Отъ эшихъ я лѣкарствъ? Вѣдь я едва дышу;

За что же двадцать пять рублей терять

напрасно!“

— Хотя вы и больны опасно;

Не бойтесь: я еще кой- что вамъ пропишу

И, такъ сказать, изъ мертвыхъ воскрешу,

Лишь только вы ко мнѣ довѣренность

имѣйте

И денегъ не жалѣйте.

Я за свои труды полушки не хочу:

Вы бѣдной человѣкъ, безъ плашы васъ лѣчу;

А даромъ получать лѣкарства не возможно.

Вамъ подкрѣплять себя хорошей пищей

должно:

Для супа рябчиковъ или цыплятъ купить

И лучшее вино съ водой опварной пить.

Возьмите вы себѣ Ренвейну иль Лафису,

Хоть въ пять рублей. . . — „Со всѣмъ нѣшь

аппетишу!“

— Придетъ. Пошлитежь двадцать пять!... —

„Да было бы гдѣ взять!“

— Коль денегъ нѣтъ у васъ, пожалуй я
доспану. —

„Отецъ мой! за тебя молишься Богу спану“

— Я вамъ служить сердечно радъ.

Вотъ эшотъ сундучокъ отдайте мнѣ въ
закладъ. —

„Да развѣ на полу больному мнѣ валяться?“

— Нѣтъ, я пришлю кровать:

На ней покойнѣе вамъ будете поживатьъ.

Давайте-ка сундукъ, извольте приподняться.

Ты за извощикомъ сходи теперь, Иванъ! —

„Куда? останься здѣсь, болванъ!..“

Помилуйте!“ — Ну выбирайте:

Лѣчиесь или умирайте. —

„Ужъ лучше такъ умру; оставьте вы меня.“

— Прощайте, не проживите вамъ дня.

Отца духовнаго позвать вы прикажите

И гробъ получше закажите.

Ужъ не ударите въ грязь лицомъ,

Распорядите все передъ своимъ концомъ,

Чтобы послѣ не было ни споровъ, ни
превоги.

Въ шесть лошадей возьмите дроги,

Покровъ богатой, балдахинъ... —

„Не безпокойтесь: я не знашной господинъ;

Не для шого копилъ всю жизнь свою имѣнье,

Чтобы на моповство, пошло на погребенье!

Могу я обойтись безъ эшихъ пустяковъ.“

— Есть у меня собранье череповъ,

Но нѣшу черепа скупова;

Продайте мнѣ свой шурпъ, купишь его
гошовъ;

Не сыщите купца другога. —

„Когда не шушите, по я себя продамъ.“

— Сурьезно говорю. — „А много ли дадите?“

— Ну двадцашъ пяшь рублей я дамъ.—

„Нѣтъ, мало!“ — Сколько же хошите?—

„По крайней мѣрѣ сто.“ Какъ можно?
пядесяшь. —

„Прибавьте.“ — Шеспдесашь

И ни копѣйки болѣ.

Повѣрьте, что другой васъ даромъ не
возмешъ.

Просшите. — „Бышь по вашей волѣ;

Давайте по рукамъ, да деньги напередъ.“

И.

ОТВѢТЪ И СОВѢТЪ.

Ты просишь, милой другъ, чшобъ я тебѣ
сказалъ

О средствѣ, какъ прослышь Поэтомъ!—
Охотно объявлю все то, что я узналъ,

И кончу дружескимъ совѣтомъ.

Я предложу къ тому различные пути:

Бери себѣ любой. — О! трудносней немало

Къ бессмертью за стихи дойти!

Вѣдь Аполлоново зеркало

Страшнѣе всѣхъ Палашъ!—по виду нѣжный
Богъ

На выборъ очень спрогъ:

По просьбамъ, безъ заслугъ, не жалуешь въ
Поэты.

И такъ начнемъ!—Питомецъ Музъ!

Какіе ты себѣ ни избралъ бы предметы,

Вездѣ должны блистать познанія и вкусъ

И нравственность святая!

Безъ нихъ Поэзія—собрание мѣрныхъ словъ,

А не языкъ боговъ.

Познанія пріобрѣтая

Всегдашнимъ опытомъ, трудомъ,

Ты многихъ превзойдешь—умомъ;

Но вкусъ, восторгъ и вдохновенье

Никакъ не могутъ быть ученія плодомъ:

Они—Небесъ благословенье!

И если у тебя ихъ нѣтъ,

Оставь перо—ты не Поэтъ!

Лишь только ими одаренный—

Въ міръ горній мыслью вознесенный,
 Иль воспѣвающій сей нами зримый міръ—
 Подобно какъ Омиръ
 Прославился по всей вселенной,
 Неложной славою, дневной,
 Но прочной, испинной, попомствомъ ушвер-
 жденной.

Пускай Зоиловъ рой
 Противъ него возстанеть
 И множествомъ различныхъ золь
 Ему вредить повсюду спанеть—
 Неколебимъ его престоль!
 Вънецъ безсмертія не влянетъ!.....
 Ужасный, скользкій путь!—узнай теперь дру-
 гой,

На коемъ легче опличисья:

Тупь, милой мой,

Не нужно думать и учишься.

Здѣсь появился новый скипъ

Раскольниковъ Поэшовъ;

Вступи въ число клеветовъ!

Ты скоро будешь знаменишь

Въ ихъ пышныхъ, свѣплыхъ залахъ!

Успавъ ихъ въ двухъ спашьяхъ: одною онъ
 велишь,

Чпобъ даже въ мадригалахъ

Славянскія слова всегда пы помѣщаль;

Другою—чпобъ *своихъ* отважно защищаль.

При шомъ писателей, прославившихъ Россію,
 Осмѣивай, брани—пристойность не нужна—

И проклинай Ка———на:

Сочлены чувствуюшъ къ нему аншипатію,
 За то что первый онъ осмѣлился ввести
 Въ стихи и прозу слогъ пріятный,
 Для нихъ и дикой и невнятный.....

Когдажъ душъ твоей нельзя перенести
 Сей дерзости постыдной,
 Вступи въ кружокъ неменьше видной,
 Парнасскія дружины молодой!—
 Туть Авторы другой породы:
 Они за чашей круговой
 Поюшъ другъ другу оды,
 И за Шампанскаго бокаль
 Посланье—и въ журналъ!

И Геній твой вездѣ по почтѣ разнесетъ!
 Вездѣ извѣстенъ ты, почтенъ,
 И даже будешь забывенъ
 Пока листокъ не издерется.....
 Вошъ самой легкой планъ!

Однако долженъ я сказать чистосердечно:
 Ему послѣдуя, не будешь славенъ вѣчно,
 И щетно испощишь карманъ!

Прими еще совѣтъ!—Когда уже не можно
 Твоей болѣзни испребить—
 Пиши—да только осторожно
 И никого не смѣй учить:
 Бѣду надѣлаюшъ уроки!
 Увидя спраннысти, пороки,
 Слѣпымъ скорѣе пришворись!

Съ глупцами не бранись:
 Глупцы и сильны и жестоки!

Тебѣ извѣстенъ свѣтъ—пиши имъ похвалу.

Пусть умный человекъ вздохнешь и улы-
 нешься,
 Нѣшь нужды—щасіе тебѣ рѣкой польеся:
 Ты будешь приглашенъ у знашныхъ Баръ
 къ столу,
 Они чинокъ дадушъ учшивому Поэшу,
 Красавицы допусшашъ къ шуалешу,
 Стихи твои вездѣ зашишниковъ найдущъ,
 И въ образцовыя шворенья попадушъ.
 О. Н...

ОТВѢТЬ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ *).

Мнѣ ль, спѣсненной рокомъ злымымъ,
 Мнѣ ль на лирѣ воспѣвашъ?
 Голосомъ печальнымъ, скорбнымъ
 Дѣвъ Парнасскихъ призывашъ?
 Мнѣ ль на судѣ лихому свѣшу
 Съ пѣснію предспашъ моей,

*) Стихи сіи присланы къ Издашелю при слѣдую-
 щемъ письмѣ: „Будучи въ одномъ домѣ на имя-
 нинахъ, я нашель на сполнкѣ небольшіе списшки,
 кошорымъ маленькая дочь хозяйки привѣспшвова-
 ла ее въ шопъ день. Они мнѣ очень понравились.
 Я полюбопышспшвоваль узнать Автора. Мнѣ ука-
 зали его: эшо была Руская учшпельница дѣвочки.
 Ошдавъ должную справедливосшь шаланшу моло-
 дой Стихотворицы, я совѣшповаль ей продолжашъ
 упражняшся въ Поэзіи и изъявилъ желаніе видѣшъ
 еще какое нибудь ея произведение. Вопъ стихи,
 кошорые вскорѣ получилъ ошъ нея виѣсно ошвѣ-

Гдѣ и лучшему Поэту
Доспашеся ошъ судей?

Мнѣ ль великимъ вслѣдъ спремипься,
Какъ они желашъ вѣнка?
Нѣшъ, я буду имъ дивипься,
Да и шо—издалека.

Всякому своя здѣсь доля:
Пусть орель парипь къ звѣздамъ;
Мотылекъ же среди поля
Пусть мелькаешъ по цвѣшамъ.

Но когда шо справедливо,
Чшо я кое-какъ могла
Риѣмъ пяпокъ сказащъ щаспливо—
Небольшая похвала!

Много ль надобно искушва,
Чшобы дѣшямъ выражашъ
Передъ матерію чувствеша?
Ихъ сама виною машъ.

Такъ спихи мои напрасно
Показались хороши;
Развѣ въ нихъ лишъ шо прекрасно,
Чшо писала ошъ души.

Г — а.

па. Покорнѣйше прошу напечаташъ ихъ въ ва-
шемъ Журналѣ: надѣюсь, что они того заслужи-
вающъ. Спрашашъ оскорбипь скромность Сочини-
тельницацы, я не рѣшилъ выспавлящъ всего ея
имени, шѣмъ болѣе, что я ошнощусь къ вамъ
безъ ея позволѣнія.“

Н. НЕ РОДИСЬ НЕ ХОРОШЪ НИПРИГОЖЪ, А РОДИСЬ ЩАСТЛИВЪ.

(Истинное происшествіе).

Побѣдоносный Суворовъ вступилъ въ Варшаву, и заря спокойствія блеснула на мрачномъ горизонтѣ страны, опустошенной войною. Пламя внутреннихъ мяшежей начинало погасать; сердца мало по малу спановились покойнѣе, лица веселѣе, и роскошные Поляки вскорѣ предались удовольствіямъ, коими любили наслаждаться подъ сѣнію мира.

Особенно въ Краковѣ было тогда весело. Туда съѣхалось множество Рускихъ Офицеровъ; а гдѣ Рускіе, тамъ (спросите у цѣлой Европы) никогда не скучно; балъ за баломъ, пирушка за пирушкой, и жишели не знали какъ угостить дорогихъ посѣпителей. Но никто не жилъ такъ пышно, ни у кого не бывало такихъ блистательныхъ собраній, какъ у богашой Графини Дубровской (*); и бытъ приняту въ ея домѣ значило бытъ чловѣкомъ хорошаго тона. Она пользовалась общимъ уваже-

(*) Имя вымышленное.

ніємъ, сколько по богатству своему, сколько и по причинѣ лестнаго покровительства, которое во всякомъ случаѣ оказывалъ ей Австрійскій дворъ; ибо покойный супругъ ея, посвятивъ себя службѣ Императора, принесъ на одномъ сраженіи самую жизнь свою въ даръ избранному имъ новому опечесству. Графиня имѣла много причинъ оплакивать поперю такого мужа; но она сокрушалась всего болѣе о томъ, что онъ, оставивъ ей знашное имѣніе и славное имя, не оставилъ наследника. Единственнымъ утѣшеніемъ ея въ этой горести была дочь, первый и послѣдній плодъ супружества, прекрасная какъ Майское утро, предметъ удивленія цѣлой провинціи, которая хотя и не могла возстановить пресѣкшейся фамилии, по крайней мѣрѣ могла сколько нибудь поддержать ее выгоднымъ замужствомъ. Такимъ образомъ щеславіе матери еще пипалось нѣкопорою надеждою. Въ сей-то пріятной мысли старалась она дать ей самое блестящее воспитаніе; съ сею-то цѣлію жила такъ пышно, открышо. Для нея не было луч-

щаго удовольствія какъ видѣшь около несравненной своей Аделаиды толпу знашныхъ молодыхъ людей, копорые или восхищались рѣдкимъ искусствомъ ея въ танцахъ, или приходили въ восторгъ, слушая очаровательное ея пѣніе, внимая волшебнымъ звукамъ ея арфы. Однимъ словомъ, удачное замужство дочери было единственнымъ предметомъ всѣхъ помышленій Графини. При томъ она безпрестанно птвердила ей о древности своего рода, перещипывала знашнѣйшихъ жениховъ, и почти каждой день высказывала ей генеалогію извѣстныхъ дворянскихъ фамилій въ Королевствѣ. Но такія наспавленія не производили желаемого дѣйствія надъ Аделаидою; она слушала ихъ, дивилась машеринской суешности, и чѣмъ усерднѣе старалась та внушить ей свой образъ мыслей, тѣмъ болѣе онъ ей не нравился. Должно ли дивиться такому несходству нравовъ послѣ того, когда дѣши порочнѣйшихъ людей, самыхъ злодѣевъ, ближайшіе свидѣтели ихъ пресупленій, бывають часто людьми достойными?

Если величественный, легкий спань, черные пламенные глаза, свѣжій румянецъ по нѣжному бѣлому лицу, каштановые волосы дѣлали Аделаиду красавицей: то непришворная чувствительность, милое добродушіе, одушевляющія прелестныя черты ея, характеръ благородный, умъ образованный, любезность приводили всѣхъ въ очарованіе. Мущины смошрѣли на нее можно сказать съ нѣкопорымъ благоговѣніемъ; каждый ласковый взоръ, малѣйшій знакъ привѣпливости цѣнили они выше всего; и копя всякой изъ нихъ обыкновенно толковалъ то въ свою пользу; однажъ ни одинъ еще не смѣлъ льститься надеждою бытъ ею любимымъ или намѣкнушь ей о своихъ чувствахъ. Такъ она умѣла вести себя.

У Графини каждое воскресенъе давались балы, копорыхъ лучшимъ украшеніемъ была Аделаида, а душою Рускіе Офицеры. Они наперерывъ старались понравиться красавицѣ и прошумѣли о ней уши поварицамъ своимъ, копорые не ѣздили въ домъ Графини. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился Капишанъ...

(назовемъ его обвѣщальнымъ именемъ Модеста, что дѣлать если нѣтъ лучшаго?) Офицеръ храбрый, человѣкъ опличныхъ достоинствъ; но бѣдный и почти безобразный: жестокая оспа испортила правильныя черты лица его. Любопытство видѣть прославляемую красавицу заставило Модеста искасть знакомства Графини. Онъ представлень и по праву иностранца, который пользуясь въ подобныхъ случаяхъ всегда большими выгодами, принимается обыкновенно съ меньшимъ разборомъ чиновъ и сословій, вступилъ въ число ея знакомыхъ.

Неосторожный рыцарь! или не зналъ ты своего сердца, которое хотя было въ груди геройской; но было нѣжно, чувствительно? Куда влечешь тебя свое любопытство? Посмотрите, какъ онъ смѣшался при первомъ взорѣ, брошенномъ на него Аделаидою; замѣшите, какъ онъ пылаешь, поглядывая издали на ловкіе, плѣнительныя скачки ея въ мазуркѣ; какъ онъ задумался, слушая очаровательныя звуки ея арфы. Вы не ошибешесь, сказавъ, что онъ уже влюбился.

Модесць не пропускаль ни одного воскресенья. Онъ вѣрно всякой разъ танцоваль съ Аделаидою? — Ни разу. — Неустрашимый на войнѣ, смѣлый въ опасностяхъ, онъ боялся, не зная самъ чего, подойти къ ней. И не удивительно: истинная любовь робка обыкновенно. Лучшими минушами на эпихъ балахъ были для него шѣ, когда прекрасная, по приказанію мащери, садилась за арфу. Тогда, изъ за шолпы ее окружавшей, не думая, какъ другіе, обратишь на себя ее вниманіе, онъ могъ спокойно разсмащривашъ ее, и, шакъ сказащъ, упивашъся ея прелесщями. По окончаніи музыки, всѣ обыкновенно подходили къ Аделаидѣ, осыпали ее похвалами. Одинъ Модесць не прогался съ мѣща; досадоваль на свою неловкостъ; но будучи застѣнчивъ, чувствуюя недоспащки своей наружности, опасаясь, чшобы привѣщствіе его не сочли смѣшнымъ или щстраннымъ, онъ печально опходилъ въ сторону и скрывался между своими поварищами. Однакожъ какъ онъ ошибался. Не смотря на мнимую холодностъ его къ дарованіямъ Аделаиды, взоры ея

скоро замѣпили молчаливаго, всякой разъ искали и находили его въ толпѣ слушателей. Одно уже это равнодушіе обращало на него все ей вниманіе, а общій лѣспный опзывъ, кого о немъ ни спрашивала, производили въ умъ ея самое выгодное заключеніе о его характерѣ.— „Для чего бы ему не подойти ко мнѣ? говорила она сама съ собою; мнѣ очень бы хотѣлось поговорить съ нимъ, узнать его короче.“—Какими иногда чудными и шайными пущами любовь вкрадывается въ наше сердце?

О, можно ли описать воспоргъ его, какъ однажды по окончаніи музыки, пользуясь всеобщимъ движеніемъ и шусклымъ свѣпомъ нагорѣвшихъ люспрь, онъ осмѣлился наконецъ изъявить Аделаидѣ удивленіе свое къ ея шаланшу и былъ выслушанъ съ знаками опличной благосклонности?—Между тѣмъ заиграли *Польской*, и Модеспъ, ободренный ласковымъ взоромъ Аделаиды, просипъ ее шанцовашъ съ собою.

Кпо не знаешь, какъ выгоденъ *Польской* для объясненій всякаго рода? Ловкой волокиша съ большею смѣлосшію

напѣваетъ подъ шумокъ танцующей съ нимъ дамѣ о спрасшной любви своей, поспояншвѣ, вѣрности, копорья у него шолько на языкѣ; робкіе любовники могушь свободно говоришь шупь о своихъ чувспвахъ: ихъ никшо не примѣчаешь, всякой заняшь собою, или своею парюю.

Аделаида радовалася случаю поговоришь съ Модеспомъ, Модеспъ и подавно. Но разговоръ ихъ, какъ всякой легко догадашься можешь, не былъ и не могъ бышь объясненіемъ. Они хопѣли шолько узнать взаимный образъ мыслей другъ друга. Модеспъ былъ очарованъ, слушая съ какимъ жаромъ знашная, въ блестящемъ кругу воспитанная дѣвица, описывала прелести уединенія, выгоды умѣренной жизни, какъ завидовала щаспливому соспоянію людей, копорые удалены опъ всѣхъ принужденій, опъ всѣхъ эпикешовъ большаго свѣта, копорые чувспвуюшь свободно, дѣйствуюшь единшвенно по влеченію сердца. Аделаида съ своей спороны не могла не опдать справедливости достоинствамъ Модеста. Она удивилась, что до сихъ

поръ не встрѣчала еще человѣка, копорый бы судиль обо всемъ шамъ согласнo съ нею, и невольнo задумалась при эшой мысли.—Должность Историка налагаешь на меня обязанность примолвишь, что рука Модесца почти во все продолженіе танца препенала въ рукѣ Аделаиды, и что она нѣсколько разъ принуждена была выпускать ее, чтобы дашь ему время ободришься, чтобы не придти самой въ смущеніе.

Съ эшаго дни Модесъ къ неизьяснимому удовольствію примѣшилъ, что взоры Аделаиды начали съ большею заботливостію искашь его въ полкъ Рускихъ Офицеровъ на балахъ, съ большею нѣжностію обращась на него изъ за арфы, особенно въ тѣ минушы, когда струны ея выражали болѣе чувствва, болѣе спрасти. Тайный голось сердца и самолюбія шепсаль ему: *она тебя любитъ*; но робкая недовѣрчивость, всегдашняя спутница наша въ подобныхъ обшояпельсшвахъ, почти заглушала сіи пріяшныя внушенія. Такое состояніе мучишельно. Модесъ сдѣлался скучень, мрачень, провель въ безсонницѣ нѣсколь-

ко долгихъ ночей, и наконецъ положилъ, во что бы то ни стало, удостовѣриться въ своихъ догадкахъ, внимательнѣе примѣчая за Аделаидою. Но какъ? Въ шуму свѣща, гдѣ люди всегда показывающся иными при глазахъ постороннихъ, это трудно. Влюбленный перебралъ въ изобрѣшательной головѣ своей множество средствъ, и выбралъ одно, по важности лучшее:

Прошивъ дома Графини, и именно прошивъ оконъ Аделаиды, былъ лучшей въ городѣ пракпирь. Модеспъ нанимаетъ въ немъ двѣ комнашы, платитъ за нихъ почти всѣ свои деньги, и въ первое воскресенье, возвратившись домой, садится у окошка. Если она дѣйствительно любитъ меня и старается только скрывать это въ присутствіи другихъ, думалъ онъ; но оставшись одна, безъ свидѣтелей, конечно будешь также какъ и я грушна, задумчива.—Огонь блеснулъ въ комнашѣ Аделаиды; она вошла и скоро отослала служанку. Модеспъ угадалъ. Любезная его казалась очень разспроенною: она то ходила взадъ и впередъ; то садилась, печально

облокошившись на руку; брала книгу, въ разсѣяніи перебирала листы, оспавляла ее и снова погружалась въ задумчивость; словомъ, всѣ движенія ея показывали сильное душевное волненіе. Она посковала, Модесць теперь радовался: шаково человѣческое сердце!

Не надолго однакожь успокоили его сіи ежедневныя наблюденія.—Спращная любовь рѣдко бываетъ чѣмъ довольна: она безпрестанно пребуешь новыхъ, яснѣйшихъ доказательствъ—однажды поупру, заняшый единственнѣйшимъ предметомъ всѣхъ своихъ помышлений, безъ цѣли, безъ плану, бродилъ онъ по берегу Вислы. Вдругъ нечаянно увидѣлъ маленькаго арапа, любимца Аделаиды, кошорому шакъ часпо завидывалъ въ ея ласкахъ, и кошорый игралъ на мосту съ другимъ мальчикомъ. Онъ обрадовался, хотѣлъ подойти къ нему, узнать чтонибудь о Госпожѣ его, какъ шалунъ, продолжая неоспорочно рѣзвиться, упалъ въ воду. Мѣсто было глубокое; несчастной могъ упонуть; но Модесць, забывая собственную опасность, помня шолько о томъ, что погибаетъ люби-

мець Аделаиды, бросаешся въ рѣку и мгновенно выносишь его на берегъ. Потомъ бѣжишь домой, перемѣняешь плащъ и являешься съ шріумфомъ своимъ въ домъ Графини. Какой щасливый для любовника случай! Онъ возвращаешь любезной своей лучшее ея ушѣщеніе, маленькаго ея воспитанника, которой безъ его помощи погибъ бы навѣрно. Какъ прогашельна въ глазахъ Аделаиды сія услуга! Она оказана съ пренебреженіемъ собственной жизни чело-вѣкомъ, котораго почитала, котораго уже любила, хотя и не хотѣла еще въ шомъ себѣ признашья. Модешъ пріобрѣдъ шецерь полное право на ея сердце: она видѣла еще на волосахъ его капли воды, читала въ глазахъ его истинную причину шполь опважнаго поступка, и въ восторгѣ, въ жару благодарности не умѣла изьяснить оной: сердце ея было полно, рѣчи опривисшы, невразумишельны. Но при всемъ шомъ Модешъ очень хорошо вслушался въ послѣднія слова ея:,, ахъ! какъ я рада, что вамъ, а не другому кому обязана благодарностію!“

Да, онъ очень хорошо вслушался, понялъ смыслъ эгихъ словъ и, воспламенясь болѣе прежняго, рѣшился непременно съ нею объясниться. Но это трудно сдѣлать. Гдѣ можно бытъ съ нею наединѣ? Писать? Въ домѣ могутъ примѣнить посланнаго, а спанется, что письмо возвратится и нераспечатаннымъ; нельзя слишкомъ бытъ увѣрену въ чувствахъ дѣвицы, съ которой говорено не болѣе пяти разъ. Подлинно трудное дѣло! однакожь опчаяваясь не должно: сама судьба часто благопріятствуетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Аделаида была богомольна и часто въ хорошую погоду, ходила иѣшкомъ въ ближней кашпель къ обѣдни; маленькой арапъ обыкновенно провожалъ ее. Модестъ началъ украдкою слѣдовать за нею каждый такой выходъ; если случилось, что она иногда первая приходила въ церковь, то черной, смѣшливой провожающей все было оупъ нея неоплучень, и воупъ препятствіе. Но чего не бываетъ въ любовныхъ приключеніяхъ? — Однажды Аделаида забыла дома свой молитвенникъ (не мудро: влюблен-

ные забывчивы) и вспомнила о томъ уже на паперти; Арапъ тотчасъ за нимъ посланъ, а она между тѣмъ остановилась въ колоннахъ, украшавшихъ преддверіе храма. Пылкій Модеспъ только и ждалъ того. Пользуясь благопріятною минушою, забывъ все приличіе, самую опасность, онъ лепишь къ Аделаидѣ, бросается предъ нею на колѣни, — „жишь или умереть.“ говоришь въ испувленіи, я люблю себя.“ — Что вы дѣлаете? Въ какомъ мѣспѣ? Въ какое время? Выменя погубише! — „Одно слово, продолжаешъ опчаянный, одно только слово! Изреки приговоръ мой: я на все рѣшился!“ — Живише, шихо произнесла Аделаида, закрывая руками лице свое, живише! но оставыше меня теперь; завпра... получише опвѣшь мой! — Въ сію минушу на улицѣ показались люди, и Модеспъ поспѣшно удался.

На другой день Арапъ вручилъ ему письмо Аделаиды. Модеспъ неперифли-во сорвалъ печашъ, руки его дрожали; онъ едва могъ разбирашъ спроки и читалъ слѣдующее:

„Тщешно хопѣла бы еще обманы-
 „вашь себя, долѣе бороться съ собою,
 „узнай Модеспь, Аделаида любишь ше-
 „бя! ... Съ перваго взгляда пы уже при-
 „влекъ къ себѣ все мое вниманіе; съ
 „перваго почши слова приобрѣлъ мое
 „уваженіе, попомъ наконецъ нечув-
 „сшвишельно и самую любовь. Такъ
 „Модеспь, швои доспоинспва увлекли
 „мое сердце, и если располагашь ру-
 „кою не въ моей власши, шо оно на-
 „всегда шебѣ одному принадлежишь.
 „Не знаю кшо внушилъ мнѣ эшу мысль,
 „но я какъ будшо увѣрена, что пы соз-
 „данъ единспвенно для меня, что съ
 „тобою шолько могу бышь щасплива!
 „Упадижь скорѣе къ ногамъ мапушки,
 „проси, умоляй. Но я спрашусь: пы
 „бѣдень и незнашень, а она шщеслав-
 „на; намъ угрожающь величайшія пре-
 „пяспшвія; да поможешь шебѣ Небо
 „преодолѣшь ихъ.“

Въ шоже упро Модеспь былъ уже
 у Графини. Предложеніе шоль ничшож-
 наго въ глазахъ ея человѣка показалось
 ей непросшисельною дерзосшію; но
 жалкій, разспроенный видъ его удер-

жалъ первые порывы гвѣва: она смягчилась и желая опказать свой подкрѣпитель причины болѣе основательными, послала за дочерью: Графиня не сомнѣвалась, что она равноѣрно опвергнетъ его руку. Каковожь было ея удивленіе и досада, когда Аделаида рѣшительно объявила согласіе на предложеніе Модеста, когда сама упала къ ногамъ ея и вмѣстѣ съ нимъ испрашивала благословенія. Изумленіе оковало на нѣсколько минутъ языкъ Графини; но тѣмъ съ большимъ спремленіемъ послѣ излились на Модеста оскорбленія всякаго рода. Ему опказали опъ дому, Аделаидѣ запрещень выѣздъ безъ надзирашельницы, а къ ворошамъ присшавлень крѣпкой карауль, что бы предупредитъ тѣмъ всякое предпріятіе къ побѣгу.

Сей случай, какъ важное сѣмейное замѣшательство прекрашилъ на нѣкоторое время праздники въ домѣ Графини; опговаривались извѣстнымъ средствомъ: нездоровьемъ хозяйки. Аделаида была въ опчаяніи; она долго не выходила изъ своей комнаты, и не смо-

пря на всѣ предосторожности, успѣла увѣдомишь своего любезнаго, что имь оспалась еще нѣкошорая надежда на дядю, живущаго въ Моравскомъ своемъ помѣстьѣ, котораго мать ея всегда слушала и уважала. „Поѣзжай къ нему, писала она, упошреби всѣ способы къ убѣжденію. Онъ человекъ благородный, здравомыслящій; при помѣ уже любишь себя и вѣрно не откажетъ намъ въ помощи. Видаясь съ тобою у мапушки въ послѣдній пріѣздъ свой, онъ всегда опзывался о тебѣ съ особенною похвалою. Ахъ, еслибы Богъ услышалъ мою молишву!“ — Модестъ не дожидался подшверженія, взялъ оппускъ и уѣхалъ. — Балы въ домѣ Графини начались снова, пошому что того шребовало приличіе; но они не были уже шакъ веселы какъ прежде: мрачный видъ Аделаиды оправлялъ общее удовольствіе.

Добродушный дядя благосклонно принялъ Модеста; но зная очень хорошо образъ мыслей и характеръ сестры своей, съ прискорбіемъ опказался бышь посредникомъ. Обманувшійся въ надеж-

дѣ Модестъ слегъ съ печали въ постелю. Старикъ не шягошился больнымъ госшемъ; напрошивъ прилагаль о немъ всевозможныя попеченія и изыскиваль въ головѣ средспва пособить его горю. Онъ нѣжно любилъ племянницу и поэтому искренно желаль бы соединить судьбу ея съ судьбою шакого достойнаго челоуѣка.

„Радуйся—сказаль онъ однажды, вошедъ съ веселымъ лицемъ въ комнапу Модеста, кошорый между шѣмъ оправилъ опъ своей болѣзни — радуйся! Я попалъ на шаспливую мысль; я нашель способъ поправить швои обспояшельспва. Правда эшопъ способъ не слишскомъ вѣренъ, весьма шрудень и опасень; но если шы любишь Аделаиду, то почему не испышашъ его, почему на все не рѣшитесь?“ — На все, на все, говорите. — „Слушай шы конечно знаешь, что духъ революци, раздирающій шеперь Францію и въ глазахъ швоихъ погубившій любезное мое опечешво, происками злодѣевъ Якобинцовъ начинаетъ распространяшь повсюду. Здѣсь,

въ Моравіи, также естъ неспокойныя головы, и ко мнѣ дошли слухи, что существуетъ опасный для спокойствія Государства заговоръ. Имъ управляетъ человекъ хитрый, предприимчивый, на все способный; я знаю его и спрашусь шѣмъ болѣе. Еслибъ ты, Модестъ, взялъ на себя предупредишь сей гибельный умыселъ — а это состоишь въ томъ, чтобы вкравшись въ довѣренность заговорщиковъ и искусно обо всемъ развѣдавъ, донести во время Императору — тогда признашешь Монархъ, который, какъ ты знаешь, всегда принималъ участіе въ фамиліи Дубровскихъ, конечно не откажешся въ знакъ благодарности ходатайствовать за тебя у Графини. Послушайся, мой другъ, моего совѣта; ты знаешь хорошо Нѣмецкій языкъ, и опважень: способностей твоихъ на то, я надѣюсь, доспанешь; а получишь Аделаиду и въ тоже время сдѣлашь славное дѣло, награда завидная! — стоишь, чтобы пренебречь для нея всѣ шруды и опасности.“ — Я на все готовъ, мужъ добродѣтельный! вскричалъ Модестъ обнимая

старца, только научи меня, какъ приступишь къ тому. — „Вотъ мое мнѣніе, продолжалъ дядя. Мнѣ извѣстно, что глава заговорщиковъ оппустилъ своего камердинера, который видно не годился въ дѣло и ищешь на мѣсто его другаго; вѣдь нельзяжъ не имѣть въ эпомъ случаѣ преданнаго челоуѣка, который бы разносилъ и развозилъ секретныя записки, который будучи свидѣтелемъ частыхъ, необыкновенныхъ сѣздовъ друзей своего господина, не вслушался бы иногда въ ихъ рѣчи, не догадался бы по ихъ шопоту, по ихъ лицамъ, что все это не даромъ. Многие уже предлагали ему свои услуги, но ни одинъ не прожилъ болѣе недѣли, конечно пошому, что еще ни одного изъ нихъ не нашелъ онъ достойнымъ своей довѣренности, къ которой вынужденъ необходимостію. Рѣшись, Модестъ, назвашься слугою; перемѣни плащъ, обстриги волосы: себя не узнають и примуть въ камердинеры. Тогда, опаснешься себя только бышь примѣчательнымъ и благоразумнымъ. Роль унижительная, опасная, правда; но сколько

пользы для себя, сколько добра для цѣлой Имперіи!

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: Модеспъ надѣль приличное новому званію своему плашье, обшригъ пукли, пригладиль шупей и явился въ Олмиць, въ домъ главнаго заговорщика. Его осмошрѣли съ ногъ до головы, долго говорили съ нимъ, нашли молодцомъ, наняли; потомъ мѣсяца при испыывали вѣрность его, мало по малу полюбили и наконецъ удостоили полной довѣренности. Изъ должности камердинера скоро по способности посупилъ онъ въ должность Секретаря. Тогда почти все сдѣлалось ему извѣстнымъ. Модеспъ наблюдалъ каждой шагъ своего господина и друзей его, зналъ имена ихъ, пребываніе, всѣ тайныя мѣста свиданій и снималъ украдкою копии съ тѣхъ бумагъ, кошорые ему повѣряли. Правда, что положеніе его было довольно шягосшно; онъ нѣсколько разъ терялъ шерпѣніе; но мысль, что это для Аделаиды, подкрѣпляла его.

Важность Модесшова предпріяшя требовала хранишь ее въ тайнѣ ошъ

самой Аделаиды, и дядя описалъ къ ней, что любезной ея вскорѣ по прїѣздѣ своемъ къ нему получилъ повелѣніе отпра- виться въ Россію; что однакожь онъ обѣщаль въ непродолжительномъ време- ни возвратиться и увести ее. Слабое упѣшеніе! шѣмъ болѣе, что она цѣлые мѣсяцы напрасно ждала Модеста. На- дежда ея съ каждымъ днемъ уменьшалась. Несчастная думала уже, что онъ забылъ ее, пересталъ любить.

Чрезъ полгода заговоръ наконецъ со- зрѣлъ; время исполненія приближалось; медлить было опасно. Модестъ улучилъ минушу, скрылся и поскакалъ въ Вѣну. Является во дворець, проситъ чшобы его допустили къ Императору, бросает- ся къ ногамъ Государя, открываетъ о существованіи заговора и въ подтвер- жденіе словъ своихъ вручаетъ бывшія при немъ бумаги. — Такимъ доносамъ обыкновенно вѣрятъ не скоро. Модеста учтиво проводили въ крѣпость, а меж- ду шѣмъ послали развѣдывать.

Менѣе, нежели въ три дни, заговор- щики схвачены и умысль ихъ разру- шень. Показанія Модеста оправдались

совершенно. Императоръ, пронувшій у-сердіемъ иноспранца, принялъ его съ знаками опличной милоспи, предлагаль ему Авспрійскую службу; но Руской Офицеръ опъ шого опказался,—хопѣлъ обогашить его; но любовникъ Аделаиды просиль шолько письма къ ея машери, кошорымъ бы Его Величеству убѣдиль ее склониться на бракъ дочери. Просьба Модеста была исполнена.

Онъ лепишь въ Краковъ и прямо къ дому Дубровской, просишь доложись о себѣ, его не допускаюшь: онъ показы-ваетъ письмо и предъ Императорскою печашью опворяюшя всѣ двери. Какъ описать воспоргъ Аделаиды, кошорая шеряла уже всякую надежду увидѣшь когда нибудъ своего любезнаго! Какъ изобразить замѣшашельствво и униженную гордосшь Графини, кошорая была принужденною согласишься на предложеніе Модеста и желаніе дочери! Дѣлашь нѣчего; нельзя же прошивишься волѣ Императора. Назначили день свадьбы, послали за дядею; онъ пріѣхаль, сердечно радовался успѣхамъ Модеста, и щаспливые любовники спали супругами.

Графиня дала великолѣпный балъ, на которомъ были всѣ веселы, даже сама хозяйка. „Зяпть мой конечно не знашень; „но онъ лично извѣспенъ Государю“ — говорила она гостямъ своимъ и утѣшалась.

Не знаю почно ли справедливо сіе происшествіе, мнѣ покрайней мѣрѣ рассказывали его за истинное; я почти ничего не прибавилъ: за что купилъ, за что и продаю. Можеть бытъ чинашелямъ покажешся спраннымъ, что Императоръ за оказанную ему Модешпомъ услугу наградилъ его только рескриптомъ къ Графинѣ. Мнѣ самому кажешся эшо невѣрояпнымъ: должно думать, что Его Величештво оказалъ и инымъ образомъ свою признашельность. Впрочемъ эшо обстояшельство ничего не прибавляешъ къ главному содержанию повѣсти.

В—рѣ II—сѣ.

III. ДОРОГА ОТЪ УСТИЛУГА ДО ВАРШАВЫ.

(Отрывокъ изъ записокъ Русскаго
Офицера *).

Переѣхавъ мостъ на *Буеѣ*, я проспился съ Россіею. Двуглавый орель, бодрствующій надъ благомъ ея отъ предѣловъ Кишая до Чернаго моря, хранящій благошворные законы ея отъ хладныхъ ущелій древней Скандинавіи до обласшей Персиды, оспался на высокихъ ушесахъ съ той спороны *Буеа*. Здѣсь встрѣшилъ насъ изнуренный, едва дышущій орель Польши, спѣсненный въ углу герба Саксонскаго.

И шакъ я за границею? Какое спранное, непоняшное чувство производишь въ душѣ нашей сіе простое слово, означающее только предѣлъ власши одного лица или правительсшва! — Могу ли рубежи Россіи почишашъ своимъ опечесшвомъ? Владычесшво АЛЕКСАНДРА просшираетсш въ шепяхъ Киргисъ-Кайсаковъ, Чеченцовъ, Алеушовъ; но могу ли назвашъ ихъ моими брашьями? Между лѣмъ какое-то невольное, горешное

(*) Записки сіи будутъ изданы особо.

ощущеніе объяло душу мою, когда смопршель шаможни велѣль поднятъ шлахпбаумъ и пожелалъ намъ щасшливаго возвращенія! Увы! онъ не могъ пожелать ничего лучше. Путешественникъ, опправляющійся въ чужія земли изъ любопытства или прихоши видѣть новыя лица, новые предметы, ожидаеть однихъ только удовольствій; но воинъ, прощаясь со всѣми выгодами жизни, гошоваясь къ однимъ трудамъ и лишениямъ, неся въ жерпву жизнь — имѣеть въ виду только благоденствие опечесства и слабый, невѣрный призракъ славы, копорую долженъ купить опасностями и кровію. Съ горестію смопрѣль я на шумные ряды юношей, толпившихся на мосту съ радостными пѣснями и поздравлявшихъ другъ друга съ переходомъ *за границу*. Многие ли изъ васъ, думалъ я, увидятъ опеческіе дома и своихъ ближнихъ? Раны и болѣзни ждуть васъ, храбрые поварищи; холодныя сердца чужеземцовъ не будутъ сосрадать вамъ, не просрутъ утѣшительной руки помощи на одръ нищеты и спрададанія! Сколько бѣдствій должны прешерпѣть вы для достиженія своей цѣли!

Погруженный въ сіи печальныя мысли медлѣнно слѣдоваль я по песчаной дорогѣ къ *Хельму*. Я ѣхаль вмѣстѣ съ Полковникомъ *Р-гелъ*; жена его провожала насъ вершны двѣ за границу. Трогательное ихъ прощаніе проливъ воли изпоргло нѣсколько слезъ изъ глазъ моихъ; но слезы сіи смѣшаны были съ пріятною увѣренностію, что любовь и дружба сущесвуютъ въ мірѣ. Признаюсь, что и *эгоизмъ* вмѣшался въ мои чувства: онъ даваль мнѣ надѣяшся, что есть люди, кошорые и меня будущъ помнишь.

На другой день увидѣли мы старинныя башни *Хелма*. Одинъ изъ нашихъ поварищей, служившій подъ знаменами великаго *Суворова*, съ восхищеніемъ описываль намъ окресшныя мѣста, свидѣтели славы непобѣдимыхъ войскъ нашихъ. Новыя брани изгладили слѣды прежнихъ; рѣдкія изъ здѣшнихъ жителей говоряшь пеперь о *Екатеринѣ*, *Суворовѣ*: настоящее всегда занимаешь болѣе, нежели прошедшее.—Всѣ жалуются на своевольство Саксонцовъ. И самыя ожесточенныя непріатели не мо-

гли поступашь безчеловѣчнѣ сихъ союзниковъ и друзей Польши. Жалобы были бесполезны: легко вообразить можно, что въ состояніи сдѣлашь солдапы, необузданные страхомъ наказанія.

Нѣкогда *Хелмъ* былъ окруженъ укрѣпленіями, но теперь не видно и остатка оныхъ. Городокъ весьма плохой. Квартира наша была въ древнемъ, огромномъ зданіи, принадлежавшемъ какому-то монастырю, а теперь занимаемомъ Епископомъ Хелмскимъ. Одинъ изъ духовныхъ, находящійся при семъ Епископѣ, встрѣшилъ и проводилъ насъ въ опведенныя комнашы. Я чрезвычайно обрадовался, узнавъ, что онъ говоритъ по Французски и по Нѣмецки (въ Польскомъ языкѣ успѣхи мои были не слишкомъ велики). Весьма умно и справедливо рассуждалъ онъ о нынѣшнемъ положеніи Польши. „Молодые люди, говорилъ онъ, обольщенные славою и мнимымъ величіемъ *Наполеона*, почишають честью и щастіемъ служить подъ знаменами *перваго Полководца всѣхъ временъ и народовъ*. Ты-

сячи изъ нихъ погибли въ Испаніи, Ита-
ліи, Германіи и Россіи — но еще тысячи
гопповы жершвовашъ жизнью для лож-
ной славы и прихопи гордаго честпо-
любца, кошорый обольщаешъ ихъ ско-
рымъ возспановленіемъ отечеспва. Де-
сяшилѣпній опышъ не просвѣшилъ ихъ:
не самимъ ли себѣ обязаны Поляки
сверженіемъ ига Авспрійскаго? Не вез-
дѣ ли были они первымъ оилопомъ
войскъ Французскихъ? И какую награ-
ду получили за эшо? Мнимая вольность,
купленная кровію, преврапилась въ
въ рабство. Свергнувъ отеческое пра-
вленіе Авспріи, бѣдная Польша сдѣла-
лась провинціею слабаго Короля Сак-
сонскаго: каждый Французскій Генераль
имѣешъ власъ неограниченную; соб-
спвенность и самая жизнь въ рукахъ
жеспкихъ деспововъ. Миниспры и
прочіе государспвенные чиновники безъ
всякаго опасенія грабшъ нещаспное
отечество. Вельможи пользуются все-
общимъ безпорядкомъ для поправленія
разспроенныхъ дѣлъ своихъ. Мало или
почти совсѣмъ нѣшъ испинныхъ папріо-
шовъ, кошорые бы безъ всякой коры-
спи занимались благомъ своей опчизны.“

Бѣдная Польша! Бѣдные Поляки! Что приобрѣли вы гибельною дружбою *Наполеона*? — Весьма ксшати привеспи здѣсь странное, но справедливое замѣчаніе одного (мнимаго) путешештвенника. Какая эшо земля? спросилъ онъ въѣхавъ въ Польшу: — „Герцогство Варшавское.“ — Какой же здѣсь народъ? — „Поляки.“ — Кшо Герцогъ? — „Король Саксонской.“ — Какіе у нихъ законы? — „Французскіе.“ — Какія деньги здѣсь ходящъ? — „Прусскія.“ ... Смѣшное, но истинное изображеніе слабости и рабства!

Чесполобіе нѣсколькихъ чловѣкъ привело Польшу на край гибели. Бѣдное дворянство утѣшалось лесною мечшою, что повинуется самимъ имъ избранному Монарху, что голосъ каждаго имѣеть силу въ собраніи народномъ; но какъ рѣдко случалось, особливо въ послѣднія времена, чтобы Король возведенъ былъ на пресполь общимъ свободнымъ желаніемъ Государства. Не всегда ли происки и шпыки иноспранцевъ руководствовали выборомъ? Рассказываютъ смѣшныя анекдо-

ты о сихъ собраніяхъ. „Ни позволяю“ кричалъ одинъ шляхтичъ при избраніи Станислава Лещинскаго. — А почему? спросилъ у него приверженный къ Станиславу. — „Да потому, что сосѣдь мой не согласенъ.“ — Было множество подобныхъ сему случаевъ: ибо рѣдкій изъ присутствующихъ зналъ даже по служу выбираемаго Короля.

Я хотѣлъ видѣть городъ: добрый Ксензь не отказался быть моимъ спутникомъ. Не найдя ничего достойнаго особенно вниманія, возвращались мы домой. Полякъ показалъ мнѣ равнину у самаго города, на которой за двадцать лѣтъ предъ симъ сражались Рускіе. Разговоръ коснулся *Косцюшки*. „Онъ былъ храбрый, благородный человекъ, сказалъ мой спутникъ: но не въ силахъ былъ одинъ поддерживать полусокрушившееся зданіе независимости Польской.“ — Въ то самое время увидѣли мы медлѣнное шествіе похоронъ, довольно великолѣпныхъ. „Кого хоронятъ?“ спросилъ я у сопровождавшихъ гробъ. Мнѣ сказали имя одной очень богатой помѣщицы. — „Исторія сей женщины, говорилъ Ксензь

въ продолженіи пущи, доспойна любопышства и можешъ служишь весьма полезнымъ урокомъ для призывающихъ есче иля Господне. Есть люди, которые не вмѣняють въ преступленіе необдуманная, спрашная клятва; иныя ошь безразсудной въпренности, другіе ошь развраща; но рано или поздно Божеское мщеніе постигнетъ ихъ. С*** мужъ сей дамы, человекъ довольно богатый, живешъ въ нѣсколькихъ верспахъ ошь города. Собаки и лошади занимають его болѣе, нежели сѣмейство. Равнодушно сморѣлъ онъ на въпренные поступки жены своей, кошорая родясь съ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ, но къ несчастію съ сильными страстями, дала излишнюю волю своему воображенію. Года за два предъ симъ пріѣхаль въ нашъ городъ одинъ ошсшавный Полковникъ съ прекрасною, милою женою. Всѣ любили ихъ за гостепрїимство и рѣдкое дружелюбіе. С*** познакомилась съ ними—и невольно сравнивая хладнокровнаго своего мужа съ пылкимъ Полковникомъ, забыла свои обязанности. Легкомысленный

Полковникъ, обольщенный ея ловкостію и любезностію, нарушилъ также обѣты супружеской вѣрности. Связь ихъ была нѣсколько времени пайною; но можно ли упайшь что либо ошъ проницашельнаго взора нѣжной любви? Вскорѣ подозрѣнія преврашились въ печальную достовѣрность: случай доставилъ въ руки обманутой супруги (она называлась Аполлонією) письма любовниковъ, неоспоримое доказательство ея нещасія. Оскорбленное самолюбіе укрошилось нѣсколько слезами и раскаяніемъ супруга, кошорый далъ ей клятву не видашься болѣе съ ея соперницею. Истинная любовь снисходительна: казалась спокойствіе возврашилось въ ея сердце. Но въ одинъ праздникъ С*** была въ церкви; случилось нечаянно, что Полковница не примѣшивъ ее, сѣла рядомъ съ нею. Едва увидѣла она виновницу жестокихъ своихъ мученій, слезы градомъ покашились изъ глазъ ея: между тѣмъ преступная С*** страшась невыгоднаго для себя сужденія публики и не зная совсѣмъ о письмахъ, доставшихся Аполлоніи, спа-

ла увѣряшь ее въ своей невинности и въ неосновательности ея подозрѣній. Легко можно вообразить съ какимъ презрѣніемъ слушала несчастная Аполлонія сіи притворныя увѣренія. Въ то время Священникъ вынесъ святыя дары. „*Клянусь валиъ кровію Спасителя* продолжала С. * * *, что я ни въ чемъ не виновна; если я говорю неправду, пусть накажешь меня небесное правосудіе ужасными, неслыханными мученіями! „ — Съ шрепешомъ въ сердце слушала Аполлонія страшныя сіи кляшвы; холодъ разлился по ея жиламъ: она не могла сидѣть долѣе и вышла. Но съ шого времени гнѣвъ Божій ошягопился надъ пресшупницею: шѣло ея покрылось ранами; жестокая шоска преслѣдовала ее повсюду — и послѣ испинно неслыханныхъ шираданій, продолжавшихся болѣе года, она скончалась въ шяжкихъ мученіяхъ. Но прежде смерти просила ради самаго Бога Полковницу облегчить прощеніемъ горестную разлуку ея съ жизнью. Добрая Аполлонія не отказала ей въ семъ послѣднемъ ушѣщеніи: она просила ее ошъ всей души. Можешъ бышь

и Судія Небесный помилуешь ее, оставивъ людямъ грозный примѣръ наказанія за ложныя кляшвы.“

Ужась и печаль снѣсняли грудь мою во время повѣствованія Ксенза. С*** была преступница; но нельзя не чувствовать къ ней состраданія, видя какими бѣдспвіями наказалъ ее Промысль. Человѣкъ безъ религіи и нравственности не повѣритъ сему происшествію; но истинный Христіанинъ познаешь въ немъ слѣды правосудія небеснаго, часно долгошерпѣливаго, но всегда неизбѣжнаго.

Весь вечеръ провелъ я грустно, размышляя о слышанномъ мною; и на другой день, проспясь съ умнымъ, добрымъ Ксензомъ, пустился далѣе въ путь, не зная и самъ, куда ведетъ меня невидимая рука Судьбы. Безъ всякаго вниманія проѣхалъ я *Безенъ*, *Кресиловъ* и *Менковицы*; усшалось пригошворяла мнѣ спокойный ночлеги; необходимосшь дѣлала всѣ пруды сносными. Въ селеніи *Менковицахъ* провелъ я вечеръ довольно пріятно въ кругу привѣпливаго, гостепрїимнаго сѣмейства помѣщика *Фредро*.

Люблинъ показался мнѣ очень плохимъ городомъ, когда я въѣзжалъ въ оный; но выѣзжая совершенно перемѣнилъ объ немъ свои мысли. Городъ довольно великъ, много есть прекрасныхъ, каменныхъ домовъ; обширный, хорошій садъ приглашаетъ насладиться пріятною весеннею погодою: я видѣлъ множество гуляющихъ дамъ и заключилъ (по ихъ одеждѣ и обращенію), что *Люблинъ* не имѣетъ недоспашка въ пріятномъ обществѣ. Это весьма рѣдко въ небольшемъ Польскомъ городѣ: ибо помѣщики живутъ въ деревняхъ своихъ; кушцы всѣ изъ Евреевъ, а должностныхъ не много. Чрезъ селеніе *Ясково*, мѣстечки: *Маркушевъ* и *Щуровъ* въ тошъ же вечеръ пріѣхалъ я въ *Пулавы*. Я такъ много слышалъ о семъ очаровательномъ жилищѣ *Князей Чарторижскихъ*, такъ нешерпѣливо желалъ видѣшь оное, что въ ожиданіи будущаго удовольствія, забылъ всѣ непріятности несносной, скучной дороги. Приближаясь къ *Пулавамъ*, увидѣлъ я въ срединѣ прекрасной рощицы выстроенный со вкусомъ и великолѣпіемъ *лѣтній домъ*, посвященный

старою Княгиниею дочери своей Княгини Замойской. Мнѣ отвели кварширу въ одномъ изъ флигелей замка: *Висла* печетъ передъ моими окнами; великолѣпный дворецъ, ряды пирамидальныхъ полей, огромныя зданія восхищаютъ глаза мои... удовольствіе и самъ не знаю отъ чего происходящее въ моемъ сердцѣ... чего желашъ мнѣ болѣе, а все чего-то не достаешь! — Вѣрно умѣренности въ желаніяхъ!

На другой день, проснувшись очень рано, спѣшилъ я насладиться великолѣпною природою. На возвышенномъ берегу *Вислы*, подъ тѣнію каштановъ, пили мы чай. Давно уже не былъ я такъ щасливъ! Много прудовъ и непріятностей долженъ переносить воинъ; но зато съ какимъ удовольствіемъ ловишь онъ быстрыя, рѣдко встрѣчающіяся минушы радости. Безпрестанное *одно и то же*, даже хорошее, наскучишь. Польща, въ отношеніи къ разнообразію, едва ли не имѣешь преимущества предъ всѣми другими странами. Какая удивительная прошивуположность бѣдности и богатства, надмѣнности и уни-

чиженія, невѣжества и самаго утонченнаго просвѣщенія! Загляните въ полуразвалившіяся хижины селеній и мѣстечекъ: нищета ужаснѣйшая представится взору вашему. Крестьяне въ рубищѣ умирая отъ голоду и холоду, походяще болѣе на бѣдныхъ невольниковъ Алжира или Туниса, нежели на свободныхъ хлѣбопашцовъ Европейскаго Государства. Презрительное уничиженіе Евреевъ, неопрятность жилищъ ихъ, странная одежда и обычаи переносятъ васъ въ мрачные вершины безчеловѣчнаго владычества Турціи. Песчаная, каменистая почва земли, болота и лѣса не доставляютъ никакого удовольствія сердцу, упоминаютъ зрѣніе. . . . но вдругъ по прекраснѣйшей аллеѣ величественныхъ полей приближаешься къ огромному замку какого нибудь вельможи. Здѣсь найдете все, что богатство и роскошь имѣютъ прелестнѣйшаго. Истинно не знаете, чему болѣе удивляться: царской ли пышности надмѣннаго владѣльца, или благородной, непринужденной любезности его семейства. Великолѣпіе и вкусъ убранства; очаровательные са-

ды, гдѣ искусство побѣждаетъ часто природу; многочисленное, опличающееся ловкостію и умомъ общество — заставляющъ думать, что вы находишесь при шумномъ дворѣ какого нибудь Монарха. — Жестокія, двадцатипятилѣтнія спаданія и беспреспанная война хотя уменьшили примѣшнымъ образомъ въ Польшѣ роскошь; но слѣды оной еще не изгладились. Прежде каждый вельможа имѣлъ надежду сдѣлаться Королемъ, и пошому старался ослѣплять народъ своею пышностію; самые сильные Монархи не считали униженіемъ вступаць въ родство съ Польскими вельможами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня явился другой чайный столъ, за которымъ сидѣлъ молодой человекъ и нѣсколько дамъ. Солдатъ имѣеть право знакомиться безъ всякихъ лишнихъ церемоній. Вскорѣ узналъ я, что сосѣдь мой называется *Михайловскимъ*; что будучи совершенно разоренъ войсками, онъ оставилъ деревню свою на Бугѣ и со всѣмъ семействомъ переехалъ въ *Пулавы*; что благодѣтельная Княгиня

дѣлаешь съ своей стороны все для облегченія ихъ несчастій. Тестъ его Генераль *Каминскій* въ плѣну у Рускихъ; но въ письмахъ своихъ онъ такъ много превозносишь снисходительность и чело-вѣколюбіе непріятелей, такъ доволенъ мѣспомъ своего пребыванія (онъ находился въ *Бѣлой Церкви*), что дочь его по неволѣ должна была считать Рускихъ друзьями.

Съ какимъ прискорбіемъ смопрѣлъ я на горестное ихъ положеніе. Они еще не совсѣмъ несчастливы: ибо нашли опраду и помощь; но сколько есть страдальцовъ, копорые заплашили голодною смертію за то, что честолюбець спремился къ завоеваніямъ мимо жилищъ ихъ.

Новый мой знакомецъ, челоуѣкъ добрый и просвѣщенный, говорилъ съ восхищеніемъ о добродѣтельной Княгинѣ, копорая пріѣхала изъ Австріи единственна для того, чтобы присушствіемъ своимъ предохранить подданныхъ отъ могущихъ встрѣшиться имъ пришѣсненій. Политическія обшпояшельства побудили супруга ея, сшара-

го, заслуженнаго Фельдмаршала переселился въ Галлицію. Съ тѣхъ поръ великолѣпныя *Пулавы*, гдѣ госпепріимство и щедрость разливали нѣкогда счастье и веселость, опустѣли. *Михайловскій* рассказывалъ мнѣ, что прежде госпили у Князя по спу сѣмействъ и болѣе. Всѣ желанія, даже прихоти ихъ были предупреждаемы. Это почти невѣроящно; но должно замѣшшь, что при всемъ необьяшномъ своемъ богатствѣ онъ имѣетъ, (какъ увѣряли меня) до 36 миліоновъ злыхъ долгу *). Ужасно для частнаго человѣка!

Послѣ чаю вѣжливый Полякъ предложилъ мнѣ прогуляться. Я обрадовался сему предложенію тѣмъ болѣе, что всѣ мѣста были ему давно знакомы.

Чудесный, восхищительный садъ занимаетъ обширное мѣсто на правомъ берегу *Вислы*; рукавъ оной (увѣряюшь, что въ семь мѣствъ было настоящее печеніе рѣки; но лишь сто

*) Считая по 60 копѣекъ каждый золотой зл. 600, 000 рублей на наши ассигнаціи.

назадъ обратилась она нѣсколько правѣ) подобно огромному искусственному сдѣланному бассейну, украшаетъ нижнюю часть сада. Я былъ въ *Пулавахъ* только три дни, а надобно бытъ по крайней мѣрѣ три недѣли, чшобы увидѣть все достойное любопытства. — Съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ я *павильонъ рѣдкостей*. Наружныя стѣны его украшены обломками древнихъ гробницъ, зданій и памятниковъ: вѣковъ прошекшихъ, изъ *Геркуланума*, *Помпеи* и изъ другихъ мѣстъ доставленными. Нѣсколько урнъ съ прахомъ умершихъ, множество различныхъ монетъ и аншиковъ возбуждаютъ любопытство и мрачныя мечты о минувшемъ. Внутри комнаты отдѣланы великолѣпно въ новѣйшемъ вкусѣ. Жаль, что мнѣ случилось бытъ здѣсь въ военное время: лучшія вещи и украшенія везены.

Понравилась мнѣ также липовая аллея: вѣтви деревь сплелены вверху на подобіе пополка. Мѣстами сдѣланы маленькія древесныя бесѣдки или храмики. „Здѣсь являлась нѣкогда, сказалъ

мой вождь, пышность *Чарторижскихъ* во всемъ блескъ. Аллея сія превращалась въ великолѣпную залу. Разноцвѣтные огни освѣщали ее. Въ каждой бесѣдкѣ находились всѣ возможные прихоти роскоши: въ одной Турокъ предлагалъ Левантскій кофе; въ другой Кишаецъ, ароматный чай; Грекъ, Руской, Индѣецъ, каждый одѣтый по своему, угощали веселыхъ гостей произведеніями странъ своихъ. — Сюда собиралось все образованнѣйшее, знатнѣйшее общество Польши. Весь садъ былъ иллюминированъ; очаровательная музыка прельщала слухъ; танцы и прогулки придавали новымъ крыльямъ быспролетяющему времени!“ — Щасливѣе шопъ, кпо умѣешь споль пріятно наслаждашься дарами Форшуну.

Далѣе видѣлъ я мраморную, чудесно сдѣланную статую *Танкреда*, убившаго *Клоринду*. Работа превосходная! На мраморномъ пьедесталѣ спойтъ герой Тассовъ, взирая съ нѣмымъ опчаяніемъ на трупъ милаго сопрошивника. Съ удивительнымъ искусствомъ изобразилъ художникъ ужасы смерти

на впалыхъ ланишахъ убиенной! Съ восхищеніемъ и горесшію смошрѣль я на сію спашую; пѣсни воиновъ нашихъ, переправлявшихся черезъ *Вислу*, поразили слухъ мой: я думаль бышь самъ участникомъ великаго подвига древнихъ Христіанъ. Частъ сада, украшенная изваяніемъ *Танкреда*, естъ самая пріятная и роскошная. Великолѣпные фоншаны и мраморные бассейны, сполѣшніе кашшаны и пополи, прелестные луга, спруями *Вислы* орошаемые — все восхищаешь глаза и сердце. Приближаясь къ каменисшому холму, недалеко ошъ сего мѣста, я увидѣль мраморныя доски въ скашѣ горы: онѣ напоминали владѣльцу *Пулавъ* умершихъ друзей и родсшвенниковъ — черпаша чувсшвительности, кошорая дѣлаешь честь уму и сердцу Князя *Чарторижскаго*. Еще пріятнѣе для меня было видѣшь памятники Генералу *Грабовскому*, молодому человеку, убишному подѣ спѣнами *Смоленска*; одному Пашпору, прославившемуся добродѣшельнымъ жишіемъ, и Польскому Авшору *Княжнину*. Они служашь доказатель-

спвомъ, что Князь умѣетъ цѣнить
достоинства во всѣхъ состояніяхъ. И
дѣйствительно крошкѣй служитель въ-
ры, краснорѣчивый пипомецъ Музь и
безспрашный сынъ Беллоны, испол-
нившіе долгъ свой, имѣютъ равное
право на уваженіе современниковъ и
потомства.

Возлѣ сихъ памятниковъ есть ма-
ленькая пещера въ разсѣлинахъ горы:
вошедъ въ нее, непримѣтнымъ образомъ
очушишесь на самой высотѣ холма.
Въ сихъ мрачныхъ переходахъ благоче-
спіе соорудило просной, но велико-
лѣпной алтарь Богу. На грудѣ ди-
кихъ, мхомъ поросшихъ камней, возвы-
шается крестъ, знаменіе искупленія
нашего. Отверзшіе, въ вершинѣ сдѣ-
ланное, изливаютъ слабый, блѣдный
свѣтъ, исполняющій душу истиннымъ
благоговѣніемъ.

Достоинъ также любопытства
моспикъ, на пуши къ оранжереямъ.
Подъ ногами вашими капаясь карешы
и коляски, шянутся обозы — и все это
въ срединѣ сада; уснувь сей, съ обѣихъ
споронъ одѣшый камнемъ, имѣетъ нѣ-

сколько сажень глубины и выходишь на большую дорогу у самого замка. Оранжереи прекрасны, великолѣпны: плоды и ягоды всякаго рода восхищали зрѣніе и вкусъ: но видно, что присущество владѣльца не оживляетъ дѣятельности садовниковъ.

У подошвы горы есть маленькой домикъ со всѣми принадлежностями сельскаго хозяйства. Жена Польскаго Министра финансовъ *Матусевича*, умирая, поручила Княгинѣ едва опкрывшую глаза дочь свою: для ея забавы сдѣланъ сей *фолбваркѣ* (такъ называется по Польски небольшое господское строеніе, при копоромъ находишься гумно и другія заведенія). Куры, гуси, различныя домашнія животноя, американскія лошади, огородъ, словомъ всѣ прихоти деревенскаго хозяйства, соединены здѣсь для пользы и удовольствія. Тутъ часто встрѣчаешь вечеръ умная, добрая Княгиня и наставленіями своими и примѣромъ научаешь добродѣтели и щастію. Я самъ провелъ здѣсь одинъ пріятный, незабвенный вечеръ въ шихомъ сѣмейномъ кругу ея. Я имѣлъ случай оказашь ей не-

большую услугу, за которую вознагражденъ весьма много ея ласками и привѣшливостію. Спраспнно любить она славу и свободу своего отечества: печальныя событія настоящаго времени, мрачная неизвѣспнность будущаго, примѣшнымъ образомъ безпокоили ея сердце. Но увѣренная въ благородныхъ чувствованіяхъ АЛЕКСАНДРА, она предрѣкала мнѣ скорую независимость Польши.

Не могу также пропустить въ молчаніи великолѣпный надгробный памятникъ родителемъ Князя Чарторижскаго, и небольшой, но вкусомъ и привлекательною архитектурою плѣняющій зрѣніе храмъ *Прошедшаго Будущему* (Przestosi Przyszstoscie). Въ то время онъ былъ зашворень: хранившіяся въ немъ оружія и другія рѣдкости вывезены въ Галлицію.

Фасадъ и внутренность дворца дѣлаешь честь вкусу строителя. Съ особеннымъ удовольствіемъ провелъ я нѣсколько минутъ въ комнатахъ, которыя въ 1807 году занимаемы были Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ. Видъ изъ оконъ чудесный! Мнѣ удалось также видѣшь

Пархатокъ, маленькое селеніе, принадлежашее Княгинѣ *Чарторижской*, въ трехъ миляхъ отъ *Пулавъ*. Рѣдко видѣлъ я такое прелестное, восхитительное мѣстоположеніе. По крутой горѣ, одѣшой прекрасною рощею, сдѣланы очень хорошія, покойныя дорожки; мѣстами разбросаны бесѣдки и лавки; *Пулавы*, *Казимиржъ* (городокъ въ $1\frac{1}{2}$ мили отъ *Пулавъ*) и множество селеній на *Вислѣ* очаровываютъ взоры.

Послѣдній вечеръ въ *Пулавахъ* провелъ я очень пріятно въ обществѣ добрыхъ, любезныхъ дамъ—и ночью, мечтая объ удовольствіяхъ, о всемъ видѣнномъ мною, былъ уже на пути къ *Варшавѣ*. Дорога прескучная! нѣтъ ни одного порядочнаго мѣстечка до самаго городка *Гуры*, въ 5 миляхъ отъ *Варшавы*. Здѣсь увидѣлъ я нѣсколько довольно хорошихъ улицъ и много каменнаго строенія. Время было прекрасное: въ городѣ не замѣнилъ я ничего достойнаго вниманія—прошелъ за городъ, смотрѣлъ на работы, копорыя производятся съ великою дѣяшельностію. Весь правый берегъ покрываешся укрѣпленіями. Боже!

думаль я, сколько еще крови должно пролиться для укрощенія жестокаго хирана Европы!

1812.

А. Раевскій.

IV. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КОКЕТСТВѢ.

„Еще новый гонитель нашего пола, еще скучный моралистъ, возстающій на насъ беззащитныхъ, съ несносными своими уроками и наставленіями. Или мало досаждаетъ намъ на театрахъ? Жестокой человекъ!“ Такъ, можешь быть, воскликнуть прекрасная чипашельница, взглянувъ на названіе моей піесы и перевернувъ съ досадою листочикъ. Нѣтъ, Милоспивыя Государыни, не будьте такъ скоры въ заключеніяхъ; не судите, хопя на эшотъ разъ, по наружности; прежде прочтите, шупъ шерпѣнія немного: весь пракшашъ мой, какъ вы видите, на двухъ спираничкахъ; пришомъ же онъ для васъ неоскорбитель, и, спашься можешь, понравится вамъ.

Начну вопросомъ: скажите, что есть по вашему мнѣнію кокетство, въ пространномъ смыслѣ этого чуждаго языку нашему слову? Желаніе нравиться, не правда ли? казаться лучшими, нежели есть въ самомъ дѣлѣ, и употреблять къ тому всѣ возможные средства, не такъ ли? — Если положеніе мое справедливо, то эта слабость свойственна не однимъ женщинамъ. Будемъ справедливы, сознаемся, что она, имѣя источникомъ своимъ самолюбіе — пружину всѣхъ человѣческихъ дѣйствій—принадлежитъ равно обоимъ поламъ, и, смѣю сказать, всѣмъ возрастамъ. Кто изъ насъ, мужчинъ, не желаетъ также нравиться? не ищетъ похвалъ, любви, уваженія, часомъ съ слабыми, очень слабыми на то правами, часомъ принимая только видъ, достойный сихъ похвалъ, любви или уваженія, и надѣвая личину сію съ такимъ же щаданіемъ, какъ увядшая красавица накладываетъ на поблекшія щеки свои румяны? „Такъ по этому поле кокетства весьма обширно? спало бытъ оно не ограничивается желаніемъ двухъ по-

ловь взаимно нравиться другъ другу?“
Да, я по крайней мѣрѣ такъ думаю.

Конечно, женщины по большей части кокетствуютъ наружностію, и потому не щадяшь никакихъ средствъ къ усугубленію своихъ прелесней; но не по ли же дѣлають многіе мужчины въ нѣкоторомъ возрастѣ? и надесять женщинъ—щеголихъ можно безъ ошибки положить одного мужчину—франца. Я разумѣю жишелей городовъ, и сюда же отношу людей, которые любяшь блистать своимъ богатствомъ. Ксати замѣшишь между прочимъ, что кокетство наружностію, будучи слишкомъ явнымъ, удачно менѣе прочихъ, хотя однакожь есть изъ числа вреднѣйшихъ для общества; и если бы можно было удостоверить въ томъ женщинъ, то онѣ безъ сомнѣнія предпочли бы ему другой родъ онаго, ш: е: старались бы нравиться болѣе своею любезностію, дарованіями, всѣми хорошими качествами ума и сердца, какъ съ великимъ усиліемъ поступаетъ меньшая часть ихъ пола. А мужчины? О! въ этомъ родѣ кокетства мы нисколько не усупаемъ

женщинамъ; стараемся также бытъ любезными, любимъ подь часъ выказашь свои дарованія, познанія, умъ и все для того, чшобы обратишь на себя вниманіе, женщинъ заставишь любишь себя, мужчинъ—уважаешь. Дѣло соспоишь полько въ искусствѣ; пошь выигрываешь болѣе, кто удачнѣе присвоиваешь себѣ сіи качества, кто лучше умѣешь скрись намѣреніе свое блеснушь шѣмъ или другимъ достоинствомъ. Спарики однакожь рѣдко придерживающься эшаго правила. Они иногда несносны съ неукротимымъ требованіемъ своимъ на всеобщее уваженіе, и многіе изъ нихъ бывающь сполько же щедры на умные, полезные совѣшы, какъ самая грубая кокетка на глазки.

Но, не смотря на то, что спарики, щеголяя своею опышностію и благоразуміемъ (въ чаяніи снискашь уваженіе), бывающь несносны; что молодые мужчины и женщины, показывая себя любезными, милыми, добрыми, оспроумными, образованными (въ намѣреніи пріобрѣсть любовь) часшо опщипывающь намъ фальшивую монету—желаніе

нрависься, или иначе кокетство, на которое такъ жестоко нападають, не только вредно, но нѣкоторымъ образомъ даже полезно. Не говорю уже о томъ, что оно увеличиваетъ пріятность общежитія—оно замѣняетъ иногда самое нравовученіе. Видя какъ отличаютъ людей съ мнимыми или настоящими достоинствами (все равно если того не примѣчаемъ) спараясь въ слѣдъ за другими выказывая себя только съ лучшей стороны, мы нечувствительно привыкаемъ къ этой роли, станемъ въ самомъ дѣлѣ лучшими.

Не знаю, нужно ли мнѣ здѣсь объясняться, что говоря объ успѣхахъ, которые часто дѣлають въ свѣтѣ мнимыя достоинства, я не думалъ и не дерзну никогда сравнивать ихъ съ какой либо стороны съ достоинствами истинными, съ тѣми числыми побужденіями непорочнаго сердца, съ тѣмъ стремленіемъ пылкаго, высокаго ума, который безъ всякой разчепливости, сами собою влекутъ насъ къ поступкамъ благороднымъ, къ дѣламъ великимъ. Мишура блеснитъ, но она все не зо-

лошо. Я хотѣлъ только сказать, что сильное желаніе нравиться, въ чемъ упрекающъ однихъ женщинъ, свойственно всѣмъ людямъ и даже иногда не вредно.

Теперь позвольте опять обратиться къ вамъ, любезныя чипапельницы, и примолвись, что если кокепсво позволиительно *въ смыслѣ пространномъ*, — *въ тѣсномъ* все таки предосудительно. Вы конечно догадываетесь, что я намѣкаю о той, единственной многихъ изъ васъ спроси, съ копрою ополчаясь противъ насъ всѣми прелестями, всѣми очарованіями красоты, вы вмѣняете себѣ въ славу цѣлыми тысячами влачить бѣдныхъ мушинъ за торжественною вашею колесницею. Ахъ! пощадите насъ, пощадите себя, пощадите добрые нравы! Если вы за мужемъ, то вспомните, что вы должны нравиться только вашимъ супругамъ, что они только имѣющъ право на любовь вашу, и что свѣтъ не всегда молча смотритъ на ваши поступки; если вы дѣвицы, то знайте, что ни одинъ достойный человекъ, не захо-

чешь соединишь судьбы своей съ шою, которой сердце можешь дѣлишься, чьи взоры лешяшь на встрѣчу каждому.

В. П.

У. ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ.

Философія можешь воспоржеспво-
вапшь надъ нещаспіями прошедшими и
ожидаемыми; но нещаспія наспоаяція
всегда поржеспвуютъ надъ нею.

Мы болѣе имѣемъ силы, нежели во-
ли, и часпо пошому только пред-
ставляемъ нѣкопорыя вещи для себя
невозможными, что хопимъ извинишь
себя въ умѣ своемъ.

Какихъ опкрышій не сдѣлано въ об-
бласпи самолюбія; но все еще оспаеш-
ся много мѣспъ неизвѣспныхъ!

Опклоняпшь похвалы съ жаромъ,
значипшь желашь продолженія ихъ.

Какъ шрудно поспигнуть свой-
ства души, такъ легко узнапшь свой-
ства ума.

Люди, слишкомъ занимающіеся бездѣлицами, вообще дѣлаются неспособными къ великому.

Какъ ни рѣдка истинная любовь — истинная дружба еще рѣже.

Любовь чистая, свободная отъ другихъ спраспей, есть та, которая сокрыта въ глубинѣ нашего сердца, которая для насъ самихъ неизъяснима.

Ощущеніе блаженства заключается въ склонности, а не въ достоинствахъ любимаго предмета; и мы болѣе отъ того бываемъ счастливы, что обладаемъ тѣмъ, кого любимъ, нежели отъ того, что другіе находятъ его любви достойнымъ.

Съ счастьемъ должно поступать также, какъ съ здоровьемъ: наслаждайся имъ, когда оно хорошо; умѣшь перенѣсть, когда оно худо, и никогда не прибѣгаешь къ сильнымъ средствамъ безъ крайней необходимости.

Понятія людей свѣтскихъ совершенно отличны отъ понятій людей живущихъ въ уединеніи. Въ свѣтѣ малое представляется великимъ, важное — бездѣльнымъ; истину почищаютъ ложью,

ложь выдають за истину; даже самый порокъ часто принимается шамъ за добродѣшель, а добродѣшель кажешся порокомъ.

Искренность есть свойство сердца, копорымъ обладають немногіе; ша же, копорую мы часто встрѣчаемъ въ свѣтѣ, есть шолько тонкое искусство снискашь довѣренность другихъ.

Какъ легко люди умѣють любить другъ друга, когда они вмѣстѣ! Какъ искренно изъявляютъ тогда чувства свои! Но какъ рѣдкіе, и съ самымъ добрымъ сердцемъ, сохраняють ихъ по удаленіи шѣхъ, къ коимъ любовь ихъ казалась столь нѣжною! Часто со всѣмъ перестаютъ любить заочно, и снова начинаютъ при свиданіи.

(Изъ Рошефюко)

Надобно испытать ужаснѣйшее несчастіе жить далеко отъ того, кого любишь, чшобы бышь въ силахъ изобразишь

всѣ восторги, которые испытываетъ душа наша, когда возвращающъ ей то, что она потеряла; надобно проливать горестныя слезы разлуки, чтобы почувствовать всю сладость радостныхъ слезъ свиданія!

Какъ пріятно говорить о своей родинѣ, припоминая тѣ мѣста, гдѣ протекали первые годы наши, гдѣ ощутили мы первыя душевныя движенія! Самое имя сихъ мѣстъ имѣетъ тайную прелесть для души нашей, и она какъ бы снова начинаетъ жить, представляя себѣ щасливое время своего младенчества, когда удовольствія были такъ шикли, печали — такъ кратковременны, наслажденія — такъ чисты. Воспоминаніе о нихъ всегда сопровождается воспоминаніями еще драгоценнѣйшими, воспоминаніями о тѣхъ, кои даровали намъ жизнь, которые такъ нѣжно пеклись о насъ, были первыми, лучшими друзьями нашими. О! сколь подобныя мечтанія украшаютъ, и, такъ сказать, одушевляютъ картины жизни, приводимыя нами на память! Воображаешь себя еще съ ними, чувствуешь

себя такимъ, какимъ былъ тогда; забываешь прискорбія, несправедливости, самыя горести, копорыя испышалъ съ того времени; забываешь содѣланныя ошибки, помнишь одни полько чувствованія, кои всегда бывають лучше дѣйствій, — и сладкія слезы невольно текутъ изъ глазъ нашихъ.

(Изъ *Флоріана.*)

Ты произносишь клятву сдѣлашь щасливымъ супруга, избраннаго твоимъ сердцемъ? Спайся же усыпашь цвѣтами удовольствія всѣ пуши жизни его. Люби въ немъ своего друга, своего любовника; будь его Ангеломъ—хранишелемъ: гони далеко отъ сердца его мракъ печали: да воздухъ, коимъ онъ дышетъ подлѣ себя, и дни, копорыя проводишь съ тобою, будутъ для него всегда чистыми и ясными. Только послуная такимъ образомъ можешь на долго удержашь его въ своихъ оковахъ.

Но если, не смотря на сіи старанія, онъ сдѣлается невѣрнымъ, берегись оскорблять его укоризнами, старайся лучше представить ему въ себѣ совершенный образецъ нравовъ, которому бы онъ принужденъ былъ послѣдовать. Испытывай характеръ его: гордоспи и своенравію прошивуподагай улыбку, подозрѣнію — невинность, гнѣву — крошность. И когда примѣръ твой его пронешъ, когда онъ возвратиши къ тебѣ, чтобы у ногъ твоихъ оплакать свое заблужденіе — тогда да найдешъ любовь на устахъ твоихъ, и прощеніе въ твоемъ сердцѣ. Человѣкъ дотолъ умѣешь любить, пока умѣюшь ему нравиться. И пошому, возвыщай для него цѣну малѣйшей ласки твоей, царствуй надъ нимъ, покорствуй, и утверждай владычество твое на любви и нѣжностіи.

А если ты будешь матерью, по не ввѣрай никогда плода любви твоей попеченіямъ чуждымъ: корми сама дитя твое; посвящи дни свои пріятнымъ заботамъ сей важной обязанности; они не будутъ поперяны для

любви. Природа награждаетъ за труды сіи драгоцѣннѣйшими наслажденіями, и ты будешь имѣть на нихъ все право. Къ тебѣ первой обращающія невинныя ласки своего дитяти; ты первая насладишься поспешеннымъ развитіемъ чувствъ его и разума, и часто, когда онъ будетъ искать пищи на груди твоей, ты съ восторгомъ будешь находить на прелестномъ личикѣ малышки черныя ошца его.

Изъ Делуэты. — II — на Р — ая.

VI. ОТРЫВКИ изъ ВАКЕФИЛЬДСКАГО СВЯЩЕННИКА *).

Предисловіе Сочинителя.

Въ эпомъ сочиненіи много недостапковъ и много такихъ вещей, копорья можно почестъ красотоми. Но дѣло не о помъ. Случаешся, что книга при всѣхъ своихъ недостапкахъ, бываетъ пріяшна; а другая, въ копорой нѣтъ ни одного, усыпительна. Герой эпой повѣсти соединяетъ въ себѣ при важнѣишія званія: онъ священникъ, сельской хозяинъ и отецъ сѣмейства. Онъ предсшавленъ всегда гошовымъ и учишь и повиноваться; просшымъ въ изобилии, великодушнымъ въ нещасіи.

*) Покойный другъ мой *Павелъ Александровицъ Никольскій* началъ было переводить два лучшіе романа: *Вакефильдскаго Священника* съ Англійскаго и *Жилблаза* съ Французскаго языка (одинъ ученый Липшперашоръ увѣряетъ своею честію, будто *Жилблазъ* написанъ *Сервантомъ* на Гишпанскомъ); но преждевременная кончина прекрашила его

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ роскоши и просвѣщенія кому понравился такой характеръ? Тотъ, чье сердце привязано къ большому свѣту, будетъ презирать деревенскаго жителя, сидящаго съ семействомъ своимъ у огонька; тотъ, кто въ неблагоприспосойныхъ шупкахъ находитъ остроуміе, не найдетъ пищи для своего ума въ невинныхъ его разговорахъ; а тотъ, кто любитъ смѣяться надъ вѣрою, спанетъ смѣяться и надъ человѣкомъ, полагающимъ все свое ушѣшеніе въ надеждѣ на будущую жизнь.

Оливеръ Гольдсмитъ.

занятія, которыя принесли бы большую пользу опечесвленной словесности. Здѣсь помѣщаются три первыя главы изъ *Вакефильдскаго Священника*, а въ слѣдующемъ номерѣ сего Журнала помѣщена будетъ одна изъ *Жилблаза*. Любили чистаго, правильнаго и пріятнаго слога безъ сомнѣнія прочтуть съ удовольствіемъ и то и другое. *Прилѣт. Изд.*

Г Л А В А 1.

*Описаніе сѣмейства Вакефильдскаго
Священника.*

Я всегда думалъ, что честной чело-
вѣкъ, копорый женатъ, имѣеть много
дѣшей и хорошо ихъ воспитываетъ,
приноситъ Государству гораздо болѣе
пользы, чѣмъ одинакой, разсуждающій
о размноженіи народа. Это было при-
чиною, что чрезъ годъ по вступленіи
въ духовное званіе, началъ я не на шуш-
ку думать о женишбѣ, и выбралъ жену
почто такъ, какъ она выбрала себѣ
подвѣчное платье—не нарядное, а про-
чное. И надобно отдать ей справедли-
вость, что она была самаго добраго
нрава; что же касается до ея воспи-
танія, то въ нашей сторонѣ не много
было женщинъ, лучше ее воспитанныхъ:
она читала безъ складовъ всякую Англій-
скую книгу, мастерски спрядала ку-
шанье и никакъ не могъ приготовлять
такъ хорошо, какъ она, пикль и налив-
ки. Жена моя выдавала себя также за
большую выдумщицу въ хозяйствѣ;
однакожь я не примѣчалъ, чшобъ мы
ещь выдумокъ ея богашѣли.

Мы очень любили другъ друга и любовь наша увеличивалась съ лѣтами. Впрочемъ, мы не имѣли причинъ ссориться со свѣтомъ, или между собою. У насъ былъ уютный домикъ на пріятномъ мѣстѣ и хорошіе сосѣди. Мы проводили круглой годъ въ нравственныхъ и сельскихъ забавахъ; посѣщали сосѣдей богатыхъ и помогали бѣднымъ; не боялись переменъ счастья и не были упомнены работою: всѣ наши приключенія происходили у камина, всѣ переселенія заключались въ переходѣ изъ одной комнашы въ другую.

Мы жили недалеко отъ большой дороги: почему часто заѣзжали къ намъ путешественники опивдывать нашего смородиннаго вина, кошорымъ мы славились; и—скажу со всею справедливостію Испорика—никого не знаю, кому бы оно не полюбилось. Часто приходили къ намъ и родственники, даже въ сороковомъ колѣнѣ; всѣ они помнили о родствѣ съ нами безъ всякой помощи Геральдики. Правда, что къ намъ въ родню причисались только бѣдняки, и многіе изъ нихъ не дѣлали большой чес-

пи своимъ посѣщеніемъ; однакожь жена моя всегда хопѣла, чшобъ они, какъ *единой плоти и крови* съ нами, сидѣли съ нами и за однимъ споломъ. И шакъ мы были всегда окружены пріятелями, хопшя не богашыми, но веселыми: ибо чѣмъ гостъ бѣднѣе, шѣмъ болѣе нравишся ему хорошее угощеніе. Иные люди удивляющся опшѣнкамъ шюльпана, другіе съ восхищеніемъ разсмашривающъ крылья бабочки, а я опъ природы любилъ смошрѣшь на веселыя лица. Впрочемъ, если кшо нибудь изъ нашей родни оказывался чловѣкомъ худаго нрава, безпокойнымъ гостемъ, или, короче сказашь, если мы хопѣли опъ кого опдѣлашся: шо я спарался ссудить его сертукомъ, или парою сапоговъ, или недорогою лошадыю, и всегда къ удовольствію моему видѣлъ, что онъ уже ко мнѣ не возвращался. Такимъ образомъ избавлялись мы опъ шѣхъ, къ кошорымъ у насъ сердце не лежало; но никогда не случалось, чшобы сѣмейштво Вакефильдскаго Священника зашворяло двери спраннику и убогому.

Мы жили нѣскольго лѣшь весьма

щасливо, хошя иногда и бывали съ нами небольшія непріятности, ниспосылаемыя Провидѣніемъ для шого, чшобъ мы научались болѣе уважать его благоспъ. Часшо школьники обкрадывали мой огородъ, а кошки и дѣши поршили у жены пирожное; часшо знапнѣйшій мой прихожанинъ засыпаль на самомъ прогашельномъ мѣспѣ моей проповѣди, а супруга его опвѣчала на поклонъ жены моей очень спѣсиво. Но мы сердились на эшо не долго, и послѣ сами удивлялись, чшо такія бездѣлки могли огорчать насъ.

Дѣши наши воспитывались не въ нѣгѣ, и опъ шого были здороваго сложенія; сыновья сидны и бодры, дочери прекрасны и румяны. Часшо бывъ окружень моею сѣмьею, вспоминаль я Графа Абенсберга, копорый въ проѣздѣ Генриха II чрезъ Германію, когда льстецы являлись къ своему Государю съ богашыми подарками, привель къ нему шридцашъ двухъ челошкъ дѣшей своихъ, и предспавиль ихъ какъ наилучшій даръ, какой онъ могъ принести ему. И хошя у меня было дѣшей шоль-

жо шесперо, однакожь я почипаль ихъ самымъ дорогимъ подаркомъ для опечесства, и пошому думаль, что оно мнѣ очень обязано. — Спаршій сынъ нашъ былъ названъ Георгомъ, по имени своего дяди, копорый оставилъ намъ въ наслѣдство десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Послѣ эшаго сына родилась дочь. Я хопѣль назвашь ее Гришильдою, по имени ея шешки; но жена моя, начипавшись во время беременности романовъ, наспоела, чшобъ ее назвашь Оливією. Чрезъ годъ родилась другая дочь, но мнѣ не удалось и ей дашь эшаго имени: одна богашая наша родственница напросилась крестить новорожденную, и ее назвали Софьєю. Такимъ образомъ въ нашемъ сѣмействѣ было два романическихъ имени; но—признаюсь шоржесшвенно — я не виновашь въ шомъ. Вшорой сынъ мой былъ Мойсей; а послѣ его въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, Богъ далъ намъ еще двухъ мальчиковъ.

Сердце мое билось ошъ радости, когда я видѣль вокругъ себя моихъ малюшюкъ. Но не лъзя описашь, какъ гор-

дилась и упѣшалась ими мать. Ежели кто изъ госпей говорилъ: правду скажашь, Госпожа Примрость, здѣсь ни у кого нѣтъ такихъ милыхъ дѣшей, какъ у васъ. — Она отвѣчала: „ И сосѣдъ! Богъ создалъ ихъ такъ! они не худы, если добры: вѣдь пошь хорошъ, кто хорошее дѣлаешъ.“ И пошчасъ говорила дочерямъ, чшобъ держали прямѣ голову. Онѣ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны; но для меня красоша сама по себѣ шакъ мало важна, что не сказала бы эшаго, еслибъ всѣ въ нашемъ околдкѣ не называли ихъ красавицами. Оливии было погда около осмнадцати лѣтъ; она имѣла шакое лицо, съ какимъ живописцы представляющъ Гебу — опкрышое, живое и важное. Красноша Софии не шакъ была поразительна, но дѣйствіе ея было вѣрише: чершы ея были кропки, скромны и привлекательны. Одна плѣняла при первомъ взглядѣ; другую нельзя было не полюбить, увидѣвши нѣсколько разъ.

Изъ лица женщины легко можно узнать ея свойства: по крайней мѣрѣ я примѣшилъ эшо въ моихъ дочеряхъ.

Оливія желала имѣть много обожателей, Софія — плѣнить одного. Иногда въ Оливіи, опъ великаго ея желанія нравишься, видно было жеманство; напрошивъ того, Софія опасаясь оскорбить самолюбіе подругъ своихъ, скрывала даже свое превосходство. Одна занимала меня своею живостью, когда я бывалъ весель; другая своимъ умомъ, когда замѣчала, что начинаю задумываться. Но въ обѣихъ эпі свойства никогда не доходили до крайности, и я часпо видѣлъ, что онѣ на цѣлый день мѣнялись характерами: траурное платье превращало кокешку мою въ смиренницу, а новыя лѣнты производили въ сестрѣ ея совсѣмъ необыкновенную живость. Старшій сынъ мой воспитывался въ Оксфордѣ: я назначалъ его для ученаго званія; а Моисей, кошораго мнѣ хотѣлось сдѣлать купцомъ, учился дома. Но, кажешся, нѣтъ нужды подробно описывать свойства дѣшей, кошорыя еще мало видѣли свѣтъ: во всѣхъ примѣшно было семейственное сходство, или, лучше сказать, они были одного нрава — добродушны, легковѣрны, просты и незлобны.

ГЛАВА 2.

Съмлейственныя нещастія. Потеря богатства увеличиваетъ въ частнолюбъ теловѣкъ благородную гордость.

Свѣтскими дѣлами нашего сѣмейства управляла жена моя, а духовныя совершенно зависѣли отъ меня. Ежегодный доходъ мой отъ церкви, придесять пять фуншовъ сперлинговъ, раздавалъ я вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ духовныхъ людей въ нашей округѣ: я могъ жить порядочно собственнымъ своимъ досташкомъ, не нуждаясь въ пособіи прихожанъ, и чувствовалъ шайное удовольствіе, что исполнялъ должность свою не изъ плашы. Я также рѣшился не имѣть у себя помощника, чшобъ узнать корошко всѣхъ моихъ прихожанъ. Женатымъ людямъ совѣщовалъ я бытъ воздержными, а холоспымъ женишься. Совѣщовъ моихъ слушались, и чрезъ нѣсколько лѣтъ почти вошло въ пословицу, что въ Вакефильдѣ было при рѣдкости: священникъ неспѣсивый, молодые люди женатые и питейныя дома безъ пьяницъ.

Любимый разговор мой былъ о супружествѣ. Во многихъ проповѣдяхъ я доказывалъ его пользу и пріятность; но въ этой мадеріи была особая спашья, которую я всегда любилъ защищать: я полагалъ вмѣстѣ съ Виспономъ, что священнику Англійской церкви, по смерти первой жены, не позволишельно вступать во второй бракъ; словомъ сказать, я былъ самой ревностной защитникъ моногаміи (единоженства).

Давно уже принялъ я участіе въ этомъ славномъ спорѣ, который произвелъ такое множество полспыхъ книгъ, и даже самъ я издалъ о томъ нѣсколько разсужденій; а какъ они всеѣмъ не раскунались, то упѣшался шѣмъ, что ихъ читаешь малое число избранныхъ. Пріятели мои говорили, что хвалишь моногамію была моя слабость; но имъ проспительно: они не такъ много размышляли объ этомъ предметѣ. — День ото дня казался онъ мнѣ важнѣе, и я распространилъ правила свои даже далѣе самаго Виспона. Онъ только велѣлъ вырѣзать на гробницѣ жены своей, что она была *един-*

ственная супруга Вилиама Виспона, а я написал своей женѣ такую же эпитафію при жизни ея. Въ этой эпитафіи выхвалялъ ея благоразуміе, бережливосшь и повиновеніе; далъ перенисавъ ея чепкимъ письмомъ, вставилъ въ красивыя рамки, и повѣсивъ надъ каминомъ, вдиѣлъ, что выдумка моя производила много хорошаго: напоминала женѣ о обязанностяхъ ея въ разсужденіи меня и о моей къ ней вѣрности; вселяла въ нее желаніе заслужить доброе имя, и каждую минушу пригошовляла ея къ смерти.

Спаршій сынъ мой — можешь бышь пошому что часто слышалъ, какъ хвалилъ я супружесшво — скоро по выходѣ изъ училища полюбилъ дочь одного богашаго духовнаго, кошорый жилъ недалеко отъ насъ. Богашесшво Мисъ Арабеллы Вильмошь было самое малое ея достоинсшво. Всѣ, кромѣ дочерей моихъ, почиали ея совершенною красавицею; съ молодосшью и здоровьемъ соединяла она въ себѣ такое добродушіе, такую крошосшь, что и спарики не могли смолрѣшь на не равнодушно. Господинъ Вильмошь, зная, что и я

могу дашь сыну хорошее содержаніе, съ охотою согласился выдать за него дочь свою, и уже оба сѣмейства наши жили въ помѣ согласіи, копорымъ обыкновенно начинается новое родство. Увѣрясь по собственному опыту, что время между сговоромъ и свадьбою есть самое щасливое въ жизни, я хотѣлъ продлить его; казалось, что различныя удовольствія, копорыя молодая чета каждый день находила въ своихъ свиданіяхъ, увеличивали любовь ея. Поушру мы пробуждались обыкновенно съ музыкою, и, ежели погода была хороша, ѣзжали на охоту. Время между завтракомъ и обѣдомъ посвящалось у нашихъ дамъ туалету и чтенію: прочитавъ страницу, онѣ поглядывали въ зеркало, копорое (въ эпомъ могушь согласишься и самые философы) часно показывало имъ болѣе истиннаго и прекраснаго, чѣмъ книги. За обѣдомъ распорядка жена моя: по примѣру своей матери она все рѣзала сама, и любила, при случаѣ, рассказывать исторію каждаго блюда. Послѣ обѣда, чшобъ

женщины ошь насъ не уходили, я пош-
 часъ приказываль выносишь споль,
 и иногда дочери мои съ музыкальнымъ
 учипелемъ давали намъ изрядный кон-
 цершь. Прогулка, чай, панцы, игра
 въ фаншы сокращали осшальную часшь
 дня безъ помощи каршь, кошорыхъ я ни-
 когда не любиль. Спарикъ Вильмошь и я
 игрывали иногда въ шрикшракъ, по
 пенсу паршю.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ.
 Наконецъ разсудили мы назначишь день
 для соединенія нашей молодой чешы.
 Не нужно описывашь ни заботливости,
 съ кошорою жена моя дѣлала при-
 гошовленія къ свадьбѣ, ни любопыт-
 ныхъ и лукавыхъ взглядовъ моихъ доче-
 рей; чшожъ касаеться до меня, внима-
 ние мое обращено было совсѣмъ на дру-
 гое дѣло: я приводиль къ концу одно
 разсужденіе, въ кошоромъ защищаль
 моногамію, и кошорое мнѣ хотѣ-
 лось скорѣе напечаташь. Почишая его
 за совершенное въ своемъ родѣ, и
 по слогу и по доказательствамъ, я
 не могъ удержашься, чшобъ не пока-
 зашь его пріяшелю моему Вильмошу,
 и былъ увѣренъ, чшо онъ превознесеть

его до небесъ; но поздно узналъ я, что онъ держался мнѣнія прошивнаго моему, и, правду сказать, не безъ причины: онъ собирался въ то время жениться уже въ четвертый разъ. Это произвело между нами, какъ и должно было ожидать, такой горячій споръ, который угрожалъ разрывомъ нашему союзу; но мы условились поговорить объ этомъ хорошенько въ слѣдующій день, на канунъ свадьбы нашихъ дѣтей.

Диспушь начался съ обѣихъ сторонъ съ равнымъ жаромъ. Будущій мой свашъ называлъ меня раскольникомъ — я говорилъ, что онъ самъ шакѣй; онъ дѣлалъ возраженія — я доказывалъ, что они никуда негодны. Между шѣмъ въ самомъ пылу нашего спора, одинъ родственникъ мой вызвалъ меня вонъ, и началъ упрашивать, чшобъ я, по крайней мѣрѣ до Георговой свадьбы, не спорилъ съ Вильмопомъ.

„Какъ!“ — вскричалъ я — „осшавить справедливое дѣло! Дашъ ему жениться, когда ужъ я совсѣмъ его переспорилъ! Нѣшь, эшому не бывашъ! Скорѣе опшуплюсь опъ моего имѣнія, чѣмъ опъ моихъ правилъ.“

—Вижу, что тебя не уговоришь! сказалъ онъ. Знай же, что ужь ты ничего не имѣешь: купецъ, у котораго былъ твой капиталъ, обанкрутился; съ него не получишь ни шиллинга. Я не хотѣлъ прежде свадьбы огорчать тебя такою вѣстью, но теперь принужденъ это сдѣлать, чтобы ты не очень горячился въ споръ: не ужь ли все еще не видишь нужды пришворяться? —

„Пришворяться!“—отвѣчалъ я:—„ежели то, что ты говоришь, правда, я лучше соглашусь быть нищимъ, чѣмъ подлецомъ, и чѣмъ перемѣнишь свои правила. Сію же минушу пойду сказать всѣмъ о моемъ несчастіи; а что касается до моего мнѣнія, то оцѣнь начну спорить съ Вильмомъ, и докажу ему, что онъ ни подъ какимъ видомъ уже не можетъ жениться.“

Описывая, какъ приняли оба семейства извѣстіе о нашемъ несчастіи, будемъ слишкомъ долго. Скажу только, что больше всѣхъ шужили сынъ мой и его невѣста. Господинъ Вильмъ, который и прежде гошовъ былъ разшорг-

нушь нашу связь, воспользовался такимъ случаемъ: онъ имѣлъ въ совершенствѣ одну добродѣтель — оспорожность, копорая часто бываетъ единственною добродѣтелью у семидесятидвухлѣшняго человека.

Г Л А В А 3.

Переселеніе. Благополучіе наше зависитъ отъ насъ самихъ.

Сначала мы утѣшались надеждою, что несчастіе наше или выдуманно злыми людьми, или не такъ велико, какъ намъ сказали; но письмо изъ Лондона отъ моего повѣреннаго скоро испрѣбило эту надежду: мы лишились всего имѣнія. Потеря богатства не очень много огорчала меня; но я печалился о моемъ сѣмействѣ, копорое не могло сносить презрѣнія, сопряженнаго съ нищетою.

Прошло около двухъ недѣль, а я еще не принимался утѣшать моихъ домашнихъ: ибо преждевременное утѣшеніе есть ничто иное, какъ воспоминаніе несчастія. Въ это время спарался я придумать

средства для содержанія ихъ. Миѣ предложили приходъ въ одной дальней деревнѣ, который приносилъ только пятнадцать фуншовъ сперлинговъ дохода; но шамъ могъ я спокойно жить по своимъ правиламъ, и попому съ радостью принялъ эшо предложеніе, въ намѣреніи увеличитъ доходъ свой содержаніемъ небольшой фермы.

И такъ началъ я собирать оспапки своего имѣнія, и раздѣлавшись съ должниками и займодавцами, увидѣлъ, что ошъ четырнадцати тысячъ фуншовъ сперлинговъ ошалось у насъ только четыреша. Попомъ приложилъ я все свое спараніе къ тому, чтобъ поумѣритъ гордость моего сѣмейства, согласно съ будущимъ нашимъ соспояніемъ: попому что при бѣдности щещеславіе бѣда.

„Вамъ извѣстно, дѣши мои!“ — говорилъ я: — что благоразуміе наше не могло избавитъ насъ ошъ нещастія; но благоразуміе можешь сдѣлать его не такъ шягоспнымъ. Теперь мы бѣдны, и должны соображашься съ нашимъ положеніемъ. Оспавимъ безъ роцѣша

эту пышность, съ копорою многие бываютъ несчастны, и спанемъ искашь въ униженномъ состояніи того спокойствія, съ копорымъ всѣ могутъ быть щасливы. Много бѣдныхъ живутъ безъ нашей помощи: почему же и намъ нельзя обойтись безъ другихъ?.. Такъ, любезныя дѣти, оставимъ съ сей минутой желаніе жить въ пышности. У насъ еще довольно остаешся, чѣмъ жить щасливо, если будемъ умны; пускай будемъ мы бѣдны деньгами, но богаты щасіемъ.“

Такъ какъ старшій мой сынъ уже кончилъ науки, то я рѣшилъ послать его въ Лондонъ, гдѣ онъ могъ познаніями своими содержать себя и дѣлать намъ помощь. Разлука съ друзьями и родными есть, можетъ быть, одна изъ величайшихъ непріятностей, какія сопряжены съ бѣдностію. Скоро настала день, въ копорый семейство наше должно было раздѣлиться въ первый разъ. Сынъ мой, просясь съ плачущею матерью и со всѣми родными, пришелъ просипиться со мною. Давши ему благословеніе (благословеніе и цѣль

гиней — вотъ все, что я могъ дать ему на дорогу) я сказалъ:

„Любезный сынъ! ты отправляешься въ Лондонъ пѣшкомъ: такъ отправился шуда и прадедъ твой Гукеръ. Возьми отъ меня такую же лошадь, какую онъ получилъ отъ добраго Епископа Джюеля — эту палку. Вотъ тебѣ еще книга, въ кошорой можешь служить для тебя ушѣщеніемъ слѣдующее мѣсто: *я былъ молодъ; теперь состарѣлся, но никогда не видѣлъ, чтобъ добродѣтельный былъ оставленъ и чтобъ дѣти его просили милостыни* *). Спущай, сынъ мой, и каково бы ни было твое состояніе въ свѣтѣ, посѣщай меня хоть по одному разу въ годъ; будь всегда честень: прощай!“

Зная доброе сердце и честность моего Георга, я не боялся пуспустить его въ свѣтъ почти нагова: я былъ увѣренъ, что и въ щастіи и въ неща-

*) „Юнѣйшій быхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.“ Псал. XXXVI, стр. 25.

стїи онъ всегда останеся хорошимъ
человѣкомъ.

Осправивъ его, начали и мы сря-
жашься въ дорогу. Не безъ слезь оспа-
вляли мы по мѣсто, гдѣ провели споль-
ко прїятнаго времени: въ нашемъ по-
ложенїи и самый швердый человѣкъ не
могъ бы бышь спокоенъ. Къ помужь,
должно было переѣхашь около семиде-
сяши миль: эшо казалось намъ, Богъ
знаешь, какою далью, пошому что мы
никогда и на десяшь миль не ошѣзжали
ошъ дому. Плачь бѣдныхъ, копорые
насъ провожали, увеличиваль нашу го-
решь. Въ первый день пушешествїя
подвинулись мы на шридцашь миль къ
новому нашему жилищу, и оспановились
ночевашь въ худомъ деревенскомъ шрак-
пирѣ. Когда намъ ошвели комнашу,
шо я, по обыкновенїю своему, пригласилъ
хозяина раздѣлишь съ нами ве-
черь; онъ охотно согласился, пошому
что намѣренъ былъ поставишь на нашъ
щешь и шо вино, копорое самъ выпешь
съ нами.

Эшошь человѣкъ зналь всѣхъ въ шой
сторонѣ, а особливо Г. Торнгиля, бу-

дущаго моего помѣщика, жившаго за нѣскольکو миль ошь деревни, гдѣ я долженъ былъ поселиться. Мы узнали ошь него, что Торнгиль любитъ жить весело и весьма привязанъ къ прекрасному полу. Къ эшому прибавиль онъ, что никакая добродѣшель не могла успоаяшь прошивъ его хипроспи и искашельноспи, и что миль на десять вокругъ не было ни одной пригожей дѣвушки, кошорой бы онъ не обольспиль и не обмануль. Эшо извѣспіе заспавило меня призадуматься, но произвело совсѣмъ прошивное дѣйспвіе надъ моими дочерьми: на лицахъ ихъ я чипаль уже надежду близкаго шоржества. И жена моя радовалась не меньше ихъ: она полагаглась на ихъ красосу и добродѣшель.

Между шѣмъ, какъ мы шакимъ образомъ заняшы были каждый своими мыслями, вошла въ комнашу жена шракширщика, и сказала ему, что у шого чудака, кошорый два дни у нихъ живешъ, нѣтъ денегъ для заплашы за посшой. „Нѣтъ денегъ!“ вскричалъ онъ:— пусшое! еще вчера заплашилъ онъ при гиней, чтошбъ не сѣкли спараго инвали-

да, которой укралъ собаку.“ Хозяйка увѣряла, что она говоришь сущую правду, а онъ клялся, что поспоялецъ опъ него даромъ не опдѣлается, и хошѣлъ уже идти къ нему, какъ я попросилъ, чтообъ онъ познакомиль меня съ эпимъ добрымъ пушешественикомъ. — Онъ привель ко мнѣ человекъ лѣпшъ придцати въ кафшанѣ, который когда-то былъ обложенъ позуменпомъ. Лице его было пріятно, но задумчиво, а въ обхожденіи примѣтно, было что-то холодное; казалось, что онъ или не знаешь церемоній, или презираешь ихъ. Когда хозяинъ опъ насъ вышелъ, то я оказалъ пушешественику сожалѣніе, что вижу его въ шакихъ непріятныхъ обстоятельстввахъ, и просилъ, чтообъ онъ взялъ изъ моего кошелька сколько ему нужно для заплашы долгу. „Я принимаю опъ васъ съ радостью“ — опвѣчалъ онъ: — „теперь не жалѣю, что издержалъ всѣ деньги, которые были со мною: эша неосторожность показала мнѣ, что еще есть на свѣшѣ благородные люди; но позвольте сперва спросить, кто вы и

гдѣ живеше, чшобъ я скорѣе могъ запла-
 шить вамъ свой долгъ.“ Тупъ разсказалъ
 я ему общояшельно о себѣ и о своихъ
 нещасіяхъ, и наконецъ о мѣспѣ, ку-
 да ѣду. „Какъ щасплива наша встрѣча!“—
 сказалъ онъ: „и я иду въ ту же сторо-
 ну. Меня задержало здѣсь разливіе водъ,
 однакожь думаю, что къ завтраму онѣ
 совсѣмъ сбудуть.“ Я отвѣчалъ, что
 мнѣ пріятно имѣть такого сопутника,
 и напослѣдокъ, съ помощію жены и до-
 черей, упросилъ его оспашься съ нами
 опужинашь. Съ большимъ удовольстві-
 емъ слушалъ я пріятные и умные его
 разговоры, и хотѣлъ бы пользоваться
 ими долѣе, но ужъ время было распашь-
 ся и подкрѣпить силы свои сномъ,
 чшобъ пригошовишься къ безпокой-
 сшвамъ слѣдующаго дня.

Поупру пуслились мы въ путь
 вмѣспѣ. Мы ѣхали верхомъ, а Господинъ
 Борчель, новый нашъ поварищъ, шель
 по пропинкѣ на сторонѣ большой до-
 роги, и говорилъ, улыбаясь, что хоня
 лошади наши и плохи, однакожь онъ
 столько великодушень, что не будетъ
 перегоняшь насъ. Какъ вода еще не со-

всѣмъ сбыла, но мы принуждены были нанять проводника; онъ вѣхалъ напередъ рысцою, а я съ Борчелемъ замыкалъ шествіе. Опъ скуки завели мы философскій споръ, и я къ удивленію моему, нашелъ, что прошивникъ мой былъ очень не слабъ. Но всего удивительнѣе казалось мнѣ, что будучи моимъ должникомъ, онъ спорилъ такъ упорно, какъ будто ничѣмъ не былъ мнѣ обязанъ.—Иногда рассказывалъ онъ, кому принадлежали нѣмѣста, мимо которыхъ мы проходили.

„Этотъ домъ“ — говорилъ онъ, указывая на одно великолѣпное зданіе: — „принадлежитъ Торнгилю, молодому богашому дворянину; впрочемъ, богатство его совершенно зависитъ опъ воли его дяди Виліама Торнгиля, который будучи доволенъ малымъ, оставилъ свое имѣніе племяннику и живетъ почти всегда въ Лондонѣ.“

— Какъ! вскричалъ я: мой будущій помѣщикъ племянникъ эпаго челоуѣка, который такъ прославился щедростью и странностями! Я часто слышалъ, что Сиръ Торнгиль самый добрѣйшій и самый странный челоуѣкъ во всей Англіи;

говоряшь, что въ немъ спрасшь дѣлать добро, чрезвычайна.—

„Вамъ слишкомъ его расхвалили, отвѣчалъ Борчель. Было время, когда благопворишельность его выходила изъ предѣловъ; сильныя спрасши его, обращенныя всѣ къ добродѣтели, довели его до романическихъ чрезвычайностей. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ почувсшвовалъ онъ склонность къ воинскимъ и ученымъ занятіямъ, и скоро отличился какъ на войнѣ, такъ и въ ученомъ свѣтѣ. Онъ былъ окруженъ такими людьми, копорые показывали ему только одну спорону своего нрава, и началъ отъ любви ко всѣмъ, перяшь изъ виду собственную свою пользу. Онъ любилъ вообще всѣхъ людей: богатство его не подавало ему случая узнать, что между ними много бездѣльниковъ. Сказываютъ, что есть болѣзнь, отъ копорой плѣло бываетъ такъ чувсшвишельно, что спраждешъ при самомъ легкомъ прикосновеніи. То же самое, что чело-вѣкъ перпишь отъ эпои болѣзни на своемъ плѣлѣ, испыталъ Торнгиль на своей душѣ. Онъ спрадалъ, видя нещасщ-

наго; терзался злополучіемъ другихъ, не разбирая истинно ли оно или при- шворно. Не трудно вообразишь, что съ такою склонностью къ добру, онъ нашель многихъ, которые спали про- сить у него помощи. Отъ щедрости распроилось его богатство; но сердеч- ная доброта его еще болѣе возраспала съ уменьшеніемъ имѣнія. Чѣмъ бѣднѣ онъ становился, шѣмъ былъ неоспорож- нѣе; говорилъ какъ умной, а послупалъ какъ дуракъ. Между шѣмъ просишли окружали его по прежнему; не бывъ у- же въ соспояміи удовлетворяшъ ихъ просьбамъ, онъ началъ вмѣсто денегъ давать обѣщанія: кромѣ эшаго ему нѣ- чего было и давать, а онъ никого не хотѣлъ оскорбить опказомъ. И такъ собиралось къ нему множество людей, и онъ принужденъ былъ ихъ обманыва- шъ. Нѣсколько времени они ждали обѣ- щаннаго; но наконецъ, видя, что ждуть напрасно, оставили Торнгиля съ пре- зрѣніемъ и упреками, копорыхъ онъ и былъ достоинъ. Дѣлаясь презритель- нымъ въ глазахъ другихъ, онъ и самъ началъ презирашъ себя. Лишась ласка-

шелей, не находилъ онъ удовольствія въ одобреніи собственнаго своего сердца, пошому что не научилъ его уважать себя. Лесть друзей его превратилась въ простое одобреніе, одобреніе въ непріятныя совѣты, а опровергнутыя совѣты производили упреки. Тогда - то узналъ онъ, что друзья его, кошорымъ онъ прежде дѣлалъ добро, были не очень почтенныя люди; узналъ, что человекъ, желающій приобрести сердце другаго, долженъ сперва отдать ему свое; узналъ..... Но я забылъ, что кошлъ сказать: наконецъ, Государь мой, онъ рѣшился уважать самаго себя, и сдѣлалъ планъ поправить разсвоенное свое соспояніе. За это однако принятъ онъ съ обыкновенною своею странностью — исходилъ всю Европу пѣшкомъ; и хотя ему шеперь не болѣе тридцати лѣтъ, однакожь имѣніе его въ такомъ порядкѣ, въ какомъ никогда не бывало. Нынѣ онъ спалъ гораздо разсудительнѣе и умѣреннѣе въ своихъ благошвореніяхъ, но в е еще большой чудакъ и любилъ спрогую добродѣшель.“

Я слушалъ Борчеля шакъ внимашельно, что почти не смотрѣлъ впередъ себя. Вдругъ услышали мы крикъ моихъ домашнихъ, и я увидѣлъ, что меньшая моя дочь, упавши съ лошади на самомъ спремешельномъ мѣспѣ разлива, боролась съ бысприною. Два раза уже погружалась она на дно, а я опъ спраха совсѣмъ пошерялъ силы и не могъ по-дашь ей скорой помощи. Еслибъ не шоварищъ мой, шо она бы вѣрно упону-ла. Увидя ея опасность, онъ шопчасъ бросился въ воду и съ довольною шрудноспью вынесъ ее безвредно на прошивный берегъ. Взявъ дорогу не много цовыше этой бысприны, я и сѣмейство мое переѣхали благополучно, и изьявили общую признашельность нашему благодарѣтелю. Легче вообразить, чѣмъ описашъ благодарность моей дочери: глаза ея выражали болѣе, нежели слова, и она продолжала опираться на его руку, какъ будшо еще имѣла нужду въ его помощи. Жена моя шакже говорила ему, что надѣшся имѣшь удовольствіе у себя дома ошблагодарить его.

На ближнемъ поспояломъ дворѣ мы отдохнули и вмѣстѣ ошобѣдали: послѣ чего Борчель, которому уже должно было идти въ другую сторону, просился съ нами, а мы опправились въ свой путь. Жена моя сказала мнѣ дорогою, что Борчель кажется ей очень хорошимъ человѣкомъ, и прибавила, что еслибъ онъ былъ шакого имени и состоянія, чтобы могъ войти въ наше сѣмейство, то она пожелала бы имѣть его своимъ зятемъ. Я улыбался, слыша, что она говоритъ такимъ важнымъ тономъ; впрочемъ, я никогда не осуждалъ невинныхъ мечпаній, служащихъ къ уменьшенію нашего несчастія.

VII. РАЗБОРЪ ХЕМНИЦЕРОВОЙ БАСНИ:

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ.

Прислушавъ къ разбору сей Басни,
нахожу необходимо нужнымъ помѣ-
стить ее здѣсь всю въ подлинникѣ.
Вошь она:

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой

Быль шощь, худой

Такой 1),

Что коспи лишь одни да кожа;

И Волку этому случись

Съ Собакою сойпись,

Которая была собой росла, *пригожа 2),*

Жирна,

Дородна и сильна.

Волкъ радъ бы всей душой съ Собакою схва-
щисься

И ею поживишься;

Да полно для шого не смѣлъ,

Что не по немъ была Собака,

И не по немъ была бы драка.

И такъ со стороны *уштивой* подошелъ 3),

Лисой къ ней началъ подбивашься:

Ея дородству удивляшься

И всячески ее хвалишь.

„Не стоишь ничего шобъ такимъ же бышь,
Собака говоришь: какъ скоро согласишься

Идти со мною въ городъ жить.

Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,

Что самъ себѣ не удивишься.

Что ваша жизнь и впрямь? Скидайся все,
рыщи,

И съ горелъ пополамъ, поѣшь чего, ищи;

А даромъ и кѹскомъ не думай поживишься;

Все съ бою должно взять;

А это на какую стать 4)?

Куда такая жизнь годится?

Вѣдь посмотришь, такъ въ телѣ душа-то,
право, въ васъ!

Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,

Поджарые, худые 5),

Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ:

Вшь не хоту — всего, чего душа желаетъ!

Послѣ гостей

Костей, костей 6),

Остатковъ ошъ стола: такъ сколько ихъ
бываетъ,

Что некуда дѣвать;

А ласки ошъ Господѣ, ужъ подлинно сказать! “

Распаялъ Волкъ, услыша вѣсть такую,

И даже слезы на глазахъ 7)

Ошъ размышленія о будущихъ пирахъ.

— А должность исправлять за это мнѣ
какую?

Спросилъ Собаку Волкъ.—, Что должность?
ничею!

Вошь только лишь всего,

Чшобъ не пускашь на дворъ чужаго *никого* 8);
 Къ хозяину ласкашься,
 И около людей домашнихъ увиваешься!“
 Волкъ, слыша это все, не шель бы, а ле-
 пѣль;

И лѣсъ ему шакъ омерзѣлъ,
 Чшо про него ужъ онъ и думашь не хошѣлъ;
 И всѣхъ Волковъ себя щаспливѣе считаешь.
 Вдругъ на Собакъ онъ дорогой примѣчаешь,
 Чшо съ шеи шерсть у ней сошла.

— *А это что такое*

Что шея у тебя гола? —

„Такъ! это нитого, пустое...“

— *Однако нѣтъ, скажи — „Такъ, право нитого.*

Я чаю

Это опъ шого,

Когда я иногда на привязи бываю 9).“

— *На привязи? шупъ Волкъ вскричалъ:*

Такъ шы не все живешь на волю? —

„Не все! да полно что въ томъ нужды?“

Песь сказалъ.

— *А нужды столько въ томъ, чшо не хочу*
я болѣ

Низачшо всѣхъ пировъ швоихъ.

Нѣтъ! воля мнѣ дороже ихъ;

А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ до-
роги. —

Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги 10).

Примѣтанія.

Эта самая лучшая Басня просодушнаго Хемницера. Главнѣйшее достоинство оной состоитъ въ просодѣ, естественности и живости разсказа.

- 1) Быль шощь, худой,
Такой.

Односложные стихи, если помѣщены въ Баснѣ, или гдѣ бы то ни было, безъ особеннаго намѣренія, бывають всегда прошивны для слуха, и весьма справедливо называюшся у Французовъ *avortons de la poésie*. Сумароковъ и всѣ прежніе наши Фабулисты, даже самъ Хемницеръ, безъ всякой нужды вставляли въ свои Басни шакіе корошкіе стихи. Дмишріевъ первый началъ у насъ употреблять ихъ удачно, а послѣ него уже Крыловъ. Односложные стихи сихъ двухъ нашихъ Баснописцовъ - Поэшовъ служатъ почти вездѣ къ живѣйшему изображенію описываемаго ими дѣйствія или предмета, и пошому врѣзываются, шакъ сказать, въ память слушателей и читателей.

- 2) Которая была росла собой, присожа.

У Лафоншена: *Ce Loup rencontre un Dogue aussi puissant que beau.* Однако *beau* не всегда значить *пригожій*. *Пригожій* относится единственно къ лицу, и потому эписеть сей идееть полько къ людямъ. *Пригожій* человекъ можеть быеть иногда и не *красивъ*, напримѣръ имѣеть дурной спанъ и ш. п. — слово же *красивый* имѣеть обширнѣйшее значеніе: подъ именемъ *красиваго* человекъ разумью я *пригожаго* и вмѣспѣ *статнаго*. Мы называемъ пакже *красивыми* не полько живописныхъ, расписанія, но и неодушевленные вещи, напримѣръ: *красивая* лошадь, *красивый* цвѣпокъ, *красивый* ларчикъ; а никогда не скажемъ: *пригожая* лошадь, *пригожій* цвѣпокъ, *пригожій* ларчикъ.

3) И пакъ со стороны *устивой* подошель.

Спранное выраженіе! Вмѣспо сихъ двухъ словъ: со стороны *устивой* — поставиль бы я полько одно: *сб устивостью*.

4) А это на какую *стать*?

Дурной и совершенно излишній спихъ, упошребленный вѣрояпно поль-

ко для риѣмы. Въ слѣдующемъ стихѣ заключаеися та же самая мысль, но она выражена гораздо лучше и естественнѣе.

5) Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ *ис-*
пытые,

Поджарые, худые.

Худый человекъ или *худое* живописное, въ отношеніи къ *шѣлу*, значить по же самое, что и *сухощавый*, по естъ прошивной *дородному*; *поджарый* пошь, кпо имѣеть впалый живопись; *испытый* — пошерявшій много крови. Жаль только, что въ сихъ выраженіяхъ не соблюдена постепенность (*gradation*). Слово: *испытые*, какъ самое сильнѣйшее, должно бы здѣсь поставишь послѣ *поджарыхъ* и *худыхъ*.—Есть преданіе, будто змѣи, оборачивающіеся въ *молодцовъ* и влепающіе по ночамъ чрезъ *пещную трубу* къ своимъ любовницамъ, сосушь изъ нихъ кровь. Не ошь того ли произошло слово *испытый*?

6) Послѣ гостей

Костей, костей!

Замѣньте какъ удачно повторено здѣсь эшо слово.

7) Расшаяль Волкъ, услышавъ вѣсть шакую,
 И даже слезы на глазахъ
 Опъ размышленія о будущихъ пирахъ.

Очень забавно видѣшь слезы *умили-*
нiя на глазахъ у Волка, который со
 всѣмъ не охопникъ плакать и неспо-
 собень къ нѣжнымъ чувствованіямъ. У
 Лафоншена сказано еще лучше:

Le Loup déjà se forge une félicité
 Qui le fait pleurer de tendresse.

Флоріанъ съ успѣхомъ воспользо-
 вался этою мыслию и даже выраже-
 ніемъ въ прекрасной своей Баснѣ: Le
 vieux Arbre et le Jardinier.

8) Чшо должность? *нигего!*
 Вопъ только лишь всего,
 Чшобъ не пускашь на дворъ чужаго
никого.

Если въ *вольныхъ* или *неровныхъ*
 стихахъ (vers libres) при сряду оканчи-
 вающся одинакою риемою: то это дѣ-
 лаешь какую-шо особенную пріятность
 для слуха. Прибавьте еще четвертый
 стихъ съ шакою же риемою, и все бу-
 дешь испорчено.

9) *Когда я иногда на привязи бываю.*

Однозвучныя слова не только въ стихахъ, но и въ прозѣ не должны никогда сплестись сряду. Стихъ сей можно бы перемѣнить такимъ образомъ:

Что иногда на привязи бываю.

10) Сказаль, къ лѣсу дай Богъ ноги.

Хемницерь, точно также какъ и Лафоншень, не изъясняетъ смысла этой Басни и не прибавляетъ къ ней никакого нравоученія. Да и на что? Всякой читатель или слушатель видитъ изъ оной, что самая бѣдность при свободѣ предпочтительнѣе изобилію въ неволѣ.— Издатели *Краткой Стихотворной Энциклопедіи на Французскомъ языкѣ* (*Petite Encyclopédie Poétique*) весьма справедливо почищаютъ лучшими (относительно къ изобрѣшенію) тѣ Басни, кошорыя могутъ обойтись безъ нравоученія или поясненія.

Во всѣхъ почти Французскихъ Писшикахъ въ примѣръ естественности разговора въ Баснѣ приводится изъ Лафоншена сія самая сцена Волка съ Собакою. Сравните же переводъ Хемницера съ оригиналомъ и вы увидите, что первый не только не уступаетъ

ми въ чемъ послѣднему, но даже и превосходитъ оный.

Въ заключеніе сей спашьи скажу нѣсколько словъ вообще о Басняхъ Хемницера.—Многіе обвиняють его въ томъ, что большая часть стиховъ въ Басняхъ его и Сказкахъ оканчиваются глаголами; что онъ по примѣру Сумарокова и прочихъ прежнихъ нашихъ Баснописцовъ употреблялъ часто безъ нужды непріятные для слуха односпопные стихи, и что наконецъ нѣтъ у него той возвышенной Поэзіи, или стихотворной живописи, какою плѣняетъ насъ Лафоншенъ, Дмишривъ и Крыловъ.—Все это справедливо; но Хемницеръ имѣетъ самое главное и существенное достоинство Баснописца - Поэта: *простодушіе* (la naïveté). Если бы онъ при своемъ плѣнительномъ просподушіи одаренъ былъ столь же сильнымъ и пламеннымъ чувствомъ какъ Дмишривъ; еслибъ владѣлъ подобно ему живописною кистью Поэзіи, и съ такимъ же щазаніемъ и вкусомъ обрабатывалъ свои стихи: то я не усумнился бы назвать его вторымъ Лафоншеномъ. Впрочемъ,

справедливость пребуешь сказаць, что Хемницеръ первый началъ у насъ писать въ стихахъ настоящимъ простымъ слогомъ въ то время, когда языкъ не былъ еще очищенъ и когда не имѣли понятія о хорошей версификаціи. Удивительно какъ онъ могъ, безъ основательнаго ученія словесности и безъ образцовъ на опечесшвенномъ языкѣ, достигнуть совершенства въ столь трудномъ родѣ стихопвореній, какимъ признается Басня, получившая отъ Лафоншена новую форму. Разсказъ у Хемницера неподобенъ: нигдѣ почти у него не видно принужденія; кажешся, что онъ писалъ безъ всякаго труда и невольно забавлялъ чипашелей своею простошою; но сія - то мнимая простоша (*bonhomie*) или правильнѣе *простодушіе* есть въ Баснѣ и Сказкѣ верхъ дарованія и искусства.

И.

mmmmmmmm

СМѢСЬ.

РУСКІЕ АНЕКДОТЫ.

I. О Смотрителѣ придворныхъ экипажей Чертовѣ.

Всѣмъ Пешербургскимъ жишелямъ извѣстенъ небольшой, каменной, двуэтажной домикъ въ Лѣпнемъ Саду, у рѣшешки, на самомъ берегу Фоншанки; но не всѣ, можешъ бышь, знаютъ, что въ эпомъ маленькомъ домикъ жилъ Великій Государь ПЕТРЪ I. Однажды лѣпномъ поѣхалъ Онъ опшуда въ одноколкѣ къ обѣдни въ Казанской Соборѣ. Передь окончаніемъ службы сдѣлалась гроза и пошелъ пресильной дождь. — Ваше Величество! сказалъ Императору одинъ изъ его свиты: здѣсь вѣдь близко Государынины конюшни; не прикажешъ ли взяшь шамъ для Васъ карету? — „Хорошо! сипуй скорѣе. — Обѣдня опошла; посланный возврашился, но только безъ экипажа. — „Не уже ли нѣтъ ни одной кареты?“ спросилъ съ неудовольствіемъ Государь. — Ешть, Ваше Величество! двѣ, но не опшускающъ. — „Да развѣ ты не сказалъ, что карета надобна *миѣ*?“ — Какъ же, Ваше Вилчество! Смотритель говоритъ, что онъ безъ приказанія Генерала и

Валѣ не отпустишь карешы. — „А какъ прозывается эшто съ смотришель?“ — *Чертовѣ*. — (*Чертовѣ*, но у насъ часшо е про-износятся какъ о) „Прямой *тортѣ*!“ ска-заль съ сердцемъ Императоръ, взялъ у кого-шо плащъ, распустилъ шрехъуголь-ную свою съ большими полями шляпу, сѣлъ въ одноколку и поѣхаль домой — а дождикъ мочиль его во всю дорогу шакъ, чшо съ плаща и шляпы вода текла ручьями.

Государь пріѣхавъ домой, выкушалъ водки, и велѣлъ какъ можно скорѣе давати обѣдати. Въ ожиданіи обѣда, ходиль онъ по комнашѣ большими шагами, не говоря ни слова, и время опъ времени подшвержда-лъ только свое приказаніе о сполѣ. Всѣ придворные замѣшили, чшо Государь сер-дитъ, и топчасъ узнали эшому причину. Одинъ изъ служилелей, пріятель или кумъ *Чертова*, немедлѣнно далъ ему знашь, чшо онъ прогнѣвилъ Государя и совѣшоваль при-няшь мѣры къ своему оправданію и спасенію. Бѣдной *Чертовѣ* чрезвычайно испугался, при-бѣжалъ безъ памяти во дворець, нашель случай увидѣшь Государыню, палъ предъ Ней на колѣни и со слезами просиль помилова-нія. — „Худо ты сдѣлаль, *Степанѣ* *), сказала

*) Анекдотъ сей слышалъ я опъ родной дочери *Чертова Авдотьи Степановны Афанасьевой*, семиде-сятилѣтней спарушки, которая недавно умерла въ здѣшнемъ Вдовьемъ Домѣ. *Прилѣт. Издат.*

Императрица, что не оппустишь карешы Государю. Буду просить за себя, а не знаю какъ Государь *разсудитъ*.”

Съли кушашь. За первымъ блюдомъ Государь не говорилъ ни слова — и всѣ молчали. Наконецъ, перемѣнивъ шарелку и выкушавъ рюмку вина, сказалъ онъ Императрицѣ: „ну, Кашенька! ешь у тебя на конюшнѣ какой-то *тортъ*! Онъ не оппустишь мнѣ карешы, и я, по милости его, шакъ промокъ, что едва шереть шолько опгрѣлся.“ — Простите его, Ваше Величество! сказалъ вславъ со стула Шталмейстеръ Императрицы, который сидѣлъ шупъ же за столомъ: онъ человекъ молодой и недавно еще опправляетъ эту должность. Опъ меня приказано ему оппускашь экипажи не иначе какъ по реэспру, который посылаешся къ нему каждое утро, или по моимъ запискамъ, и онъ, по простотѣ своей, не осмѣлился дашь карешы Вашему Величеству безъ моего приказанія. — „Однако же ты держись эшаго *торта*, прервалъ Императоръ; онъ долженъ бышь человекъ вѣрной и хорошей, нужды нѣшь что молодъ. Когда онъ безъ швоего приказанія мнѣ карешы не оппустишь, то вѣрно уже не оппуститъ никому другому. Эшо хорошо, очень хорошо!

Послѣ обѣда Императрица вышла къ

Чертову. „Слава Богу! сказала Она ему: Государь изволилъ милостиво разсудить и еще похвалилъ тебя.“ — *Чертовъ* не зналъ что дѣлалъ ошъ радости. Онъ служилъ послѣ того долго при Дворѣ по конюшенной часши и умеръ уже при концѣ царствованія Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

2. Странная очередь.

При покойной Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II обыкновенно въ лѣпнее время полки выходили въ лагерь. N. N. Полковникъ какого-то пѣхошнаго полку, въ кошоромъ по новости не успѣлъ еще, шакъ сказать, оглядѣшься, хошя и очень худо зналъ службу, но за то былъ очень строгъ. Проспоявъ дни шри въ лагерь, призываетъ онъ къ себѣ старшаго Капитана и дѣлаетъ ему выговоръ за *слабую команду.* „Помилуйше, Ваше Высокоблагородіе! (шакъ величали еще въ то время Оберъ-Офицеры Господь Полковниковъ) сказалъ Капитанъ: рота моя кажешся во всемъ исправна: вы сами изволили видѣшь ее на ученьѣ“ — Я, сударь, говорю не объ ученьѣ, прервалъ Полковникъ, а шо, что вы слабой командиръ. Три дни спою я въ лагерь; во все эшо время вы никого еще не наказывали!! Всѣ другіе господа рошныя командиры исправнѣ васъ: я вижу, что они всякой день ушромъ по-

слѣ зари и вечеромъ передъ зарею наказываюшъ людей передъ своими палашками; а вы шакъ при мнѣ ни одному челоуѣку не дали даже ни лозона. — „ За что же, Ваше Высокоблагородіе! буду я бишъ солдашъ, когда они у меня исправны.“ — Не вѣрю, сударь, не вѣрю: бышъ не можешъ, чтобы всѣ были исправны. Ежели вы не хопинне служите *порядочно*, то выходите лучше вонъ изъ полку. Я не прежній Полковникъ, шерпѣшъ не могу баловниковъ. Какой вы Капишанъ! вы баба! — У бѣднаго Капишана навернулись на глазахъ слезы. Онъ удалился въ свою палашку и не зналъ, что ему дѣлать: драшъся онъ не любилъ; оставитъ службы не могъ, потому что привыкъ къ ней и не имѣлъ у себя никакой собственности; а переходить въ другой полкъ было весьма трудно — однако же онъ рѣшился на послѣднее. Въ самое это время приходишъ къ нему Фелдфебель. „Что ты пришелъ ко мнѣ? сказала ему Капишанъ. Знаешь ли, что Полковникъ разжаловалъ меня изъ Капишановъ въ бабы за то, что я не колочу васъ, какъ другіе, палками. Прощайте, ребята! не поминайте лихомъ; перейду въ другой полкъ и сегодня же подамъ просьбу. Спуй къ Поручику, коли что шобъ надобно; а мнѣ шеперь нѣчего приказывать.“ Фелдфебель вышелъ, не сказавъ ни слова,

но черезъ полчаса являеяся опянь къ доброму своему Капишану и говоритъ ему: Ваше Благородіе! сдѣлайте *отетескую* милоспъ, не оставляйте насъ *сиротѣ* . . . — „Да развѣ вы хотите, прервалъ Капишанъ, чпобы я колошилъ васъ палками?“ — Есть *охотники*, Ваше Благородіе! Извольте каждый день наказывать изъ насъ чешырехъ челоуѣкъ и давать всякому по двадцати пяти лозоновъ. Мы сдѣлали очередь; никому не будетъ обидно. Извольте начашъ съ перваго меня; еще гошовъ Капшенармусъ и два челоуѣка изъ перваго капральства. Сегодня наша очередь. Ничего не споить черезъ 25 дней вытерпѣшь 25 лозоновъ: вѣдь гораздо болѣе достанется намъ, ежели будетъ у насъ другой Капишанъ Ваше Благородіе! *заставьте вѣтно Богу* молитъ, *потѣшите* Полковника, прикажите уже передъ зарею дасть намъ чешверымъ по 25 лозоновъ. Капишанъ думалъ, думалъ, и наконецъ согласился на представленіе Фелдфебеля, или лучше сказашь всей рошы; *потѣшилѣ* Полковника: далъ въ пошъ же вечеръ по 25 лозоновъ Фелдфебелю, Капшенармусу и двумъ рядовымъ; на другой день ошкпашалъ шакже чешверыхъ и дѣло пошло своимъ порядкомъ. Полковникъ спалъ къ нему благосклоннѣе и хвалилъ его за исправность.

Однако эта очередь не долго соблюдалась: дивизионный Генераль узнавъ объ ней, сдѣлалъ Полковнику спрочайшій выговоръ за безразсудную его спрочайшость, и въ то же самое время донесъ о семъ спрочайшомъ происшествіи покойной Государынѣ. Правосудная и челоуколюбивая Монархиня уволила все опъ службы Полковника Н. Н. Мѣсто его заспунилъ Подполковникъ того же полку, и доброму Капишану доспалось по спаршинству въ Маіоры. Сверхъ того получилъ онъ въ подарокъ опъ Императрицы шабакерку съ Ея поршрешомъ и съ червонцами.—Жаль шолько Полковника!

И.

Извѣстіе о бѣдныхъ.

На Петербургской споронѣ, въ Полозовой улицѣ, въ домѣ Вахмистра *Унтова* подъ Но 947, живущъ двѣ добрыя и нещасныя спарушки дѣвицы *Христина* и *Луиза Егоровны Цедельманъ*. Покойный отецъ ихъ Капишанъ *Егоръ Васильевичъ Цедельманъ* находился въ Россійской службѣ болѣе пятидесяти, а въ Оберъ—Офицерскомъ званіи безъ малаго сорокъ лѣтъ; награжденъ былъ за долговременную, усердную и беспорочную службу орденомъ Св. Владиміра 4 й степени, и умеръ въ 1791 году. Спаршая дочь

его *Христина Цедельманъ* имѣеть отъ роду 63, а *Луиза* бо годъ. Обѣ онѣ жили прежде безъ нужды своими шрудами; но будучи уже нѣсколько лѣтъ одержимы болѣзненными припадками, не въ состояніи шеперь заниматья никакимъ рукодѣльемъ, и едва имѣющъ, по милоспи немногихъ доброхошныхъ дашелей, дневное пропитаніе. Первая давно уже не можеть владѣть свободно руками и ногами по причинѣ сдѣлавшихся на оныхъ наростовъ; послѣдняя, отъ зашарѣвшей проспуды, чувствуетъ несносный ломъ во всемъ шѣлѣ и почти лишилась зрѣнія. Во время бывшихъ нынѣ предъ праздниками большихъ морозовъ, принуждены онѣ были сидѣть нѣсколько дней въ непопленой комматѣ безъ обѣда и безъ ужина. — Издашель *Благонамѣреннаго* съ удовольствіемъ принимаетъ на себя обязанность доспавлять симъ нещаснымъ старушкамъ пособія отъ благошворительныхъ и сострадательныхъ особъ, и дастъ въ свое время надлежащій въ томъ отчетъ Публикѣ.

Вопросы *).

1. Какая разность между ученымъ и просвѣщеннымъ челоѣкомъ?

*) Не угодно ли кому будетъ сообщить Издашелю *Благонамѣреннаго* отпѣшы на сіи вопросы? Предоставляеться на волю всякаго отпѣчаша въ нѣсколькихъ спрочкахъ, или написать нѣсколько спраницъ. Лучшіе, по мнѣнію Издашеля, отпѣшы будутъ напечатаны.

2. Опъ чего вездѣ, особенно у насъ въ Россіи, гораздо болѣе дурныхъ писателей, нежели дурныхъ художниковъ и даже ремесленниковъ?

3. Что предосудительнѣе для крипика: оуждашь ли пакія произведенія словесности, въ копорыхъ находишь болѣе красота, нежели погрѣшностей — или хвалишь то, что не заслуживаетъ похвалы?

(31 Января)

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ ОСОВЪ
НА ЖУРНАЛЪ: *БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ*.

У Издателя:

Въ С. П. бургѣ:

Его Сіяшельство Графъ Дмитрій Ивановичъ
Хвостовъ.

Ихъ Превосходительства:

Корнилій Антоновичъ Лубьяновичъ.
Федоръ Петровичъ Опочининъ.
Семень Александровичъ Щербининъ.
Гавріиль Александровичъ Анненковъ.
Иванъ Ивановичъ Розенбергъ.

Ихъ Высокородія:

Иванъ Петровичъ Степановъ.
Петръ Машвѣевичъ Карабановъ.
Иванъ Осиповичъ Тимковскій.

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Афанасьевичъ Кованько.
Христіанъ Яковлевичъ Вишъ.
Антонъ Михайловичъ Марцынкевичъ.
Федоръ Ивановичъ Франкенъ, 2 эк.
Иванъ Яковлевичъ Асосковъ.

Василій Поликарповичъ Никишинъ.
Василій Михайловичъ Коленичинко.
Аршемій Макаровичъ Худобашевъ.
Александръ Денисьевичъ Спаросельскій.
Федоръ Николаевичъ Глинка.
Николай Ивановичъ Хмельницкій.

Ихъ Благородія :

Марья Машвѣевна Михайлова.
Дарья Маршыновна Курочкина.
Александръ Хриспорофичъ Воспоковъ.
Владиміръ Ивановичъ Панаевъ.
Сергѣй Савичъ Пишуновъ Ягуловъ, 2 эк.
Степанъ Алексѣевичъ Гладкой.
Степанъ Борисовичъ Беклешовъ ,
Моисей Сергѣевичъ Лорисъ-Меликовъ.
Авель Ракаловичъ Гамазовъ.
Яковъ Ивановичъ Тушмаловъ.
Федоръ Семеновичъ Лихачовъ.
Карль Якимовичъ Гореглядъ.

С. П. бургскіе Купцы и Гильдіи :

Николай Ивановичъ Кусовъ.
Сергѣй Ивановичъ Кусовъ.
Прокофій Васильевичъ Соколовъ.
Дарья Дмипріевна Шемякина.
Насшася Борисовна Кашаева.
Степанъ Андреевичъ Распушинъ.
Купецъ Суслениковъ.

Въ другихъ городахъ:

Въ Москвѣ:

Ихъ Высокоблагородіа:

Михаиль Трофимовичъ Каченовскій,
Алексій Ѳедоровичъ Мерзляковъ.
Его Благородіе Василій Андреевичъ Жуковскій.

Въ Пензѣ:

Кригсъ - Цалмейстеръ Григорій Даниловичъ
Спольшинъ.
Его Благородіе Романъ Герасимовичъ Ли-
плянскій.
Пензенскій Купецъ Алексій Ѳедоровичъ Оч-
кинъ.
Тверскій Купецъ Савва Іудовичъ Зубчаниновъ.

Въ Перми:

Его Превосходительство Иванъ Петровичъ
Розингъ, 2 эк.
Его Высокоблагородіе Василій Николаевичъ
Бергъ, 2 эк.
Въ *Екатеринбургѣ*, Управляющій тамошними
заводами Оберъ Бергъ - мейстеръ 6 го класса
Николай Алексѣевичъ Шленевъ.

Во Владимірѣ на Клязми:

Его Высокородіе Адріанъ Егоровичъ Дюнаншъ.
Его Высокоблаг. Михаиль Кондрашевичъ
Флейшеръ.

Въ Вологдѣ: Его Высокобл. Николай Ѳедоровичъ Осполоповъ.

Въ Тамбовѣ: Его Высокобл. Николай Ивановичъ Шредеръ.

Въ Саратовѣ:

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Григорьевичъ Желъзновъ.

Ефремъ Любимовичъ Пуспошкинъ.

Въ Петрозаводскѣ: Его Высокобл. Иванъ Ивановичъ Ламбертъ.

Въ Нижнемъ - Новгородѣ: Его Высокоблаг. Алексѣй Васильевичъ Веселовскій.

Въ Чухломѣ: Его Благ. Павелъ Александровичъ Семичевъ.

Въ Слободсколѣ: Моисей Вагановъ, въ заводѣ Хомуницкомъ.

Въ Гжатскѣ: Его Благород. Василій Гуровичъ Лутковскій.

Въ Казани:

Ея Высокоблаг. Глафира Ивановна Панаева,
Его ————— Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Въ Одессѣ:

Его Благород . . . Лѣсниковъ.

————— Аврамеишовъ.

(Имена особъ, подписавшихся на Журналѣ: БГАГОНАМЪРЕННЫЙ въ Газетной С. П. бурскаго Поттамта Экспедиціи и у Книгопродавцовъ, помѣщенъ будутъ въ слѣдующихъ книжкахъ).

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Февраль 1818. № II.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА,

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ПѢСНЬ БОГУ ЗА
НИЗЛОЖЕНІЕ ВРАГОВЪ.

Псаломъ. XVII.

(Возлюблю тя Господи крѣпосте мол.)

Господь моя защита!
Прибѣжище мое!
Всѣмъ сердцемъ, всей душою
Тебя я возлюблю!
Мой Богъ! моя Ты крѣпость!
Помощникъ мой въ бѣдахъ!
И моего спасенья
Несокрушимый рогъ!
Нешщепно уповаю
Я, рабъ швой, на Тебя!
Твое святое имя,
Хваля, я призову;
Отъ врагъ моихъ, спасуся,

Избавлюся Тобой!
 Болѣзни , скорби смертны
 Спеклись мнѣ на главу ;
 Попоки беззаконья
 Низверглись на меня ;
 Врата опверзлись ада ,
 На грозныхъ веряхъ
 Скрыпашь , ревушь и воюшь ;
 Изъ нихъ зѣлешъ адъ ,
 Пожрашь меня гошовой ;
 И надъ главою моею
 Просперлись мрачны сѣни ,
 И нѣтъ спасенья мнѣ !
 Въ шокѣ и страхѣ смертномъ
 Къ Тебѣ , мой Богъ , зову !
 Мой гласъ услыши скорбный
 Опъ храма Твоего ,
 Да въ слухъ швой внидушь вонли ,
 Рыданія мои .
 И се ! Господь подвигся ,
 И пошряслась земля ,
 И основанья крѣпки
 Поколебались горь ;
 Зане земли и неба
 Разгнѣвался Творецъ .
 Блеснулъ опъ взоровъ пламень ,
 И воскурился дымъ ,
 И раскаленнымъ углемъ
 Зардѣлося лице ,
 И швердь небесъ склонилась ,

И тучи подъ его
 Простерлися ногами,
 И Онъ съ престола ешелъ,
 Спустиль на Херувимы,
 И бури на крылахъ
 Понесся средъ эфира,
 И ночи мракъ густой
 Сокрыль его опъ взоровъ
 Трепещущей земли.
 Онъ ризою облекся
 Мрачнѣйшихъ облаковъ;
 Давнулъ ихъ, и разсѣлись,
 И градъ изъ хладныхъ тучъ
 Посыпался на землю,
 И рѣки пролились
 Дождя изъ черныхъ облакъ;
 И возгремѣль Господь,
 И съ небеси даль гласъ свой,
 И стрѣлы низпослалъ,
 И мракъ непроницаемъ,
 И тучи разогналъ.
 Подземные явились
 Источники морей,
 Основы сокровенны
 Открылися земли
 Опъ запрещенья гнѣва,
 Опъ Духа Твоего.
 Онъ Ангела свяшаго
 Послалъ меня спасши,
 Опъ сильныхъ рукъ гоненья

Исхишилъ Онъ меня ,
 Враговъ ошъ злобы люшой
 Щипомъ своимъ покрылъ .
 Они во дни напасши
 Превозмогли меня ;
 Но Богъ мнѣ былъ помощникъ ,
 Оплоть надежный мой ,
 Изъ тѣснаго пространства
 Извелъ на широку ,
 Ошъ бѣдъ меня избавилъ ,
 Ошъ смерти явной спасъ .
 Онъ мнѣ по правдѣ воздалъ ,
 По числомѣ души ;
 Зане въ путяхъ Господнихъ
 Ходилъ во весь мой вѣкъ ,
 И нечестивымъ не былъ
 Передъ лицомъ Его ,
 Въ душѣ свой смиренной
 Хранилъ Его законъ .
 И буду непороченъ
 Я съ Господомъ во вѣкъ ,
 Ошъ грѣхъ и ошъ неправды
 Я сохраняюся Имъ .
 Со кропкимъ будешь крошокъ ,
 Со избраннымъ избранъ ,
 Съ спроштивымъ развращишься ,
 И пошеряешь спыдъ .
 Зане смиренныхъ помощь
 Ты былъ, Господь, всегда ,
 И гордыхъ унижене

И незаконныхъ бичь!
 Души моей свѣшильникъ
 Возжги, о Боже мой!
 И тьму ея кромѣшну
 Разсѣй Твоимъ лучемъ.
 Тобой единымъ крѣпокъ
 Во брани буду я,
 Тобою стѣны шверды
 Падуть передо мной.
 Пути Господни правы,
 И имъ измѣны нѣтъ;
 Очищенно, разженно
 Сребро — Его слова.
 Онъ щипъ всѣхъ возложившихъ
 Надежду на Него;
 Кто въ силѣ съ Нимъ сравнишся?
 Кто постоитъ предъ Нимъ?
 Онъ Богъ боговъ единый
 И Господей Господь;
 Онъ силой препоясалъ
 Меня на смершну брань,
 Онъ путь передъ ногами
 Моими уравниалъ,
 Далъ ноги мнѣ подобны
 Еленю въ быспрошѣ,
 На высоту швердыней
 Возносишь онъ меня,
 Онъ учишь слабу мышцу
 Лукъ мѣдянь напругашъ,
 Онъ мудрый мой наставникъ,

Онъ вождь во брани мой ;
 Десницы наказанье
 Его спасеньемъ чшу.
 Онъ пушь мнѣ очищаешь ,
 Да не спощкнусь я въ немъ !
 Враговъ моихъ постигну ,
 И съ плѣномъ возвращусь ,
 Ошанокъ силъ плачевный
 Мечемъ всѣхъ избію.
 Таковъ конецъ ихъ будетъ ,
 Падущъ у ногъ моихъ ,
 И не возмогутъ паки
 Возстать прошивъ меня.
 Моя во брани крѣпосшь
 Ты, Господи , единъ !
 Ты, ужасомъ и спрахомъ
 Ихъ душу поразилъ.
 Какъ вѣспрь прошивны волны ,
 Погналъ полки ихъ вспяшь ,
 Да не избѣгнешъ плѣна
 И смерти ни единъ !
 Вопще они вzywали
 О помощи къ Тебѣ ,
 Ты вопль ихъ не услышалъ ;
 Ты взоръ Свой опвращилъ.
 Какъ буря дымъ разносишь ,
 Такъ я развѣю ихъ ;
 Съ лица земли изглажу
 Огнемъ всѣ ихъ слѣды.
 Ошь челюсшей Ты львовыхъ

Меня избавилъ , спасъ ,
 Языковъ многихъ , сильныхъ
 Поспавилъ во главу ;
 Кого совсѣмъ не вѣдалъ ,
 Тотъ рабъ и данникъ мой ,
 Тотъ волю исполняешь
 Единую мою.
 Ихъ узы плѣна крѣпки ,
 Ихъ мышцъ ослабла мощь ,
 Да будетъ же во вѣки
 Господь благословенъ !
 Да вознесется Богъ мой ,
 Избавившій меня
 Враговъ опъ злобы сильныхъ ,
 И покорившій ихъ ,
 Опмспившій за обиды
 За язвы всѣ мои.
 Хвала , благодаренье
 Единому Тебѣ !
 Во вѣки буду славить
 Тебя , Господь , мой Богъ !
 Повѣдаю языкамъ
 Незнающимъ Тебя
 Твое святое имя ,
 И славу дѣлъ Твоихъ ;
 Ты милость забывенну
 Съ Давидомъ сотворилъ ,
 Излилъ щедротъ испочникъ
 На сѣмя все его .

Кострома.

Н. Граматинъ.

И Д И Л Л И Я :

ДАФНИСЪ и ДАМЕТЪ.

Даметъ.

Ну, Дафнисъ, какъ я радъ, что встрѣпилея
съ побою!

Дафнисъ.

О! видно по глазамъ—но что пому виною?

Даметъ.

Вотъ что; ты лучшимъ здѣсь слывешъ у
насъ пѣвцомъ;

Я также, говоря, изрядно похваляю,

И не ударю въ грязь лицомъ;

А потому.... давно желаю

Помѣряшь мой талантъ съ твоимъ....

Дафнисъ.

Ну, далѣе.

Даметъ.

Но я всегда другихъ спыдился;

Все случая искалъ съ побою бышь однимъ—

Нашель его и радъ.

Дафнисъ.

Какъ ты перемѣнился!

Гдѣ скромность прежняя, заспѣчивость
швоя?

Чтобъ это значило?.. Но нѣтъ согласенъ я:
Въ тебѣ достойнаго соперника имѣю.

Далетъ.

О вѣришь ли, пѣвецъ равняемый Орфею,
 Я и шеперь бы не посмѣлъ
 Даръ скудный, мнѣ доспавшійся въ у-
 дѣль,
 Измѣривашь съ швоимъ; но... Дафна при-
 казалала!

„Поди, она сказала:

„Сразися съ Дафнисомъ и выиграй закладъ:
 „Пусть не одна Пастушка Амарила
 „Гордится, что пѣвца плѣнила.“

Дафнисъ.

Но пѣшь однимъ намъ, что за
 складъ?
 Кто будешь насъ судишь? кѣмъ скажешь
 награда?

Далетъ.

Да, правда, надобно кого нибудь позвашь.

Дафнисъ.

Послушай: тамъ у водопада
 Легъ Палемонъ почщенный опдыхашь;
 Онъ славный былъ пѣвецъ: сходи за нимъ
 скорѣе.

Далетъ.

Къ шому же онъ спарикъ:
 При спарикѣ я буду пѣшь смѣлѣе;
 Изволь, слетаю вмигъ....
 Но ежели онъ спишь?

Дафнисъ.

Нѣтъ, вѣрно ужь проснулся.

(*Далетъ пошелъ и скоро возвратился съ Палемономъ.*)

Дафнисъ.

Послушай, дѣдушка!....

Тутъ спарець улыбнулся,
И не далъ Дафнису себѣ договорить;
„Довольно, онъ сказалъ: довольно—разумѣю:
Вы въ споръ о пѣни намѣрены вступишь?
Вы избрали меня судьей?”

Готовъ вамъ услужить.

О! я люблю сей споръ невинный, милый,
И много самъ пѣвалъ; шеперь же, спарець
хилый,
Лишь слушаю другихъ. Но гдѣ закладъ и
въ чемъ?”

Далетъ.

Я прошъ вопъ эпимъ посошкомъ,
Коль буду побѣжденъ; Тирсисовой рукою
Оль весь покрыть узорчатою рѣзьбою.

Палемонъ.

Что держишь, Дафнисъ, пы?

Дафнисъ.

Егожь работы кружку:

Съ боковъ кругомъ по ней цвѣшны—
На крышкѣ виденъ Фавнь, цѣлюющій Па-
спушку.

Палемонъ.

Изрядно; сядемъ-ше, и спаршій пусть нач-
нешь.

Ну, Дафнисъ! пой же, швой чередъ.

Дафнисъ (поетъ).

Муза! ты была со мною
Наразлучна съ дѣпскихъ лѣшъ;
Наученному побою,
Мнѣ дивился бѣлый свѣшъ—
Не уже ли щещно нынѣ
Раздаешся по долинѣ
Гласъ шебя зовущій мой?
Услади его, наспррой!

Даетъ (поетъ).

Буди благосклонна,
Муза! вновь ко мнѣ,
И мольбы услыши
Юнаго пѣвца!
Научи получше
Пѣсенку сложишь—
Съ кружкой воропишься,
Дафнѣ услужишь.

Дафнисъ.

Разъ полдневною порою
Опшашнулся въ темной лѣсѣ,
Мой барашикъ, и стрѣлою
Вдругъ изъ глазъ моихъ исчезъ,
Я за нимъ бѣжашъ пуспилсѣ;

Но напрасно — заблудился,
Сънямъ края не видалъ,
И опъ жажды умиралъ.

Далетъ.

Нынѣшней весною,
Въ первой хороводъ,
Съ Дафной чернобровой
Я пошелъ плясать;
Началъ — шакъ былъ весель!
Кончилъ — спалъ уныль,
Голову повѣсилъ,
И не спалъ всю ночь.

Дафнисъ.

Вдругъ на встрѣчу Амарила.
„Знашь успалъ ты, Паспушокъ?“
Подошедши говорила.
— Я опъ жажды изнемогъ. —
„Вошь, возьми кувшинъ съ водою.“
Спала Гебой предо мною:
Я къ кувшину — и не зналъ,
Чшо съ водой любовь глопалъ.

Далетъ.

Опъ чегожь бы эшо?
Въ пляскѣ, подъ шумокъ,
Дафна мнѣ пожала
Руку, а попомъ
Нѣжно посмопрѣла
Прямо мнѣ въ глаза;

Я взглянулъ—у **Дафны**
Канула слеза.

Дафнисъ.

Хоть уста и прохладились;
Но решивое зажглось.
Мы другъ другу поклонились,
Чтобъ идти домой—не шлось.
Слово я, она другое;
Вскорѣ сдѣлалось насъ шрое:
Къ намъ Амуръ слешѣль съ небесъ,
Озарилъся мрачный лѣсъ!

Далетъ.

На другое утро
Я опять грусшилъ,
Минулъ цѣлый мѣсяцъ—
Прочь не шла шоска:
Дафнинъ взоръ унылой
Былъ все предо мной;
Лишь встрѣчался съ милой,
Грусь я забываль.

Дафнисъ.

Оба сдѣлались смѣлѣ.
Поцѣлуя я просилъ—
Застыдилась, шѣмъ милѣ,
Слаще онъ, казалось, былъ!—
Часто послѣ Амарила
Паспушка шущъ находила.
Дни щасшливы! каждой часъ

Даромъ не пропасть у насъ!

Даметъ.

„Дафна!—такъ однажды
Молвилъ я, вздохнувъ—
„Что, скажи, со мною?
„Первый хороводъ...“
—О Дамешъ любезный!
Дафна прервала,
Ахъ! шеперь я вижу,
Что тебѣ мила!—

Дафнисъ.

„Клишъ! отдай мнѣ Амарилу!“
Я опцу ея сказалъ;
Онъ упрявился, насилу
Старика я уломалъ:
Клишъ намъ даль благословенье.
Радость! сердца ушъшенье!
Скороль, скороль, милый другъ!
Буду я тебѣ супругъ?

Даметъ.

—Ужь, давно любила
Я себя, Дамешъ;
Но сказать не смѣла.
Ахъ! шеперь ты мой!—
Тутъ мы обнялися,
Грусть моя прошла.
О леши, промчися
Время до вѣнца!

Палемонъ.

Прекрасно! Оба такъ вы пѣли, что не знаю
Кого бы предпочесшь изъ васъ?
Итакъ обоихъ награждаю:
Мѣняйшесь въ добрый часъ.

Влад. Панаевъ.

КУПЕЦЪ ВРЮХАНОВЪ.

С К А З К А .

Когдабъ я былъ богаты, я всебы спалъ
да ъль —

Еще бы пилъ—и шакъ бы располспѣлъ,

Что скоробъ съ *Пробтеролъ* *) сравнялся.

Ничѣмъ бы уже я тогда не занимался:

Сидѣлъ бы и лежалъ;

Стиховъ бы даже не писалъ,

А шолькобъ прежніе пріятели чиналъ.

Однако черезъ чуръ бышь полспымъ такъ
же худо.

Въ Москвѣ я зналъ купца — осьмое право
чудо!

Представыше: онъ сажень почти былъ въ
вышину

И два аршина въ ширину.

Однажды изъ его кафшана,

Безъ спора, безъ хлопотъ,

Обойщикъ два обиль дивана,

И для жены еще укралъ шупъ на капотъ.

Ну, нѣчего сказать, мой Брюхановъ былъ
диво!

*) Ужаснѣйшей шолцины Англичайинъ, о кошѣромъ упоминаеть Княжнинъ въ посланіи ошъ *Дяди Риѣмоскрыпа къ Племяннику*.

А какъ пьянулъ онъ пиво!

Какъ ѡль! — за шо не могъ ходишь,
И заспавлялъ себя по комнашамъ водишь.

Держалъ онъ по совѣшу
Искусныхъ Докторовъ пресспрогую діешу,
Пускалъ и кровь — все пользы нѣшу!
Безъ ужина сыпалъ на жесткомъ шюфякѣ
И наконецъ на голомъ сундукѣ:

Въ лицѣ не много спанешъ хуже;

Глядишь — а плашье уже!

Къ несчастью мой полспякъ Купецъ
Бездѣшной былъ вдовецъ.

Одни прикащики съ нимъ жили,
И многіе изъ нихъ сродни ему хопъ были,
Но въ лавкахъ у него и въ домѣ все щечили.

Добра - шо же, добра!

Ломилися шкапы опъ серебра.

Однако безъ смопрѣнья
Дошелъ бы наконецъ со всѣмъ до раззоренья:
Онъ щешовъ при года уже не повѣрлялъ;
Такъ мудреноль и весь ушрашишь капиталъ?

Рѣшился Брюхановъ женишься,
Не для того, чтобы наслѣдниковъ имѣшь,
А чшобъ жена могла за домомъ приглядѣшь,
И пересшалъ лѣчишься.

Когда ешь деньги у кого,
Хопъ будь уродъ, пойдушъ охотно за него.
Пришомъ же не искалъ женихъ нашъ ни
богатшства,
Ни краснаго лица; искалъ себѣ жену

Для облегченія въ заботахъ, для хозяйства;
И сваха чеспиная нашла ему одну

Дѣвицу пожилую ,

Лѣтъ подь сорокъ шакую ,

Пресмирную , хозяйку дорогую :

Безъ Ариѳметики по пальцамъ все сочпешъ;

Крупинка у нея и ша не пропадешъ;

Примѣръ для всѣхъ купчихъ: пиша, скром-
на , учпива ,

Въ компаніи важна и молчалива.

Не лзя пересказаць какъ Брюхановъ былъ
радъ ,

Что Богъ ему послалъ шакой завидной
кладъ .

Какое сдѣлалъ онъ приданое невѣстѣ!

И сколько подарилъ парчи ей, жемчугу ,

Серегъ , перспней — всего припомнишь не
могу —

А свахѣ сто рублей да лисью шубу въ
двѣснѣ .

Въ три тысячи ему спалъ на другой день
балъ ,

Лишь только молодой на немъ не шанцовалъ.

Вступила наконецъ въ хозяйство молодая—

Пошла шуть кутерьма шакая ,

Что Боже упаси ;

Святыхъ вонь понеси ;

Съ утра до вечера бранится и дерется ,

А мужу бѣдному всѣхъ больше досаещя !

Бѣда коль скажешъ онъ, бѣда коль и молчишь .

Пропалъ сонъ у него, пропалъ и аппетитъ.

Прошло недѣли три, четыре —

Кафтанъ день ото дня становился все
шире.

Вотъ началъ уже самъ ходить.

Пойдешь и нехотя какъ палкой спануть
бидь.

Нашелъ въ супругъ онъ находку :

Куда дѣвалась его вся полщина !

Какъ разъ избавила его опъ ней жена —

Прослыми средсвами — и вогнала въ ча-
хопку!

Осталась черезъ годъ лишь шѣнь его одна.

Опъ лишней полщины кто хочеть свобо-
дидься ,

Тому на злой женѣ совѣшую женишься.

И.

ПѢСНЬ ПИРУЮЩИХЪ.

Не все печалиться, вздыхать
И въ мрачны думы погружаться;
Зачѣмъ подь часъ не пируешь
И жизнью не наслаждаешься?

Попопимъ горести въ винѣ:
Пусть лица радостью сіяють,
И восхищенія однѣ
Пусть наши чувства наполняютъ.

Тамъ милыхъ дѣвъ и юныхъ женъ
Прелестны видны хоробы;
Скажете, кто не восхищенъ,
Смотря на лучшей цвѣтъ природы?

Но шопъ блаженства нектаръ пьешь,
Чей духъ любовью пламенѣешь
И кто плѣнительный сей цвѣтъ
Въ свой садъ пересадишь умѣешь.

Чего не дѣлаешь любовь?
Такъ почему же намъ спрашишься,
Что мы не можемъ подь покровъ
Богинѣ сердца пріюпитишься?

Пойдемъ — и если сердце въ насъ
При видѣ милыхъ запылаешь —
Откроемся подь шумный часъ
И всякъ судьбу свою узнаешь.

Языкъ развяжешь намъ вино,
А сердце надѣлишь словами;
Коль Провидѣнемъ суждено,
Любовь украсишь насъ вѣнками.

Но если не полюбяшь насъ
И не исцѣляшь сердца раны;
За шупку примемъ ихъ опказы
И снова — осушашъ стаканы.

Ры — скій.

КЪ ЛИЗЪ.

Есть лучшей мѣрь: шуда свои мечпы,
Туда свои я перенесъ желанья!
Тамъ нѣтъ шоски, нѣтъ имени шраданья;
Тамъ, шамъ, о Лиза, ангель чистоты!
Тебя любить я смѣю всей душою.

Уже ль любовію святою
Тамъ оскорбишья ты?

2 Января, 1818.

Вильгельмъ.

II. ИБРАГИМЪ и ОСМАНЪ,

или

*Трудись , дѣлай добро и будешь
счастливъ .*

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ *).

Въ царствованіе славнаго Калифа Гарунъ Алрашида жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ. Въ деревнѣ, копорую давно уже онъ избралъ своимъ мѣспребываніемъ, всѣ поселяне, пакъ свазашь, его богошворили, пошому что Ибрагимъ помогаль въ ихъ нуждахъ, прекращаль ихъ ссоры и научаль добродѣтели; въ Багдадѣ безумцы надъ нимъ издѣвались, злонравные его осуждали и старались оклевешашь, но несчастные

*) Чисана въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общесства любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 15 Ноября 1817 года. Повѣсть сія написана мною лѣтъ двѣнадцать назадъ и напечатана въ Журналѣ : *Любитель Словесности*, 1805 года. Въ содержаніи оной ничего я не перемѣнилъ, а исправилъ только слогъ. *Изд.*

прославляли его имя, а мудрецы признавались порожесшвенно, что онъ превосходилъ ихъ своими знаніями, какъ солнце превосходитъ сіяніемъ звѣзды; при Дворѣ многіе ненавидѣли его за то, что Повелитель нѣрныхъ научился опъ него шрудному искусшву управляшъ Государсшвомъ и во многихъ случаяхъ просилъ у него совѣшповъ. Опъ сего - то самаго произошла извѣсшная въ Багдадѣ пословица: *Государь, послѣдующій совѣтамъ мудрецовъ, бываетъ любимъ всѣмъ народомъ; но не всѣми вельможами.*

Ибрагимъ имѣлъ въ деревнѣ большой домъ, пошому что всѣ вдовы и сироты шого селенія жили съ нимъ вмѣстѣ. Трудами своими собралъ онъ великое богатштво, кошорое въ послѣдствіи умножилось опъ щедрости Калифа. Все свое имущештво Ибрагимъ упошреблялъ на свои удовольствія, шо есть на добрыя дѣла. Въ Багдадѣ на его иждивеніи содержались двѣ гостинницы для странниковъ, шри сиротскія училища, нѣсколько больницъ для бѣдныхъ и богадѣленъ для увѣчныхъ и пресшарѣлыхъ. Всякой, кто имѣлъ нужду въ помощи, шелъ смѣло къ Ибрагиму и возвращался опъ него съ радостными слезами, если шолько не былъ совершеннымъ шунеядцемъ или развратнымъ. Для себя собсшвенно Ибрагимъ шрашилъ очень мало денегъ. Правда, онъ покупалъ,

нерѣдко дорогою цѣною полезныя книги и нужные для нѣкопрыхъ наукъ инструмен- ты; но книгами своими и инструментами пользовался не одинъ онъ: книгохранилище его и кабинетъ открыты были во всякое время и для ученыхъ мужей и для учащихъ юношей. Пищу употреблялъ онъ самую умѣренную, состоящую изъ однихъ плодовъ его сада и млека стадъ его, а въ одеждѣ своей опличался отъ жившихъ съ нимъ поселянъ, одною почти только чистою и опрятностію. Нерѣдко сей почтенный старецъ, для сохраненія своего здоровья и для поощренія другихъ къ земледѣлію, оставлялъ книгу и бралъ заступъ, а иногда, не взирая на свои преклонныя лѣта, управлялъ вмѣстѣ съ поселянами тяжелымъ плугомъ. Все его время проходило въ благодѣніяхъ, въ трудахъ, въ чтеніи и въ размышленіи. Все ученіе сего мудреца, состояло въ сихъ немногихъ словахъ: *трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ.*

Каждый вечеръ въ хорошую погоду Ибрагимъ, послѣ обыкновенной прогулки, садился на дерновой софѣ у вѣрошь своего дома подъ шѣнію высокихъ пальмъ. Старые земледѣльцы садились также по сторонамъ его, а возмужалые и юноши составляли около ихъ кругъ. Ибрагимъ бесѣдовалъ съ

ними о должностяхъ истиннаго музульманина, о должностяхъ отцовъ, дѣтей и супруговъ, объ удовольствіяхъ сельской жизни, и всѣ слушали его съ такимъ же вниманіемъ, какъ бы самаго Пророка. Между тѣмъ невинныя малюпки, въ виду ихъ, рѣзвились на зеленой травѣ.

Однажды вечеромъ, какъ Ибрагимъ изъяснялъ поселянамъ по мѣсто изъ божественнаго Алкорана, гдѣ всякому музульманину предписывается помогать своимъ согражданамъ и шворить милосшыню, показался на дорогѣ большой ошрядъ конныхъ. Судя по пышности и великолѣпію убора всадниковъ, можно было подумать, что приближается къ жилищу Ибрагимову самъ Калифъ, если бы не знали, что Повелитель вѣрныхъ прихаживалъ всегда къ мудрецу въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ ходилъ часпо по улицамъ Багдадскимъ съ Великимъ Визиремъ своимъ Жіаффаромъ и Начальникомъ евнуховъ Мезруромъ *). И,

*) Извѣстно, что Калифъ Гарунъ — Алашидъ съ Великимъ Визиремъ своимъ и Начальникомъ Евнуховъ ходилъ весьма часпо по улицамъ Багдада, переодѣвшись такъ, что никто не могъ узнатьъ ни его самаго, ни его спутниковъ. Въ семь переодѣяніи ничто не скрывалось отъ его взоровъ; онъ вмѣшивался въ разговоры проспо-

дѣйствительно вскорѣ увидѣли, что это былъ не Калифъ, а какой-то молодой человѣкъ, по видимому, весьма знатнаго рода. Онъ сидѣлъ на прекраснѣйшей Арабской лошади, которая была покрыта чапракомъ изъ голубой парчи, унизаннымъ по краямъ жемчугомъ, яхонтами и изумрудами. Чалма его, кинжалъ и сабля осыпаны были крупными Голкондскими алмазами. Черные евнухи и невольники въ богатой одеждѣ его окружали. Но казалось, что вся сія пышность, все сіе великолѣпіе не веселило молодаго человѣка. Онъ былъ блѣденъ и помень, какъ увядшій цвѣшокъ. Приближаясь къ Ибрагиму, устремляетъ онъ на него свои взоры. Величественная и крошечная осанка старца, глаза блистающіе огнемъ мудрости и длинная бѣлая брада оплечали его ошъ всѣхъ поселянъ. Молодой человѣкъ сошелъ съ лошади, приблизился къ Ибрагиму и спросилъ его: „по-

людиновъ, и если находилъ какіе либо безпорядки, или узнавалъ, что дѣлаемо было кому нибудь неправосудіе и припѣсненіе, то немедленно все исправлялъ и наказывалъ строго виновныхъ. Кадіи, или Начальники частей города, знали, что Калифъ ходитъ въ такомъ видѣ по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ, и ошъ того самаго исполняли очень хорошо свою должность.

чтенный спарець! не ты ли Ибрагимъ, шопь совершенный мудрець, котораго шолько желаю видѣть?“ — Юноша! опвѣчаль сей съ крошкою улыбною: совершенная мудрость ешь свойство единаго Бога. Но на что нуженъ тебѣ Ибрагимъ? Ты видишь его передь собою. Скажи мнѣ, юноша! кто ты шаковъ самъ? — „Я Османъ, сынъ Кебиба Дамасскаго *); нарочно прѣхаль сюда изъ Дамасска, что бы просить швоихъ совѣшоевъ и наставленія . . . “

— Алла! воскликнулъ Ибрагимъ: ты сынъ Кебибовъ! Да будешь благословенно на вѣки имя Пророка, что даль мнѣ увидѣть сына Кебиба, Кебиба, который былъ благодѣшелемъ всей Дамасской страны, который былъ вѣрнымъ невольникомъ, или лучше сказать, другомъ Повелителя правовѣрныхъ! О юноша! я зналъ швоего родителя, зналъ всѣ его добродѣтели — но кому онѣ неизвѣсны? Ты конечно былъ еще въ первыхъ младенческихъ лѣтахъ, когда его лишилъ, и не можешь его поминь. —

*) Кебибъ Дамасскій славился своимъ неисчешнымъ богатствомъ, а болѣе еще шого благошворительностью и гостепрѣимствомъ. Калифъ Гарунъ Алрашидъ, желая наградинь сего великаго мужа, сдѣлалъ его Королемъ Дамасска. Въ дошповѣрности всего онаго ссылаюсь на *Тысяцу и одну ночь*.

Османъ опвѣчалъ на сіе однимъ польско наклоненіемъ головы и вздохомъ. Тутъ Ибрагимъ взялъ его за руку и ввелъ въ свое жилище, гдѣ они сѣли на софу, и Османъ началъ:

„Почтенный старецъ! хочу тебѣ открытъ тайну, для самаго меня непонятную. Ни въ чемъ не нахожу я удовольствія, ничто не веселитъ меня, самая жизнь мнѣ почти несносна.“

Ибрагимъ. Сынъ мой, ядъ любви не перзаешь ли свое сердце?

Османъ. Нѣтъ, отецъ мой! Я имѣю у себя въ сералѣ прекраснѣйшихъ невольницъ, какія едва ли есть въ гаремѣ самаго Калифа; но красота ихъ, ласки, всѣ старанія нравиться не дѣйствуютъ на мое сердце, не производятъ даже улыбки на устахъ моихъ. Сначала находилъ я удовольствіе въ объятіяхъ женъ моихъ; много, очень много я наслаждался; наконецъ сладострастіе мнѣ прискучило, и я изъ пылакаго, пламеннаго любовника сдѣлался шаѣже холодень, какъ ледъ, покрывающій вершины Кавказа.

Ибрагимъ. Юноша! самые вкусные плоды, когда пресыщающся ими, производятъ отвращеніе... Однако что же причиною твоей скуки и горести? Змѣй честолюбія и зависти не уязвилъ ли твоего сердца?

Османъ. Кинжалъ сей и сабля, осыпанные алмазами, получены мною въ даръ отъ великаго нашего Государя. Таковые знаки почести имѣю отъ него только я и Великій Визирь Жіаффаръ, первѣйшій его любимецъ. Чувствую всю цѣну милостей ко мнѣ Калифа — но ахъ! при всемъ могуществѣ своемъ не можешь онъ сдѣлать меня щасливымъ!

Ибрагимъ. Сынъ мой! милости и награды Государя должны быть для насъ лестны; но онъ совершенно лестны бываютъ тогда только, когда мы истинно ихъ достойны. Заслужилъ ли ты милость Калифа? — Нѣтъ! ты красишь и качаешь головою — однако вѣрно ты поспараешься заслужить. — Скажи же мнѣ, отъ чего происходитъ твоя скука, отъ чего несносна тебѣ жизнь, сей благодатный даръ Неба?

Османъ. Я самъ того не знаю. Всѣ мои усилія клоняшся къ тому, что бы найпти счастіе; но оно отъ меня убѣгаетъ, какъ блуждающій призракъ. Отецъ мой! научи меня, какимъ образомъ можно сдѣлаться щасливымъ?

Ибрагимъ. Трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ.

Османъ. Ахъ! я дѣлалъ очень много добра, но вмѣсто удовольствія получалъ отъ того одну досаду. Я обогатилъ многихъ

моихъ друзей, которые въ глаза увѣрили меня, что готовы пожертвовать мнѣ своею жизнію, а за глаза смѣялись надо мною, какъ надъ безумцемъ. Я отпустилъ на волю и облагодѣшительствовалъ многихъ моихъ невольниковъ, которые во время службы своей у меня, какъ я узналъ послѣ, грабили мое имущество съ такою же дерзостію, съ какою разбойники грабятъ караваны, идущіе въ Мекку и Медину. Вошъ какво дѣлашь добро!..

Ибрагимъ (прервавъ Османа съ улыбкою) Османъ! Османъ! ты дѣлалъ вредъ, а не добро: кто даетъ безъ разбора, шощъ разшочаетъ свое имущество, а разшоченіе никогда не приноситъ чистаго удовольствія.

Османъ. Пущь такъ, но какое же удовольствіе могутъ доставить шруды, кромѣ изнуренія силъ? Посмотри на земледѣльцовъ, на сихъ людей, которые болѣе всѣхъ шрудятся. Какъ часто обливаютъ они своимъ потомъ неблагодарную землю и падаютъ на нее безъ чувствъ ошъ изнеможенія! Уже ли не слыхалъ ты ихъ жалобъ....

Ибрагимъ. Ты, какъ видно, мало еще самъ упражнялся въ шрудахъ; слѣдовательно и судишь объ нихъ справедливо не можешь. Знаешь ли, юноша, что земледѣльцы, которые столь жалки тебѣ кажутся, едвали не щаспливѣе всѣхъ прочихъ людей, когда только не дѣлаютъ имъ прищѣсненія и ког-

да земля не бываетъ пропиеъ ихъ неблагодарна? Ты видѣлъ, говоришь, какъ земледѣльцы обливаются потомъ и какъ падаютъ отъ усталости; но видѣлъ ли съ какимъ радостнымъ лицомъ смощраютъ они на поспѣвающіе классы? Ты слышалъ, какъ земледѣльцы жалуются на свой жребій; но слышалъ ли веселыя ихъ пѣсни и крики во время плодоносной жатвы? Трудъ земледѣльца шягостень, но привычка облегчаетъ всякой шрудъ. Бездѣйствіе и праздность разслабляютъ шѣло и душу, а упражненіе и шрудъ придають имъ новыя силы. Взгляни на поселянь, съ копорыми я живу — ты увидишь, что они совершенно здоровы, крѣпки и сильны. Спроси ихъ: они не знаютъ и двадцатой доли шѣхъ болѣзней, коими спраждутъ живущіе въ нѣгѣ и праздности люди.—Многіе земледѣльцы жалуются.—Справедливо, но они жалуются не на шруды, а на то, что шруды ихъ оспающа безплодны; что градъ, буря, саранча, или жестокіе ихъ владѣльцы, которые нерѣдко бываютъ свирѣпѣе града, бури и саранчи, пожирають плоды шрудовъ ихъ. Да будетъ вѣчная слава имени нашего Калифа, что онъ обуздаль шѣ власпи, отъ коихъ зависяетъ бѣдныя земледѣльцы!—Но возвратимся опяшь къ шрудамъ.—Дѣйствительно шруды бываютъ иногда изнуришельны и даже прошив-

ны для того, кто работает проливъ воли, или сверхъ силъ; но они бывающъ всегда пріятны, когда мы работаемъ для общественной нашей пользы и соразмѣрно съ нашими силами. Щасливъ, кто можетъ трудиться по своей волѣ и сообразно своимъ склонностямъ: таковыя труды неразлучны съ успѣхомъ и съ удовольствіемъ. — Скажи мнѣ теперь, какъ ты обыкновенно проводилъ время?

Османъ. Я проводилъ время въ томъ, что называющъ удовольствіями. Всякой день или самъ давалъ пиры, или бывалъ на пирахъ у моихъ пріятелей. Часто ѣздилъ съ ними на охошу и гулялъ въ плодоносныхъ садахъ Дамасскихъ; вечера же и ночи проводилъ въ своемъ гаремѣ. Ты уже слышалъ отъ меня, почтенный Ибрагимъ, что жены мои мнѣ наскучили; не менѣе того наскучили мнѣ и пиры.

Ибрагимъ. Чѣмъ же они тебѣ наскучили и что ты дѣлалъ на пирахъ съ своими друзьями?

Османъ. То, что обыкновенно всѣ дѣлающъ. Мы сидѣли или лежали на мягкихъ подушкахъ, курили шабакъ, пили шербепъ, ѣли сахарныя закуски, слушали музыкантовъ, глядѣли на панцовщиковъ, панцовщицъ и — зѣвали. — Охоша и прогулка болѣе мнѣ нравились, нежели пиры; однако скука

часто слѣдовала за мною по полямъ и находила меня въ самой гуспой шѣни моего сада. Ахъ! отецъ мой! многіе завидуюшъ моему богатству; но я опдалъ бы съ радостію половину онаго, двѣ прещи, лишь бы только найши счастье.

Ибрагимъ. Сынъ мой! богатство не можешъ сдѣлать всякаго счастливымъ. Тѣ только богатые счастливы, которые умѣюшъ употреблять съ пользою свое богатство. Родитель твой Кебибъ обладалъ неисчислимыми сокровищами, но самое драгоценнѣйшее изъ всѣхъ его сокровищъ было превосходное его сердце и благоразуміе. Онъ былъ совершенно счастливъ и счастье его превосходило самое его богатство. Впрочемъ успокойся, Османъ; обнадеживаю тебя, что ты будешь доволенъ собою; что упражненія и добрыя дѣла разсѣюшъ твою скуку, такъ какъ лучи солнца разсѣваюшъ туманъ. Остаешься на нѣсколько времени у меня; спанемъ вмѣстѣ искашь для себя счастья; мы его точно найдемъ.

Османъ остался у Ибрагима. Ибрагимъ предложилъ ему умеренную вечернюю трапезу; но Османъ, ушрудясь ошъ шягоспи пуши, не прикоснулся ни до чего, погрузился снова въ уныніе, и наконецъ — заснулъ очень крѣпко.

На другой день Османъ проснулся, когда солнце часа уже чешыре было на горизонтѣ. Онъ просыпался обыкновенно въ это время. Между шѣмъ Ибрагимъ принесъ мольбы Существу существъ, насладился восхожденіемъ великолѣпнаго свѣшила, вкусилъ удовольствіе чшенія, и отеръ слезы шремъ или чешыремъ несчастнымъ, пришедшимъ къ нему изъ Багдада. — Сшарець, по пробужденіи Османа, повелъ его въ бесѣдку изъ шѣнистыхъ деревьевъ, куда въ самый знойный полдень не проникалъ ни одинъ лучъ солнца. Тутъ вкусили они млека и плодовъ. Ибрагимъ началъ разговаривать съ Османомъ о величіи Творца и удивительномъ порядкѣ природы, о пользѣ наукъ и просвѣщенія, о дѣлахъ ошносящихся до правленія и о любви къ ошечеству. Краснорѣчіе Ибрагима было шполь сильно и убѣдительно, что мракъ скуки, покрывавшій доселѣ чело Османа, исчезъ; онъ не спускалъ глазъ съ Ибрагима, и казалось боялся проронить даже одно его слово. Съ благороднымъ чистосердечіемъ Османъ при-

знался мудрецу, что беседа его много ему нравилась, но что онъ самъ не въ состоянїи былъ сказать почти ни слова о шѣхъ предметахъ, о которыхъ говорилъ Ибрагимъ. — Ибрагимъ узналъ отъ Османа, что онъ не получилъ хорошаго воспитанія. Османъ, лишившись еще въ колыбелѣ отца, находился до шестнадцати лѣтъ подъ присмотромъ родственника своего Али Мегмеша, человека весьма храбраго и честнаго, но грубаго и непросвѣщеннаго, который обучивъ его искусству метать копье, стрѣлять изъ лука, биться на сабляхъ и объѣзжать самыхъ дикихъ Арабскихъ и Персидскихъ жеребцовъ, думалъ, что уже нѣчему болѣе учить благороднаго юношу. Шестнадцати лѣтъ Османъ сдѣлался полнымъ господиномъ всего своего имѣнїя, ибо Али Мегмешъ въ то время умеръ. Въ такихъ лѣтахъ и при такомъ богатствѣ, какое имѣлъ Османъ, что оставалось ему дѣлать, какъ не предаваться забавамъ? Онъ предался имъ безо всякой умѣренности, пресытился сладострастіемъ, и наконецъ, что обыкновенно случается со всѣми ему подобными, испортилъ свое здоровье и получилъ опроверженіе отъ того, въ чемъ полагалъ прежде свое благополучіе. Османъ, устыдившійся своего невѣжества и ничтожной жизни, которую велъ до сего вре-

мени, просилъ Ибрагима со слезами, что бы онъ принялъ на себя трудъ образовашь его разумъ и сердце. Ибрагимъ обнялъ благомыслящаго юношу и съ радоснію взялся за должность наставника.

Мѣсто скуки заступило въ душѣ Османъ на любопытство, сей источникъ человеческихъ познаній. Ибрагимъ умѣлъ употребить въ пользу склонность своего воспитанника. Чѣмъ болѣе Османъ пріобрѣпалъ познанія, тѣмъ болѣе хотѣлъ еще знашь: такъ точно чѣмъ болѣе льютъ на огонь масла, тѣмъ болѣе оный пылаеть. Ибрагимъ и Османъ не покидали ни на минушу другъ друга. Время ихъ проходило въ ученіи и въ прогулкахъ. То занимались они въ книгохранилищѣ чтеніемъ, или дѣлали въ кабинетѣ какіе либо полезныя опыты; то гуляли на открытомъ воздухѣ, или отдыхали подъ прохладною древесною тѣнію. Но прогулка и отдохновеніе были то же временемъ уроковъ для Османа, ибо онъ прогуливаясь и отдыхая вмѣстѣ съ Ибрагимомъ, разговаривалъ съ нимъ, и слѣдовательно научался. Османъ привыкъ уже рано вставашь и спать чешырьмя часами менѣе прежняго; но время, казалось ему, летѣло быстрѣе пшицы. Часто при захожденіи солнца говаривалъ онъ со вздохомъ Ибрагиму: „ахъ! отецъ мой! солн-

«не уже опъ насъ скрывается! давно ли оно возшло?» Въ при недѣли, не болѣе, Османъ почувствовалъ въ себѣ удивительную перемѣну. Умѣренная и здоровая пища, продолжительныя прогулки, а болѣе всего спокойствіе духа, покрыли снова лице его живымъ румянцемъ. Османъ подобенъ былъ цвѣтку, копорый блекнулъ опъ зноя и клонился уже къ землѣ; но когда благодѣтельная рука полила его, распрямился малу помалу и спалъ увеселяя възоры своею красою и живостію.

Однажды какъ Ибрагимъ съ Османомъ выходили на прогулку, молодой поселянинъ, весь съ слезахъ, бросился къ ногамъ перваго, обнялъ его колѣна и не могъ опъ рыданій произнести ни одного слова. „Что съ тобою сдѣлалось, Газебъ?“ спросилъ его съ чувствительностію Ибрагимъ. — Ахъ! отецъ нашъ! насилу могъ вымолвить Газебъ: Зумбеку, жену мою, ужалила ядовитая змѣя; возврапи бѣднымъ дѣтямъ мать, возврапи несчастному мужу жену, копорую онъ болѣе себя любитъ. — Ибрагимъ хощя и самъ имѣлъ весьма немалыя свѣденія во врачевномъ искусствѣ, но держалъ еще при себѣ, для лѣченія поселянъ и бѣдныхъ, искуснаго врача. Онъ поднялъ ласково несчастнаго супруга, велѣлъ призвавъ своего врача, и всѣ четверо вмѣстѣ пошли въ шалашъ Газебовъ.

Какая картина представилась пусть ихъ взору! Блѣдная Зумбека, съ распрепанными волосами и обнаженною грудью, лежала распросперша на полу и боролась уже со смертію; всѣ члены ея шрепешали опъ ужаснѣйшихъ судорогъ. Трое малюшокъ окружали несчастную и раздирали ея сердце своимъ воплемъ. Одинъ цаловаль ея лице, другой руки, а шрепій, самый младшій, приползъ къ груди и пронзительнымъ крикомъ шребоваль себѣ пищи. Ибрагимъ осмошрѣль первый рану Зумбеки и взянуль печально на врача. Попомъ осмошрѣль рану самъ врачъ, приложилъ къ оной цѣлебныя шправы и завязаль, не говоря ни слова. По приказанію Ибрагима дѣши опшведены были къ нему въ домъ; младшаго опшдали кормить женщину, кошорая недавно лишилась своего младенца; къ умирающей Зумбекѣ присшавили попечительную шпарушку, а самаго Газеба Ибрагимъ поручиль одному изъ его родшвенниковъ, изливъ напередъ бальзамъ ушѣшенія и надежды въ его сердце.

Но какъ шолько Ибрагимъ вышелъ изъ хижины Газеба, то и ушремиль опяшь глаза свои на врача, кошорый храниль печальное молчаніе. „Такъ нѣшь, любезный Баркасъ, никакой надежды?“ спросиль его

Ибрагимъ со вздохомъ. — Нѣтъ! ошевчалъ Баркасъ, ядъ уже свирѣпшвуешъ въ жилахъ Зумбеки, и часа черезъ два не будетъ жены у Газеба, а у дѣшей его матери. — „Бѣдный Газебъ! воскликнулъ Ибрагимъ: онъ такъ горячо любитъ Зумбеку. Бѣдные дѣши! ничто не можешъ вознаградишь вамъ потерю нѣжной и доброй матери.“ Ужасное сіе приключеніе пронуло сердце Османа, который былъ ошъ природы добръ и чувствившелень. — Ошець мой! сказала снъ Ибрагиму, какъ будшо былъ вдохновенъ въ шо время самимъ Пророкомъ Магомешомъ: не задолго передъ ошѣздомъ моимъ сюда ошправился изъ Дамаска въ Багдадъ по повелѣнію великаго нашего Калифа славный врачъ Абдулминъ. Можешъ бышь онъ и шеперь еще въ Багдадѣ. Въ Дамаскѣ у насъ Абдулминъ дѣлалъ чудеса, а особливо прославился лѣченіемъ ошъ угрызенія змѣй. — Едва успѣлъ Османъ произнесши сіи слова, шо и побѣжалъ къ жилищу Ибрагимову. Туть велѣлъ онъ одному изъ своихъ невольниковъ осѣдлашь скорѣе лошадь, вскочилъ на нее и черезъ часъ возвратился съ Абдулминомъ. Абдулминъ посредствомъ элексира, сосшавленнаго изъ цѣлишельныхъ травъ и минералловъ, въ два дни возвратилъ Зумбекѣ жизнь и здоровье. Османъ осыпалъ его благодареніями и принудилъ

взяшь опть себя на память крупный алмазь, достойный украшать чалму самого Калифа.

По выздоровленіи Зумбеки, Баркасъ врачъ Ибрагимовъ, объявилъ Газебу, что онъ спасеніемъ жизни своей жены обязанъ Осману: ибо безъ удивительнаго искусства Абдулмина, за которымъ Османъ нарочно ѣздилъ въ Багдадъ, жизнь ея должна была прекрашиться въ самой скорости. Газебъ, услышавъ сіе, пошелъ со своею женою и со всѣми дѣтьми благодарить Османа. Въ то время, какъ они пришли, Османъ занимался съ Ибрагимомъ чтеніемъ въ его кабинетѣ. Зумбека входилъ первая, держа на рукахъ своего младенца, и кидается къ ногамъ Османа. Газебъ и старшіе его дѣти дѣлають поже самое. — „Ангель небесный! говоришь Зумбека юношѣ, роняя слезы благодарности къ спопамъ его: да ниспослешъ Великій Алла и Свяшый Пророкъ сполько тебѣ радостей, сколько сіяешь звѣздъ на небѣ, сколько находишься зеренъ песка на днѣ морскомъ. Ты возвратилъ меня мужу и моимъ дѣтямъ; безъ тебя сей младенецъ, который покоишься шеперь у груди моей, сосалъ бы чужое молоко и улыбался бы чужой, а не своей мащери.“ — Газебъ не могъ опть слезъ вымолвить ни слова и лобызалъ только прахъ ногъ Осма-

ца. Дѣти цаловали его одежду и плакали отъ радости вмѣстѣ со своими родителями. Османъ былъ самъ пронушь до слезъ; онъ обласкалъ Газеба и Зумбеку, перецаловалъ всѣхъ ихъ малюшкѣ и оппустилъ домой, принудивъ отца и мать взять отъ него кошелекъ съ секинами.

„Ты плачешь, Османъ?“ сказалъ Ибрагимъ, когда они остались одни. — Такъ, отецъ мой! я плачу, опвѣчалъ Османъ: но никогда еще и улыбаясь не чувствовалъ сколько удовольствія, сколько чувствую теперь, проливая слезы. Правду говорилъ мнѣ ты, почтенный мужъ, что кто хочетъ быть щасливымъ, тотъ долженъ прудиться и дѣлать добро. Когда я, по совѣту своему, оставилъ праздность, то и скука меня оставила. Сдѣлавъ нынѣ первой разъ въ моей жизни наспоющее добро, нахожу себя столько довольнымъ, столько веселымъ, что не могу прибрать словъ для изьясненія тебѣ моей радости.... Отецъ мой! нѣсколько уже времени занимаюсь я вмѣстѣ съ тобою прудами; спанемъ же дѣлаемъ вмѣстѣ и благодѣянія. Всякой почти день приходимъ къ тебѣ несчастные изъ Багдада. Не могу подобно тебѣ упѣшать ихъ и подавать имъ полезныхъ совѣтовъ; но могу, какъ и ты давать имъ свое золото, которое нерѣдко бываетъ для нихъ

нужно. Знаю, ты не согласишься, что бы я одинъ помогаль деньгами всѣмъ бѣднымъ, копорые сюда приходять; но половинѣ изъ нихъ давай ты свое золото, а другой половинѣ буду давать я. Впрочемъ ничего не сдѣлаю безъ твоего совѣта, и спану учить-ся у тебя, какъ должно помогать несчастнымъ. —

Ибрагимъ вмѣсто отвѣта обнялъ съ сердечнымъ восторгомъ добраго Османа.

Четыре уже мѣсяца прошло какъ Османъ жилъ у Ибрагима. Онъ позабылъ, что такое есть скука и почиталъ себя совершенно счастливымъ отъ того, что, по примѣру почтеннаго своего наставника, каждый день трудился и каждый день дѣлалъ добро. Просыпаясь, веселился онъ всегда пою мыслию, что пріобрѣтетъ новыя познанія и облегчитъ жребій нѣсколькихъ несчастныхъ; ложился спать, утѣшаясь обыкновенно тѣмъ, что съ пользою провелъ день. Время прошекало непримѣтно въ ученіи и въ благодѣянїяхъ. Всякое утро Ибрагимъ съ Османомъ вставали до восхожденія солнечнаго и шли на холмъ, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ жилища. Когда блистательное свѣтило дня появлялось

во всемъ своемъ величїи на небосклонѣ, падали ницъ они и возсылали свои мольбы къ Тому, кто соорилъ солнце и всю подсолнечную. Молишва ихъ не была длинна, но усердна. Въ продолженіе оной ни одинъ изъ нихъ не произносилъ ни слова; но каждый чувствовалъ много, каждый находился въ какомъ-то неизъяснимомъ восторгѣ, и можно сказать, что оба они дѣйствительно въ сіе время бесѣдовали съ Богомъ. По совершенїи молишвы, шли въ садъ, гдѣ для укрѣпленія своего здоровья трудились нѣкоторое время какъ просвые работники, а рабочая разговаривали между собою о важныхъ и полезныхъ предметахъ, какъ прямые мудрецы. Когда жаръ отъ солнечныхъ лучей становился несносенъ и Ибрагимъ съ Османомъ начинали чувствовать усталость: то оставляли свои садовые орудія, а брали книги и занимались чтеніемъ въ прохладной тѣни сада, или въ книгохранилищѣ. Въ полдень обѣдали; послѣ обѣда отдыхали, а отдохнувъ, трудились еще около трехъ или четырехъ часовъ. Вечеромъ обыкновенно ходили гуляшъ; возвратившись же съ прогулки, садились у воротъ своего жилища, и шупъ-то мудрый Ибрагимъ, какъ въ началѣ сей повѣсти упомянуто, бесѣдовалъ съ поселянами до захожденія солнца, или изъяснялъ имъ божествен-

жый Алкоранъ. Въ такихъ упражненіяхъ проходили у нихъ дни. Труды, ученіе, прогулка имѣли положенные часы; не было только опредѣлено часовъ для вспоможенія несчастнымъ: они во всякое время имѣли доступъ къ Ибрагиму и Осману.

Однимъ вечеромъ Ибрагимъ, прогуливаясь съ Османомъ, началъ говорить о любви къ отечеству. Любовь къ отечеству, сказалъ онъ между прочимъ: есть такой долгъ, который обязаны свято исполнять всѣ живущіе въ обществѣ люди, начиная отъ Государя до послѣдняго гражданина. Кто не приноситъ никакой пользы обществу, тотъ самъ не достоинъ пользоваться выгодами онаго; а кто болѣе получаетъ отъ общества выгодъ, тотъ болѣе обязанъ ему и служить. Кто же болѣе имѣетъ въ обществѣ выгодъ какъ не тѣ люди, которые пользуются преимуществами рода и богатствомъ? Родитель твой Кебибъ считался первымъ въ Государствѣ человекомъ по знатности своего происхожденія и по своимъ несмѣннымъ сокровищамъ; но его почитали также первымъ и по его отличнымъ заслугамъ. Онъ былъ искуснѣйшій полководецъ, глубокой политики и справедливый судія. Въ свои лѣта приносилъ уже онъ отечеству большую пользу, хотя и не имѣлъ еще тогда тѣхъ знаменъ отличія, какіе ты носишь шею на себѣ по

милосши Калифа.—При сихъ послѣднихъ рѣчахъ Османъ потупилъ глаза и устремивъ ихъ на свой кинжалъ и саблю, осыпанные алмазами, покраснѣлся опъ стыда, какъ винованый. Ибрагимъ примѣшивъ его смущеніе, перемѣнилъ разговоръ и завелъ рѣчь о другомъ предметѣ; но Османъ весь вечеръ пробылъ въ великой задумчивости, не слушалъ почти Ибрагима, и на другой день, послѣ молитвы, опъ него скрылся. Ибрагимъ спрашивалъ объ немъ у всѣхъ домашнихъ; однако никто не зналъ куда дѣвался Османъ. Не сказавшись никому, уѣхалъ онъ тайно въ Багдадъ, что бы увидѣться съ Калифомъ.

Калифъ Гарунъ Алрашидъ былъ мудрый и добрый Государь. Подданные почивали и любили его. Да и какъ не почивать, какъ не любить такого Государя, который дѣлалъ все для пользы и славы своего народа? Онъ распространилъ просвѣщеніе въ своемъ Государствѣ; умножилъ челоѣколюбивыя заведенія; уменьшилъ налоги и умножилъ Государственные доходы, ободряя земледѣліе, промышленность и торговлю; устроилъ наилучшимъ образомъ войско, которое употреблялъ не для завоеванія чужихъ обласей, но для защиты своего народа и союзниковъ; болѣе же всего подданные любили его за то, что онъ уснано-

виль повсюду между ими спрочайшее правосудіе. Кто былъ угнѣшаемъ властію сильнаго и щещно искалъ въ судахъ для себя справедливости, пошъ находилъ наконецъ оную у престола Калифа: ибо Калифъ позволялъ въ шакомъ случаѣ приносить себѣ жалобы не только письменно, но и словесно. Онъ выслушивалъ благосклонно даже послѣдняго ремесленника и поселянина, разыскивалъ самъ дѣло, и если открывалось, что принесшій ему жалобу дѣйствительно былъ прищѣненъ, то наказывалъ виновныхъ примѣрнымъ образомъ. Ложные донощики и безразсудные просищели, которые дерзали беспокоить Калифа и похищашъ у него драгоцѣнное время, получали также каждый соразмѣрное со своимъ преступленіемъ наказаніе. Всѣ знали, что Калифъ былъ правосуденъ и опасались дѣлать неправосудіе; всѣ знали, что Калифъ, при величайшемъ хладнокровіи, имѣлъ чрезвычайную пронцащельность, и опасались дѣлать ему неосновательные доносы. Сначала вступленія его на престоль, когда онъ объявилъ, что будетъ принимашъ лично ошъ всѣхъ жалобы, спали являшся къ нему многочисленныя толпы людей разнаго состоянія. Дѣйствительно много тогда между ими было ушѣщенныхъ; но гораздо еще болѣе того клеветниковъ и безразсуд-

ныхъ, которые прѣбывали, что бы самое маловажное ихъ дѣло, въ прошивность у-становленнаго порядка, рѣшено было къ ихъ пользу однимъ словомъ или начерпаніемъ руки Калифа. Послѣ однако того, когда Калифъ сдѣлалъ вездѣ судіями людей свѣдущихъ и испытанной честности; когда судіи незнающіе и беспечные лишены были своихъ мѣстъ, а корыстоплюбивые получили позорное наказаніе; когда определено было ясно, въ какомъ точномъ случаѣ должно приносить лично жалобу Калифу: то число просителей чрезвычайно уменьшилось; цѣлыя недѣли, а иногда и мѣсяцы не являлись просители къ Калифу. Впрочемъ всякой, кто имѣлъ до него необходимую надобность, могъ свободно говорить съ нимъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Османъ пріѣхавъ въ Багдадъ, лезишь во дворець Гаруна Алрашида, заспавляешь немедлѣнно объявишь о себѣ, что имѣешь до него важное дѣло, и падаетъ вскорѣ къ его ногамъ. — „Повелишель вѣрныхъ! сказалъ онъ ему: я Османъ, сынъ Кебиба Дамасскаго и ученикъ Ибрагима; ошъ себя получилъ я сію саблю и кинжалъ, украшенные драгоценными каменьями; возьми ихъ назадъ.“ — Изумленный Калифъ глядѣлъ пристально на Османа. — „Возьми ихъ назадъ, продолжалъ юноша: клянусь гробомъ Великаго Про-

рока, что на все сокровища Султана Соломона не променялъ бы я эпой-сабли и кинжала; но Ибрагимъ, мой мудрый наставникъ, далъ мнѣ почувствовать, что я не заслужилъ еще сихъ отличныхъ знаковъ своего благоволенія и милости; совесть моя говоритъ мнѣ поже самое; и такъ возьми ихъ, Повелитель вѣрныхъ! и возврати мнѣ погда, когда я сдѣлаюсь достойнымъ оныхъ, а теперь дай мнѣ должность, соотвѣтственную моимъ лѣтамъ и способностямъ; буду служить усердно отечеству: я сынъ Кебиба, я ученикъ Ибрагимова.“ — Калифъ обнялъ Османа, обѣщавъ исполнить его просьбу и отвезъ его самъ къ Ибрагиму.

Добрый старецъ прослезился отъ радости, услышавъ отъ Калифа о благородномъ поступкѣ своего ученика. Калифъ намѣренъ былъ дать Осману мѣсто перваго начальника своей стражи; но Османъ вошелъ въ корпусъ его шлохранищелей, довольствуясь званіемъ младшаго Офицера. Скоро, по вступленіи своемъ въ службу, приобрѣлъ онъ любовь и уваженіе отъ всехъ своихъ подчиненныхъ, поварищей и начальниковъ. Ибрагимъ, присутствовавшій съ первѣйшими чиновниками Государства и подобными себѣ мудрецами въ Верховномъ Совѣшѣ, испросилъ у Калифа Осману позволеніе ходишь куда всякое засѣданіе. Черезъ

десять лѣтъ Османъ сдѣлался первымъ по Ибрагимѣ Совѣшникомъ въ важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлахъ и однимъ изъ самыхъ лучшихъ военачальниковъ; народъ и войско любили его болѣе всѣхъ послѣ Государя. На тридцать шестомъ году своего возраста получилъ онъ обратно отъ Калифа драгоценный кинжалъ и саблю, а на сорокъ второмъ сдѣланъ Королемъ Дамаска, гдѣ прежде царствовалъ его родишель Кебибъ. Османъ достоинъ былъ сихъ милостей Калифа: онъ спасъ опечесиво отъ гибели, разбивъ сильное войско невѣрныхъ, которое незапно ворвалось въ предѣлы Государства; участвовалъ болѣе всѣхъ въ составленіи книги законовъ, прославившей царствованіе Гаруна Алрашида, и пожертвовалъ почти всемъ своимъ богатствомъ для вспоможенія несчастнымъ во время заразы и голода, свирѣпствовавшихъ два года сряду въ Аравіи.

Чего не доставало къ благополучію Османа? Онъ имѣлъ у себя почтенныхъ друзей, рѣдкую супругу и любезныхъ дѣшей. Князь Бармесидовъ Великій Визирь Жіаффаръ предлагалъ ему руку своей дочери Абассы, равнявшейся красою съ Принцессою Ильдингспоною, дочерью Калифа Гаруна Алрашида и прекрасной Зобеиды; однако Османъ женился на юной и крош-

кой Зулемъ, которая хопя и уступала гордой Абассъ въ прелестяхъ, знатности рода и богатствъ, но несравненно превосходила ее качествами ума и сердца. Никогда Османъ не раскаявался въ своемъ выборѣ, потому что нашелъ въ женѣ не любовницу только, но и друга. Послѣ важныхъ Государственныхъ замышлей находилъ онъ самое пріятное отдохновеніе въ нѣдрѣ своего сѣмйства. Османъ самъ воспитывалъ своихъ сыновей, самъ образовалъ ихъ умъ и сердце, и болѣе всего запрещалъ имъ быть въ праздности. Твердо помнилъ онъ ученіе Ибрагима; *трудился во всю свою жизнь, дѣлалъ добро и былъ счастливъ.*

„Сколько однако есть людей — скажешь ктонибудь здѣсь — которые трудятся и дѣлають добро, но жалуясь на свой жребій! Бѣдность, болѣзни, потеря ближнихъ и друзей, прищесненія, обиды и многія другія причины не заславляють ли часто страдашь насъ? — Это справедливо, и самъ Османъ не рѣдко спрадалъ. Не возможно описать печали, какую чувствовалъ онъ, лишившись навсегда Ибрагима. Всѣ отъ чистаго сердца оплакивали кончину сего мудраго и добродѣтельнаго старца; но ничье сожалѣніе, ничья горечь не могли сравняться съ болѣзненными чувствованіями Османа. Ибрагимъ сдѣлалъ еге сво-

имъ наследникомъ, или лучше скажемъ, приемникомъ своихъ благошвореній, и Османъ почиталъ, какъ бы родственниками себѣ ихъ несчастныхъ, кои доспались ему послѣ его наставника. Смерть Ибрагима, а также и Калифа Гаруна Алрашида, кошорый вскорѣ за нимъ послѣдовалъ, были для Османа самыми пягоспнѣйшими ударами судьбы; но и кромѣ сихъ случаевъ нерѣдко онъ проливалъ слезы горести и проводилъ безпокойно цѣлыя ночи; сердце его обливалось кровію, когда онъ не могъ облегчить участи несчастныхъ: ибо иногда никакія земныя сокровища, никакое человѣческое могущество не въ состояніи ушѣшить бѣдныхъ смертныхъ; однако же несмотря на таковыя огорченія, Османъ былъ щасливъ, прямо былъ щасливъ.

Что такое на землѣ щастіе? Въ чемъ оно состоитъ? Мудрый Ибрагимъ полагалъ его въ спокойной совѣсти. *Тотъ только щастливъ, говаривалъ онъ своимъ ученикамъ: кто имѣетъ тихую совѣсть; а кто трудится и дѣлаетъ важности добро, у того совѣсть вѣста.* И такъ кто же былъ щасливѣе Османа?

Османъ умеръ на восьмдесятъ шестомъ году отъ рожденія. Смерть его произвела всеобщій плачь въ Дамаскѣ. Казалось, что весь народъ соспавлялъ одно семей-

спешо оплакивающее нѣжно любимаго отца; и въ ~~своёмъ~~ дѣлѣ Османъ былъ примѣрнымъ опшемъ для гражданъ Дамасскихъ. Они ~~своими~~ дали ему великолѣпную пирамиду, въ которой погребли его пѣло, и на сей пирамидѣ изобразили злѣшыми буквами слѣдующую надпись, сочиненную самимъ Османомъ за день до его кончины.

„Здѣсь погребень Османъ, Король Дамасскій, копорый жилъ 82 года и былъ щастливъ цѣлыя 60 лѣтъ. Щастіемъ своимъ обязанъ онъ Ибрагиму, мудрецу Багдадскому. — Хочешь ли и ты, чипающій сии строки, бышь щастливымъ? Послѣдуй ученію Ибрагима и примѣру Османа: *трудись, дѣлай добро и будешь щастливъ.*“

И.

III. КТО БЫ ЭТО ПРЕДВИДѢЛЬ?

(*Истинное прсисшествіе* *)

Молодой, осмнадцашилѣтній Р. юноша благороднаго, хошя и не знашнаго происхожденія, колюбиль дѣвицу О. дочь богашаго, извѣснаго челоуѣка. Оспавляю на волю чашашелей, изъ коихъ большая часть люди опышные, вообразить себѣ мѣсто и случай первой ихъ встрѣчи; — для меня все равно, гдѣ бы и какъ бы шо ни было: въ церквѣ или на балѣ, въ театрѣ или на гуляньѣ; знаю только, что томные взоры молодаго Р. не напрасно устремлялись на прекрасную, не напрасно лепѣли къ ней томные его вздохи. Она сначала плакала о печальномъ, потомъ полюбила его, а любивши въ первый разъ, потомъ была шесшнадцашилѣтняя (по старому правилу), довольно томно предаеь новому своему чув-

Можно ли въ подобныхъ обстоя-
тельстввахъ обойтись безъ переписокъ,
безъ свиданій! Споить только под-
купить горничную. Она подкуплена:
началась переписка, начались свиданія;
а какъ это, разумѣется, дѣлалось пай-
но, съ большимъ трудомъ и страхомъ,
но взаимная любовь ихъ пѣмъ болѣе
усиливалась, воспламенялась. О если
бы вы, нѣжные любовники и спра-
шныя любовницы, не встрѣчали ни-
какихъ препятствій вашимъ, впрочемъ
невиннымъ желаніямъ, увидѣться, по-
говорить, поцѣловаться; если бы на
всѣмъ исключили изъ общества ва-
шего могущественную волшебницу Тай-
ну, коюрой очарованія такъ пріятны,
но я увѣренъ, что гораздо бы менѣе
было между вами самоубійствъ и на-
хопокъ, заблужденій и раскаяній
самыхъ было бы менѣе!

Р. имѣлъ дядю, шогожь имъ чело-
вѣкъ двадцати пяти, виднаго и прек-
наго собою мужчину. Ему повѣрялъ
ленный свои чувства, рассказывалъ не-
сравненной О, объ успѣхахъ своихъ на-
деждахъ, и коша часно слышалъ благо-

разумный совѣтъ, не слишкомъ предаваться воспоргамъ, помнишь о бѣдности своей и незрѣлыхъ лѣтахъ; однакожь совсѣмъ тѣмъ возбудилъ въ немъ любопытство видѣть эту несравненную. Племянникъ скоро доставилъ къ шому случай, и дядя признался, что она есть любви достойная дѣвица, которая съ своей стороны нашла наружность дяди столь выгодною, что въ минушу заключила: „эпошь доброй человекъ вѣрно хорошо расположенъ ко мнѣ, и конечно будетъ намъ лучшимъ, самымъ усерднымъ помощникомъ.“ Съ сего времени какъ онъ, такъ и она начали съ большимъ удовольствіемъ слушать другъ о другѣ рассказы опкровеннаго Р.

Прошло еще нѣсколько недѣль въ перепискѣ и свиданіяхъ, пылкій любовникъ потерялъ все шеріѣне. „Я пойду къ опцу швому“ сказалъ онъ однажды своей любезной. — Поди; но тебѣ вѣрно опкажущъ — былъ печальный отвѣтъ ея.

„Вонъ!“ — закричалъ шарикъ О. едва бѣдный Р. заикнулся о женишбѣ — „мужемъ дочери моей долженъ бытъ

человѣкъ съ именемъ, съ соспояніемъ, и припомъ не шакой молокосось, какъ шы. “

Что оставалось несчастному? „Бѣжимъ! говорилъ онъ въ опчаяніи своей любезной; швой жеспокой опецъ никогда не согласишся на наше благополучіе.“ — Можно вообразишь себѣ, какъ поразили слова сію юную, благовоспитанную, хошя уже и прочитавшую нѣскольکو романовъ дѣвицу. Долго не могла она рѣшишся на шакой крайній и въ глазахъ свѣша предосудительный поступокъ, Р. просиль, умоляль, плакаль, и она согласилась; но съ шѣмъ, что бы въ пригоповленной для побѣга карешѣ сидѣль съ нею не онъ, а его дядя; ему же положено ожидашь ихъ въ пяшидесяти верстахъ опъ города въ одной деревнѣ, гдѣ напередъ уже былъ приговорень священникъ. Такъ по крайней мѣрѣ шребовало ея цѣломудріе. За симъ по обыкновенію назначень день и часъ побѣга.

Медлѣнно время шекло для нешерпѣливаго юноши, слишкомъ скоро шло оно для прекрасной О. Наконецъ настала рѣши-

пельная минуша. Уже на городской башнѣ пробило 12 часовъ ночи; красавица вздрогнула, но сердце ея забилося еще сильнѣе, когда послышался уворощь легкой шумъ карешы. Въ домѣ всѣ спали. Робко и едва переводя дыханіе, сошла она по лѣспницѣ; нерѣшительно и оспанавливаясь проходила дворъ, почти раскаиваясь сѣла въ карешу. Когда же человекъ захопнулъ за нею дверцы, когда колеса заспучали по мостовой, тогда она, рыдая, упала на плечо дяди, кошорой по условію сидѣлъ съ нею.

Чишашель конечно не забылъ, что спаршему Господину Р. очень понравилась съ перваго взгляда любезная его племянника. Видаясь послѣ того съ нею часпо, онъ нечувспвишешельно самъ полюбиль ее; однакожь, какъ человекъ благородный, всячески спарался скрывать, подавляшь спрасшь свою, думаль увѣришь себя, что источникомъ эпой привязанности еспь конечно шолько дружба его къ племяннику. Но когда прелеспная въ шемную, осеннюю ночь, въ карецѣ, склонилась на грудь

его, когда слышала онъ такъ близко ея вздохи, ощущала пренеть ея, дыханіе—твердость его поколебалась. „Такъ, сударыня, началъ онъ зачинаясь: вы отважились на многое. Племянникъ мой слишкомъ молодъ, слишкомъ небогашь, что бы быть супругомъ, отцемъ сѣмейства; пройдушь минулы очарованія и холодная существенность ужаснешь васъ. Къ тому же гнѣвъ родишельскій. Еслибъ я зналъ прежде о вашемъ предпріятіи, то, надѣюсь, основилъ бы оное; но мнѣ сказали только сего дня; ваша рѣшимость, просьбы племянника, опасность медлитель — я долженъ былъ сдержать данное слово, во всемъ помогать вамъ. Охотно бы даже теперь возвратилъ васъ въ домъ родишельскій. Но стукъ карены вѣрно разбудилъ Швейцара; вѣрно васъ хвашились — и слѣдовательно это уже бесполезно. Преступленіе сдѣлано, осталось одно средство по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько поправить его — дайше мнѣ вашу руку! сказалъ онъ смѣле; я люблю васъ, обожаю! — Мои для супружества болѣе приличныя лѣта, мой по-

рядочный чинъ, мое изрядное имѣніе, все сколько нибудь оправдаешь васъ въ глазахъ свѣта, укропишь гнѣвъ вашего башюшки. Чшожь касаешься до моего племянника, то время исцѣлишь его ошь безразсудной спрасни; онъ самъ скоро увидишь пропасшь, къ кошорой вель васъ. Рѣпайнешь! минушы дороги.“—Тутъ послѣдовали увѣренія и кляшвы, чшо онъ сдѣлаешь ее щасшливою, посвятивъ ей всѣ мгновенія жизни своей и проч. и проч. Смущенная, совершенно разспроенная дѣвушка не опвѣчала; но позволила вести себя къ первой вспрѣшавшейся церкви и обвѣнчашь.

На другой день супруги бросились къ ногамъ опца. Старикъ О. опскочилъ на нѣсколько шаговъ. „Какъ, вскричалъ онъ въ изумленіи: да вѣдь шы убѣжала съ своимъ молокососомъ! Эшо чшо за человекъ?“ — Ему объяснили все дѣло; однакожь онъ прогналъ ихъ и проспиль не скоро.

А бѣдный племянникъ? Онъ и теперь еще дожидается своей невѣсшы. Время, разлука, разсѣянiе, новая любовь, кошорую молодость вспрѣчаешь

почти повсюду, вѣроятно истребили изъ его сердца прежнія чувства.

Странный случай! Можно бы подумать, что тушь была умысль со стороны дяди; однакожь преданіе не говоритъ о томъ ни слова.

IV ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЖИЛБЛАЗА *).

Г Л А В А 2.

Чего испугался Жилблазъ на Пеннафлорской дорогѣ; что дѣлалъ, прїѣхавши въ Пеннафлоръ; и съ какими теловѣками ужиналъ.

И такъ очутился я на Пеннафлорской дорогѣ, посреди чистаго поля, господиномъ самаго себя, худаго мула и сорока добрыхъ червонцевъ, не включая въ то число мѣлкихъ денегъ, копорыя украсть у любезнаго дядюшки. Пустивъ мула идти, какъ ему угодно (а ему всегда угодно было идти самымъ шикимъ шагомъ), и положивъ узду къ нему на шею, вынулъ я изъ кармана червонцы, и принялся ихъ счислять да пересчитывать. Не лзя изобразишь моей радости: имѣя въ первый разъ ось роду сполько денегъ, безпрестанно я на нихъ смошрѣлъ и любовался. Я считалъ ихъ, можешь бышь, уже въ

*) Переводъ покойнаго П. А. Никольскаго.

двадцатый разъ, какъ вдругъ мулъ, поднявши голову и уши, остановился посреди дороги: Я понялъ, что онъ чего-то испугался—осматриваюсь—вижу на землѣ опрокинутую шляпу, на кошорой лежали чешки, и въ то же время слышу голосъ: „ахъ, сударь! сжалъсь ради Бога надъ бѣднымъ изувѣченнымъ солдапомъ: бросьте, въ шляпу скольконибудь денегъ! Богъ васъ за шо наградишь!“... Оборотясь въ ту сторону, откуда слышенъ былъ голосъ, увидѣлъ я въ кустарникѣ, шагахъ въ двадцати отъ меня, солдата, кошорый, положивъ предлинное свое ружье на палки, воткнушыя крестообразно въ землю, въ меня мѣшилъ. При этомъ видѣ пронялъ меня холодный потъ, однакожь я имѣлъ сколько духу, чтобы спрятать червонцы въ карманъ и вынуть вмѣсто ихъ нѣсколько реаловъ. Приблизясь къ шл япѣ, кошорая собирала милосшыню съ испуганныхъ хрисшянъ, началъ я бросать въ нее реалы одинъ за другимъ, чтобы показашъ солдапу мою щедрость. Онъ былъ ею доволенъ, и надавалъ мнѣ сколько же благословеній, сколько

разъ я билъ каблуками мула, чшобъ скорѣе опъ него убраться; но проклятая скошина, не смотря на мою нетерпѣливосшь, шла очень шихо: она всегда возила дядю моего шагомъ, и совсѣмъ опшвыкла опъ галопу.

Изъ эшаго случая заключиль я, что въ пупешесшвіи моемъ будешъ добра не много. Опъ Саламанки было еще далеко, а со мною на дорогѣ могло случисья чшо нибудь и хуже. Дядя казался мнѣ очень безразсуднымъ, что не нанялъ для меня извощика. Правду сказашъ, ему бы и должно было эшо сдѣлать, но онъ воображалъ, что когда даспъ мнѣ своего лошака, то пупешесшвіе мое будешъ стоить не такъ дорого, а объ эшомъ онъ забошлся больше, нежели объ опасносшяхъ, которыя могли встрѣпшься со мною на дорогѣ. И такъ я рѣшился поправиль его ошибку, и по прївздѣ въ Пеннафлоръ шопчасъ продать мула, а општуда уже наняпъ извощика до Асторги и Саламанки.

Хопя я никогда не выѣзжалъ изъ Овїеда, однако зналъ имена городовъ,

чрезъ копорые долженъ былъ ѣхать: я освѣдомился о помѣ передъ опъѣздомъ.

Въ Пеннафлорѣ остановился я у воротъ одного поселяго двора, и едва успѣлъ сойти съ мула, какъ подбѣжалъ ко мнѣ хозяинъ, и обошелся очень учтиво: самъ опвязалъ мой чемоданъ, и взваливъ его къ себѣ на плечи, просилъ меня войти въ комнашу. Между пѣмъ одинъ изъ его работниковъ повелъ моего мула въ конюшню. — Хозяинъ, величайшій болшунъ во всей Астуріи, всегда готовый разсказывать о собствнныхъ своихъ дѣлахъ и любопытный до чужихъ, сказалъ мнѣ, что его зовутъ Андреемъ Коркуелло; что долго служилъ въ Королевской арміи сержантомъ, и что вышелъ въ опсшавку назадъ тому годъ и при мѣсяца, чтобы жениться на одной дѣвушкѣ изъ Каспропола, копорая хопя и смугла, однакожь заманиваетъ въ его домъ довольно молодѣжи. Послѣ того нассказалъ еще множество вещей, безъ копорыхъ бы я очень могъ обойтись. Сдѣлавъ мнѣ такую довѣренность, Господинъ Коркуелло вздумалъ, что и онъ въ правѣ

спросишь у меня, кто я, куда ъду, откуда, и проч. При всякомъ вопросѣ дѣлалъ онъ по низкому поклону, и просилъ, чтобы я извинилъ его любопытство, съ такою учтивостью, съ такимъ почтительнымъ видомъ, что я не могъ ничего о себѣ умолчать. Это завело меня съ нимъ въ большой разговоръ, и подало случай сказать, что мнѣ хочется продать моего мула, и по какой причинѣ. Похваливъ мое намѣреніе, пустился онъ самымъ пространнымъ образомъ говорить о всѣхъ непріятностяхъ, копорья могутъ встрѣтиться на дорогѣ, и рассказалъ мнѣ о многихъ несчастныхъ случаяхъ, бывшихъ съ путешественниками. Мнѣ казалось, что онъ никогда не кончитъ. Однакожь кончилъ, сказавши, что если ли хочу продать мула, то приведишь ко мнѣ одного знакомаго барышника, копорый его безъ сомнѣнія купишь. Я поблагодарилъ, и онъ поспѣшь побѣжалъ искать его.

Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился вмѣстѣ съ своимъ знакомцемъ, и всячески выхвалялъ его чест-

ность. Мы вышли всё шрое на дворъ, куда вывели и мула. Его водили передь нами, а барышникъ осмашриваль его съ головы до ногъ. Тотчасъ началъ онъ находишь въ немъ недоспашки. Признаюсь, что объ немъ нельзя было сказать много добраго, но еспьлибъ на мѣспѣ его былъ и Папской осель, то его бы также расхулили. Барышникъ говорилъ, что въ скопинѣ моей были всё возможные пороки, и, чтобъ лучше меня увѣришь, ссылался на шракширщика, который, безъ сомнѣнiя, имѣлъ свои причины съ нимъ соглашашься. — „А что вы хопише за эшу негодную скошину?“ — спросилъ онъ наконецъ съ холоднымъ видомъ. Послѣ похвалы, копорую онъ сдѣлаль мулу, и послѣ свидѣтельспива Господина Коркуелло, который казался мнѣ человекъ честнымъ и знашокомъ, я гошовъ былъ опдашь его за безцѣнокъ, и пошому сказалъ купцу, что полагаюсь на его совѣспъ, и соглашаюсь взяшь то, все что онъ его оцѣнишь. Онъ опвѣчаль, что говоря о совѣспи, я шронулъ его слабую сторону. И дѣйстви-

пельно она была довольно слаба: вмѣстѣ со мною, чтобы одѣнить мула, какъ мой дядя, въ двѣнадцать пистолей, онъ не посмѣдился предложить мнѣ только три червонца, кошорые однакожь я взялъ съ такою радостью, какъ будто бы получилъ большой барышъ.

Продавши мула, пошелъ я съ практирщикомъ къ одному извощику, кошорый хохлѣлъ на другой день ѣхать въ Ашпоргу. Онъ сказалъ мнѣ, что отпра- вляется передъ разсвѣтомъ, и обѣщался разбудить меня. Я условился въ лѣнѣ, и попомъ пошелъ вмѣстѣ съ Господиномъ Коркуелло на посшоялый дворъ. Дорогою спалъ онъ рассказы- вать мнѣ исторію эшаго извощика, и что объ немъ говорящъ въ городѣ. Онъ надобѣлъ бы мнѣ снова своимъ болшань- емъ, еспьлибъ, по щасшю моему, не встрѣшилъ съ нимъ какой-то чело- вѣкъ хорошаго виду, кошорый, подо- шедши къ нему, началъ разговариванъ очень учшиво. Я осшавилъ ихъ вмѣстѣ, и продолжалъ свою дорогу, ни мало не подозрѣвая, что предметомъ ихъ раз- говора былъ я.

Пришедши на постоялый дворъ, я велѣлъ подать себѣ ужинъ. День былъ поспной. Мнѣ спали дѣлать яишницу. Между шѣмъ я завелъ разговоръ съ хозяйкою, копорой прежде не видѣлъ. Она была не дурна собою и обходилась очень ласково. Я могъ догадаться (еслибы мужъ ея эшаго и не сказывалъ), что у нее въ домѣ безъ гостей не бываешъ. Когда пригошвили яишницу, я сѣлъ одинъ за споль, и не успѣлъ сѣсть перваго куска, какъ вошелъ хозяинъ вмѣстѣ съ шѣмъ человекомъ, копорый остановилъ его на улицѣ. Онъ былъ лѣтъ тридцати и имѣлъ предлинную шнагу. Подбѣжавши ко мнѣ, вскричалъ онъ: „ахъ, Милосливый Государь! я узналъ, что вы Господинъ Жилблазъ де Санпиллана, украшеніе города Овiedo и свѣпильникъ Философіи! Возможно ли! вы шопъ ученѣйшій и остроумнѣйшій человекъ, копорого всѣ здѣсь шакъ хваляшъ! Вы не знаете—продолжалъ онъ оборотясь къ хозяину и хозяйкѣ—вы не знаете, какое сокровище имѣете у себя въ домѣ: эшопъ молодой дворянинъ осьмое чудо свѣша!“ Попомъ,

кинувшись обнимаешь меня: „извинише мое восхищеніе! прибавилъ онъ; — ошь радости, что васъ вижу, я не въ силахъ владѣть собою!“

Не скоро могъ я опвѣчать ему: онъ жаль меня шакъ сильно, что я едва переводилъ духъ. Когдажь онъ освободилъ меня ошь своихъ обьяшій, то я сказалъ ему: „не думаль, сударь, что имя мое извѣспно въ Пеннафлорѣ.“ — Какъ не бышь извѣспнымъ! вскричалъ онъ: мы ведемъ рееспрь всѣмъ славнымъ людямъ, кошорые живушь на двадцашъ миль вокругъ нашего города. Васъ считающъ чудомъ, и я увѣренъ, что со временемъ Испанія будешъ гордишься Жилблазомъ сполько же, какъ Греція семью мудрецами.—Сказавши эшо, опяшь бросаешся ко мнѣ на шею съ шакимъ жаромъ, что я на силу избѣжалъ судьбы Аншеевой. Еспълибъ во мнѣ было сколько нибудь опышности, то онъ не обмануль бы меня своими чрезмѣрными похвалами; я шопчасъ примѣшилъ бы по низкой леспи его, что принадлежишь онъ къ числу шѣхъ обѣдалъ, кошорые находяшся во всѣхъ городахъ, и

копорые узнавъ, что пріѣхалъ иноспра-
нець, сшараюшся подбихся къ нему,
чтобъ на его счетъ поѣспъ и поѣпшъ. Но
молодоспъ и самолюбіе заспавляли ме-
ня судиспъ иначе. Новый мой знакомецъ
показался мнѣ самымъ честнымъ чело-
вѣкомъ, и я пригласилъ его опужинашъ
вмѣспѣ со мною. — „Съ величайшимъ
удовольспвіемъ! вскричалъ онъ: я желаю
видѣшъ какъ можно долѣ славнаго
Жилблаза де Саншиллану. Мнѣ ѣспш не
хочешся, продолжалъ онъ, но я сяду за
споль, чтобъ съ вами побесѣдовашъ, и
сѣшмъ чего нибудъ шолько изъ угожде-
нія къ вамъ.“

Говоря такимъ образомъ, садитсѣ
онъ напрошивъ меня. Когда принесли
ему приборъ, шо онъ бросилсѣ на яи-
шницу съ шаккою жадносшью, какъ буд-
шо дни шри не ѣль. Увидѣя, какъ при-
нялсѣ онъ угождашъ мнѣ, я рассудилъ,
что яишницы скоро не спанешъ, и
заказалъ другую. Ее пригошовили шакъ
скоро, что посшавили на споль еще
шогда, какъ мы, или лучше сказашъ,
какъ онъ первую оканчивалъ. Онъ по-
спушилъ и съ эшою шочно шакже, и

между шѣмъ говорилъ мнѣ похвалу за похвалою: что очень льстило моему самолюбію. Пилъ онъ также часто: по за мое здоровье, по за здоровье моего опца и мапери, копорыхъ называль очень щасливыми, что имѣюшъ шакго сына. Иногда наливаль онъ и мнѣ вина, уирашивая, чтобы я пилъ вмѣстѣ съ нимъ; я не опказывался; наконецъ вино и похвалы моего новаго пріяшеля шакъ меня развеселили, что, видя нашу яишницу при концѣ, я спросилъ у хозяина, нѣшъ ли у него рыбы? Господинъ Коркуелло, копорой по видимому сговорился съ обѣдалою, опвѣчаль: ешь у меня форель — и форель славная — да она не дешева: для васъ такой кусокъ будешь слишкомъ жирень. — „Жирень?.. подхвапиль мой льсонецъ: вошь хорошо! въ умѣли шы?.. Знай, дружокъ, что Господинъ Жилблазь де Санциллана споишь, чтобы его угощали какъ Принца.“

Мнѣ пріяшно было, что онъ придрался къ словамъ хозяина; я самъ хотѣлъ было это сдѣлать. Почипая себя обиженнымъ; сказала я гордо Коркуел-

лу: „ прошу подать вашу форель, а о прочемъ не забоишься.“ Хозяинъ, которъй только того и ждалъ, велѣлъ пригоспозить форель, и пошчасъ поспавиль ее на споль. При появленіи новаго кушанья, радость заблнспала въ глазахъ моего объѣдалы, и онъ оняшь началъ угождашь мнѣ, шо еспь, началъ ушнрашь рыбу за обѣ щеки; но напо слѣдокъ принужденъ былъ переспашъ, пошому чшо ужь болѣе въ него не лѣз- ло. Напнвшнсь и наѣвшнсь до сыпа, онъ вздумалъ кончншь комедію. „Гос- сподннь Жнлблзъ, сказаль онъ вспавая изъ за спола, вы меня шакъ хорошо угоспнли, чшо я былъ бы неблагода- рень, еспьлнбъ оспавнль васъ, не дав- шн добраго совѣша, въ копоромъ, ка- жешся, вы имѣете нудду. Бойшесь по- хваль, и не вѣрьте шому, кого вы не знаете. Вы можете вспрѣшншь мно- гнхъ, копорые захошяшь, шакже какъ и я, повеселншься на счешъ вашего легковѣрня, и даже полуншь ошъ васъ больше, нежели я. Не давайте себя дура- чншь, и не вѣрьте, когда вамъ скажущъ, чшо вы осьмое чудо свѣша.“ Сказавшн, захошпалъ и ушелъ.

Этотъ обманъ былъ мнѣ также чувствительнѣе, какъ и самыя величайшія несчастія, которыя послѣ того со мною случались. Я не могъ упрекнуть себя, что далъ обмануть себя такъ грубо, или лучше сказать, самолюбіе мое жестоко спрдало. Какъ! думалъ я: этотъ плутъ насмѣхался надо мною? Онъ подходилъ къ хозяину только за шѣмъ, чшобъ выпросить обо мнѣ, и они оба условились обмануть меня! Ахъ, бѣдной Жилблзъ! какъ показаться тебѣ на свѣтъ послѣ того, что ты самъ подалъ причину этимъ мошенникамъ надъ тобою смѣяться? Они пожалуй разкажутъ всѣмъ эту исторію; она дойдетъ въ Овiedo и принесетъ тебѣ большую честь. Что будешь дѣлать отецъ и мать, когда узнаютъ, что давали столько наставленій дураку? Ахъ, вмѣсто совѣта, чшобъ я никого не обманывалъ, они бы должны были мнѣ швердить, чшобъ я самъ въ обманъ не давался. — Въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ и въ великой досадѣ заперся я въ своей комнатѣ и легъ въ постель, но никакъ не могъ заснуть. Я

не смыкалъ еще глазъ, какъ пришелъ извозчикъ и сказалъ, что все гошово къ опѣзду. Я пошчасъ вспалъ, и между шѣмъ какъ одѣвался, пришелъ Коркуелло со счетомъ, въ кошоромъ форель не была забыта. Мнѣ должно было заплапиль все по его шребованію, и къ величайшей досадѣ видѣшь еще, что бездѣльникъ помнилъ вчерашнее происшествіе. Заплапивиши очень дорого за ужинъ, кошорый былъ шакъ не здоровъ для моего самолюбія, пошелъ я съ моимъ чемоданомъ къ извозчику, и дорогою проклиналъ и обѣдалу и шракширщика и весь шракширъ его.

~~~~~

ОСАДА КРѢПОСТИ БОГИНИ ЛЮБВИ.

*(Историческій отрывокъ Профессора
Фишгабера)*

Во время правленія Венеціанскаго Герцога Пьетро Ціани (въ 1216 году) случилось слѣдующее происшествіе, которое можетъ дать достапочное понятіе о пышности и вкусѣ, царствовавшихъ тогда въ богатѣйшихъ городахъ Италіи, и пошому заслуживаетъ бытъ сохранено для потомства.

Самымъ цвѣтущимъ въ то время изъ Италіанскихъ городовъ почитался Тревизо. Торговля и дѣятельный духъ промышленности вознесли жишелей онаго на высочайшую степень благосостоянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ произвели въ нихъ и пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, неразлучнымъ почти никогда съ изобиліемъ и богатствомъ. Въ этомъ городѣ давали блистательные праздники при всякомъ открывавшемся къ тому случаѣ, и всѣ окружные жишели спекались въ оный

принимать участіе въ увеселеніяхъ. Венеціане, могущественные сосѣди Тревизо, вели въ то время безпрестанныя войны. Тогда ушонченный вкусъ жипелей сего послѣдняго города избрѣлъ новое, никогда невиданное, прелестное зрѣлище — въ прошивоположность прагическимъ сценамъ кроваваднаго Бога войны. Они возвѣспили празднество, на кошоромъ должна была предспавляться *осада крѣпости богини любви*.

Посреди города воздвигнушь былъ великолѣпный замокъ: богатство, искусство и вкусъ испожили здѣсь всѣ свои очарованія. Благороднѣйшія и прелестнѣйшія дѣвицы города, украшенныя золопыми коронами вмѣсто шлемовъ и драгоцѣнными уборами вмѣсто панцырей, должны были защищать дворець, а знашнѣйшіе и прекраснѣйшіе юноши брашь присшуномъ крѣпосшь.

Въ назначенный день явилось изъ всѣхъ окружныхъ городовъ, особенно изъ Венеціи и Падуи, безчисленное множесшво юныхъ рыцарей, гошовыхъ

принять участіе въ увеселеніи. Они были раздѣлены на различныя толпы и разставлены вокругъ дворца.

На стѣнахъ осаждаемой крѣпости явились прелестныя Героини, копорыя своею молодостию, красошою и убранствомъ побуждали къ побѣдѣ гошовыхъ на приступъ юношей. Онѣ держали въ рукахъ легкіе изъ цвѣшовъ и перловъ сплешенные щиты, а вмѣсто колчановъ и стрѣль имѣли за плечами искусно сдѣланныя корзинки, наполненныя ацельсинами. Розы, лилеи, жасмины, всѣ роды цвѣшовъ и благовоинныхъ эссенцій, были единственныя оружія, дозволенныя въ семь сраженіи. Юноши были богато одѣшы и снабжены такими же оружіями. Флейшы и другіе нѣжныя инструменшы засшупали мѣсто трубъ. Наконецъ прелестнѣйшя музыка дала знакъ къ сраженію. Толпы двинулись, штысячи цвѣшовъ зашъмили свѣшъ. Казалось, Флора разсышала въ одинъ разъ всѣ свои дары, копорые разноцвѣшными радугами разсѣкали воздухъ, и звуки радости раздавались со всѣхъ сторонъ.

Упоенные веселіемъ рыцари приближались къ замку и предъ всѣми стремились пріобыкшія къ битвамъ толпы Венеціанскихъ юношей; уже они были у вратъ крѣпости Амазонокъ и готовились разломать ихъ—какъ вдругъ пробудилась древняя ненависть Падуанцевъ, дивившихъ въ сердцахъ своихъ непримиримую зависть къ Падуанцамъ за ихъ величіе. Съ бѣшенствомъ бросились они на предводителя Венеціанскаго отряда, кошорый несъ хоругвь, украшенную образомъ Св. Марка, вырвали оную изъ рукъ его и попирали ногами.

Въ одно мгновеніе сцена перемѣнилась. Юноши бросились къ мечамъ, и конечно бы зрѣлище окончилось кровопролитіемъ, если бы судіи битвы не прекратили въ ту же минуту увеселеній и не повелѣли обѣимъ враждующимъ сторонамъ немедленно удалиться.

Всѣ разошлись жестоко раздраженные другъ противъ друга. Но Падуанцы, бывшіе возмущенными веселія, старались сложить вину свою на Венеціанъ, и шѣмъ легче успѣли возбу-

дишь непріязнь и въ сердцахъ Тревизанъ, что тогдашній блескъ и слава Венеціи были предметомъ всеобщей зависти.

Внезапно вшорглись они въ предѣлы Венеціанскіе, грабли и раззоряли повсюду, и усипремилась противъ Кастель - делль - Бебе. Но повелѣвавшій онымъ храбрый Марко Кокано, прошибилъ ихъ до пѣхъ поръ, пока не подоспѣло Венеціанское войско. Сіе послѣднее, пришедъ на мѣсто, вступило съ Падуанцами въ сраженіе, въ кошоромъ побѣда увѣнчала справедливое дѣло самыми блиспашельными усилѣхами. Венеціане опниали у своихъ непріятелей всѣ знамена и взяли 500 плѣнныхъ. По полученіи извѣстія о семъ низложеніи, Тревизане удалились поспѣшно домой, а Падуанцамъ не оспалось ничего болѣе, какъ просить мира, кошорый они чрезъ посредство Пашріарха Аквилейскаго и получили.

Однако Сенатъ попребовалъ выдачи 25 безразсудныхъ юношей, кошорые въ день празднества Тревизанъ оскорбили честь народа Венеціанскаго. Падуанцы принуждены были съ покорносшію ис-

полнишь таковое требованіе и послали юношей.

Дождь приказалъ заключить ихъ въ пемницы. Успрашивъ ихъ такимъ образомъ, въ скоромъ времени опустилъ обратно, и показалъ врагамъ своимъ, что Венеція умѣетъ побѣждать, но съ тѣмъ вмѣстѣ пользоваться съ умѣренностію своею побѣдою.

Вѣна. 1818.

Д. Ки.

VI. РАЗБОРЪ ВАСНИ И. И. ДМИТРИЕВА:

КОТЪ, ЛАСТОЧКА И КРОЛИКЪ

Случилось Кролику отъ дома оплучиться 1).

Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться

На тѣминѣ, вспрыснутомъ росой 2).

Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,

Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ
полѣ,

Приходишь Кролигекъ домой 3),

И что же?—чушь его не подкосились ноги!—

Онъ видитъ: Ласточка распавливаетъ
шамъ

Своихъ Пенатовъ по угламъ 4)!—

Во снѣ ли я, иль нѣшъ? *странноприилны*
Боги 5)!

Изенанникъ возопилъ

Изъ оттескаго дома 6).

„Что надобно?“ вопросъ хозяйки новой
быль 7). —

Чтобъ ты, сударыня, безъ грома

Скорѣй опсюда вонь! ей Кроликъ опвѣчалъ:

Пока я всѣхъ мышей на помощь не при-
звалъ. —

„Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: *вотъ пре-*
красно!

Да что за право самовласпно?

Кшо даль шебъ его? и спойтъ ли войнѣ

*Нора, въ копорую и самъ ползкомъ ты
входишь?*

*Но пусть и царство будь, не всѣль мы
здѣсь равны?*

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,

Чю Богъ создавши свѣтъ, его размежевалъ?

Богъ создалъ Ласпочку, тебя и Дролидера 8);

А землемѣра

Опнюдь не создавалъ.

Кпожь болѣ права далъ на эту десятину

Пепрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну

Филаша, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?

*Пустое, братъ! земля всѣмъ служишь на-
равнѣ;*

Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;

Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала.“

Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ

Обытай, давность — ихъ законамъ,

*Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ
родъ*

Безспорно эшимъ домомамъ,

Копорый Кроликомъ Софрономъ

Отказанъ, справленъ былъ за сына своего

Ивана Кролика; по смерти же его

Достался въ силу права

Тожъ сыну, именно мнѣ Кролику Петру 9);

Но если думаешь, что вру,

*Такъ отдадимъ себя на судъ мы Крысо-
дава. —*

*А эптошь Крысодавѣ, скажашъ безъ многихъ
словъ,*

Быль *постный, жирный* Кошъ, мужъ свящъ
изъ всѣхъ Кошовъ 10),

Пуспынникъ набожный средь свѣша,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракуль для совѣша.
„Съ охотой!“ Ласпочка сказала.—И потомъ
Пошли они къ Кошу. Приходящъ, бьющъ
челомъ,

И оба говорящъ: „*Полилуй!*“—*Разсудите!*... 11)—
Поближе, *дѣтцшки*, ихъ перервалъ судья:

Не слышу я,

Ощъ старосши спаль глухъ; поближе подой-
дите!—

Они подвинулись, и вновь *ему поклонѣ* 12),

А онѣ 13)

Вдругъ обѣ лапы врознь, *царапѣ* шого, *другова*,

И вмигъ ихъ примирилъ,

Не вымолвя ни слова

Задавиль 14).

✽

Не пожелъ иногда бываешь съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ

Не могушь примиришьса сами,

А прибѣгають къ Королямъ?

Примѣтанія:

1) Случилось Кролику ошъ дома оплучишься.

Начало очень просто. Таково и всегда
почши бываешь всшупленіе (*exorde*) у
искусныхъ писашелей. Парнасскій за-
конодатель сказалъ:

Que le début soit simple et n'ait rien d'affecté.
(Boileau.—L'Art Poétique.)

*) Иль лучше: онъ *пошелъ Аврорѣ поклониться*
На пьминѣ, *вспрыснутолѣ* росой.

Какой быспрой и щаспливой переходъ изъ проспаго слога въ возвышенный, спихопворный! Басня еспъ Поэма, а испинная Поезія не можешь бышь безъ *вымысловѣ* и *живописи*. Вошь самыя главныя и существенныя ея опличія опъ прозы. Прозаикъ сказалъ бы только: *Кроликѣ передѣ восхожденіемѣ солнца пошелѣ щипать траву*; но Поэшь приводишь Кролика ко двору *Авроры* и нѣсколькими чершами дѣлаешь прелестное изображение ушра.

На пьминѣ *вспрыснутолѣ* росой.

„Слово: *вспрыснутый* — здѣсь прекрасно! Можно бы сказать: *орошенный, омытый*; но Поэшь — Баснописецъ употребилъ выраженіе новое и совершенно приличное; однимъ словомъ, сіе выраженіе употреблено здѣсь шакъ кшашаши, что мнѣ кажешся, я вижу капельки росы, блестящія на пьминѣ.“ Такъ говоришь Гнѣ Н. М. (смотр. *Сынѣ Отечества* 1817, Но 15.) Соглашаюсь съ его

миѣніемъ, хопя это выраженіе и казалось мнѣ прежде нѣсколько изысканнымъ.

Persister dans sa faute, est horrible et funeste.

(Voltaire. — Tancred.)

3) Попрыгавъ, пощипавъ *муравки* свѣжей въ
полѣ,

Приходишь *Кроликѣ* домой.

Какъ прилично употреблены здѣсь уменьшительныя: *муравки* и особенно *Кроликѣ*. Поставыте вмѣсто сего послѣдняго слова *Кроликѣ*, и вся прелестъ исчезнетъ. Вошь что значишь удачный выборъ словъ!

4) Онъ видишь: Ласточка разспавливаешь
шамъ

Своихъ *Пенатовѣ* по угламъ.

Многимъ молодымъ нашимъ *словеснымъ* Кришикамъ, похожимъ на бывшихъ *Глукистовѣ* и *Питгинистовѣ*, не нравяшся здѣсь *Пенаты*.—, Какіе могутъ бышь *Пенаты* у *Ласточки*, говоряшь они. Хемницерь вѣрно не сдѣлалъ бы такой ошибки. “ — Если это ошибка, то она не столько принадлежишь Переводчику, сколько Сочинителю. Лафоншенъ въ

Баснѣ своей говоришь о Ласпочкѣ: Elle porta chez lui ses Pénates un jour. Однако ни Вашшэ, ни Лагарпъ, ни даже самый спрогий Шамфоръ не нашли нуть никакой ошибки. Живописныя должны говорить и дѣйствовать въ Баснѣ подобно людямъ. Чшо же приличнѣе дѣлашь Ласпочкѣ на новосельѣ, какъ не *разставливать своихъ Пенатовъ*? И почему позволяюшь намъ говоришь не шолько въ стихахъ, но и въ прозѣ, даже въ обыкновенномъ разговорѣ: *возвратился къ своимъ Пенатамъ, перенесъ своихъ Пенатовъ*, когда у насъ вовсе ихъ нѣтъ?

5) Во снѣль я, или нѣтъ, *страннопріимны Боги!*

„Первый вопль угнѣщенной невинности есть воззваніе къ Божеству. Поэшь чувствовалъ сіе; и Философія должна согласиться, чшо человекъ по существу своему шолько же богобоязливъ, сколько и разсудителенъ.“—*Гильонъ* въ примѣчаніяхъ своихъ къ Лафоншеновой Баснѣ: *Le Chat, la Belette et le petit Lapin.*

6) *Изгнанникъ* возопилъ
Изъ оттескаго дома.

Глаголь *возопилъ* поставленъ здѣсь не на мѣспѣ; слѣдующія слова: *изъ отческаго дома* относятся къ *изгнаннику*, а не къ *возопилъ*; и пошому надлежало бы сказать: *изгнанникъ изъ отческаго дома* возопилъ. Припомъ слово: *отескій*, кажешся, немного высоко для Басни.

7) „Что надобно?“ вопросъ хозяйки новой былъ.

Характеры Ласпочки и Кролика изображены какъ нельзя лучше. Первая завладѣвъ наглымъ образомъ чужимъ домомъ, по возвращеніи настоящаго хозяина, спрашиваетъ его хладнокровно: *что надобно?* и послѣ того, опасаясь справедливыхъ его угрозъ, говоришь ему: „стоишь ли *войны нора*, въ копорую и самъ *ползкомъ* ты входишь?“ — Послѣдній, по еспѣ Кроликъ, не смотря на сдѣланную ему чувствительную обиду, готовъ забыть ее, лишь бы только очистиши его домъ: отъ другаго чего *нибудь*, можешъ бышь, онъ охотно бы и опспунился; но домъ необходимо для него нуженъ, и пошому - по только грозить онъ призвать къ себѣ

на помощь непримиримыхъ Ласпочкиныхъ враговъ—мышей. Съ одной стороны наглость и хитросость; съ другой добродушіе и проспоша.—Разговоръ Ласпочки съ Кроликомъ исполненъ проспоши, живости и естесivenessности. *Сударыня!* — *Мнѣ выдти вонъ?* — *Вотъ прекрасно!* — *Пустое, братъ!* и проч.—Эшо говоряшъ не звѣри, а люди.

8) Богъ создалъ Ласпочку, себя и *Дромадера.*

Примѣшно, что *Дромадеръ* употребленъ здѣсь только для рифмы. Но по ли еще другіе для нея дѣлають! Въ стихахъ не сшоль искуснаго версификашора, какимъ по справедливости почишаешся у насъ И. И. Дмишрѣевъ, я не замѣшилъ бы никакой мѣлочи*).

*) „Для чего выискивашъ мѣлочи въ сочиненіяхъ Автора, заслужившаго справедливое уваженіе?“ спрашиваетъ Гнъ Н. М. въ Разсмошрѣніи спашьи моей о Проспошѣ и Естесivenessности въ Баснѣ. — Для того, отвѣчаю я, что погрѣшностямъ великихъ писателей (а безъ погрѣшностей не было еще ни одного, и вѣрно никогда не будешъ) подражають гораздо болѣе, нежели

9) *Тожь сынцѣ, именно мнѣ Кролику
Петру.*

Это самый лучший на нашемъ языкѣ примѣръ *Забавнаго* (le Plaisant, le Riant), кошорое состоишь большею частію въ томъ, когда Баснописецъ говоришь о живошныхъ шочно шакъ, какъ бы о людяхъ, то естъ: даешъ имъ названія, качества, дѣйствія, обычаи и принадлежности человѣческія. — *Петръ* Кроликъ говоришь здѣсь о своемъ дѣлѣ шочно шакъ, какъ бы шряпчій или повѣренный.

10) *Былъ постный, жирный Кошъ,
мужъ свящъ изъ всѣхъ Кошовъ.*

красошамъ. Впрочемъ я *выискиваю* не однѣ шолько погрѣшности въ славныхъ нашихъ Баснописцахъ; я *избясняю* шакже красошы ихъ и *вывожу* изъ оныхъ *правила*, чего другой, можешъ бышь, сдѣлашь не въ сосшояніи. Право это гораздо шруднѣе, нежели подчеркнущъ слова, поставишь нѣскольکو *вопросительныхъ* или *восклицательныхъ* знаковъ, или сказашь безъ всякихъ доказательствъ: *это свойственно, это не свойственно нашему языку.*

Таршюфъ изображень здѣсь какъ нельзя лучше двумя шолько словами.

11) И оба говоряшь: „*Помилуй!*“ —
Разсудите! . . . —

12) Они подвинулись, и *внсъ ему поклонѣ.*

Настоящіе просипели: оба говоряшь вдругъ и кланяюшся Судѣ.

13) *А онѣ*

Вдругъ обѣ лапы ерознь, *царапѣ* того, друга.

Одношопный спихъ: *а онѣ* употреблень здѣсь очень ксшати пошому, что крапкостію своею весьма живо изображаешъ скоростъ, съ копорюю Копь бросаешъ на Кролика и Ласпочку.—Слово: *царапѣ* покажешъ иному спрогому крипику шоль же низко, какъ и *анѣ*, какъ *бишь* и ш. п. Но я осмѣливаюсь спросить какими другими словами эши замѣнены *бишь* могушь, и почему *низки* они? Конечно смѣшно бы было *вспрѣшишь* шакія слова въ спихошвореніяхъ високаго рода, на при-

мѣрь: въ Одѣ, въ Трагедіи, въ Эпической Поэмѣ; но почему не употребляшь ихъ въ Комедіяхъ, Сказкахъ, и Басняхъ, кошорья бывающъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе подходящъ къ обыкновенному разговору *).

14) *Задавилъ.*

„Какъ это въ *любическихъ* стихахъ замѣшался одинъ, состоящій изъ чистаго *анапеста*? На что же и правила?“ восклицающъ *установщики кавыкъ и строгныхъ препинаній.*—*Нѣтъ* однако *правила безъ исключенія*, и *Геніи* могутъ иногда не слѣдовать правиламъ, пошому что они сдѣланы не для всѣхъ случаевъ, и пошому что изъ образцо-

---

*) Гнѣ *Н. М.* полагаешь, что я первый началъ употреблять въ стихахъ *чаштицу анѣ*. Это не справедливо: еще до меня сдѣлали такой же грѣхъ *Хелницерѣ* и *Крыловѣ*.

Спустилъ; *анѣ* видишь шупъ съ саньми во рву лежишь.
Хелницерѣ. — *Басня: Чужая Бѣда.*

Но лишь позаняли мѣсна;

Анѣ глядь, сидишь шупъ крыса безъ хвоста.

Крыловѣ. — *Басня: Совѣтъ Мышей.*

вихъ швореній Геніевъ извлекаюшся
обыкновенно правила, служащія допол-
неніемъ къ прежнимъ. По моему мнѣ-
нію, *анапестъ*, сія шяжелая спопа,
изображаешъ здѣсь весьма удачно то
усиліе, съ какимъ Кошъ давишь Ла-
спочку и Кролика.

И.

СМЪСЪ.

*Нѣкоторыя черты характера Вельможъ
ЕКАТЕРИНИНА вѣка *)*.

„Я не вѣрю той любви къ Отечеству, которая презираешь его льнописи или преданія!“ сказалъ знаменитый Историкъ нашъ Н.М. Карамзинъ. Я не вѣрю также съ моей стороны достоинству тѣхъ людей, которые съ презрѣніемъ или равнодушіемъ говорятъ о *прошедшемъ*, и восхищаются однимъ только *настоящимъ*! Если слушаешь сужденія сихъ *просвѣщенныхъ, строгихъ* судей, то откроешь, что Меншиковы, Долгоруковы, Румянцовы, Панины, Суворовы, Безбородки и прочіе мужи, коихъ пустая молва называетъ великими, были люди безъ всякихъ познаній, талантовъ и вовсе безъ *характера*. Хотя приговоры сіи не ужасны для славы знаменитыхъ Россіянь, но распространеніе таковой *моды* грозитъ упрямую многихъ изустныхъ преданій ихъ современниковъ, преданій важныхъ для будущихъ Историковъ.

---

*) Издаешь благодарить за доставленіе споль интересной статьи въ его журналъ, и убѣдительно просить всѣхъ упражняющихся и неупражняющихся въ Словесности сообщать ему извѣстія о благородныхъ дѣяніяхъ нашихъ соотечественниковъ — дѣяніяхъ, изъ коихъ многихъ, къ сожалѣнію, остаются въ забвеніи.

Чувствую ничтожество мое предъ сими лутезарными Геніями, и признаюсь, что никогда не престану восхищаться, слушая славныя дѣянія нашихъ предковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ оныхъ черпы, кои недавно удалось мнѣ слышать отъ одного почтеннѣйшаго и знаменишаго нашего Папріота.

1.

ЕКАТЕРИНА, окончивъ сославленіе одного важнаго проэкта (кажется о заводахъ), надъ которымъ шрудилась Она долгое время съ величайшею тайною; пріѣзжаетъ въ Сенатъ, и съ шоржествомъ приказываетъ читать о семъ Манифестъ. По окончаніи чтенія, старшій Сенаторъ встаетъ съ своего мѣста, и отъ лица всего Сената благодаритъ Монархиню за новый знакъ ея попеченія о благѣ Отечества. — „Садись, Р... нъ, садись! воскликнулъ *Петръ Ивановичъ Панинъ* патриотическимъ голосомъ Долгорукова: я себя не уполномочивалъ благодарить Государыню, да и другіе Сенаторы, если подумаютъ хорошенько, вѣрно будутъ со мною согласны.“ Послѣ сего подымается онъ съ кресель, обращается къ Императрицѣ, и въ сильныхъ, ясныхъ, разительныхъ доводахъ представляетъ Ей неудобства и вредъ сего новаго учрежденія. — Примѣшно было, что

ЕКАТЕРИНА, не смотря на удивительную власть управлять собою, поражена была неожиданностию прошиворѣчія; многіе изъ Сенаторовъ шрепешали за Панина. Но умъ Великой Монархини взялъ верхъ надъ уязвленнымъ самолюбіемъ; ЕКАТЕРИНА уважила благородный духъ Пашриоша, и съ обыкновенною благосклонностию сказала: „хорошо, Графъ Пешръ Ивановичъ, я подумаю и пересмотрю еще это дѣло, а шеперь займемся другими.“ По окончаніи присущствія, обратилась Она къ Панину съ сими словами: „если вы, Графъ Пешръ Ивановичъ, не дали никому сегодня слова обѣдашь, по прошу васъ ко Мнѣ.“ Послѣ сего посадила его съ Собою въ карету — и Манифестъ уничтоженъ.

Мнѣ кажется, что терпѣніе ПЕТРА Великаго отъ грубости *Писарева* и *Долгорукова*, судя по чрезвычайно пылкому и самовластному Его нраву, можетъ служить лучшимъ свидѣтельствомъ Его величія. Приведенная мною здѣсь черта не менѣе разительна; скажу даже — она преимущественнѣе, важнѣе, славнѣе для обоихъ: ЕКАТЕРИНЫ и Панина, судя по характеру шого вѣка.

2

Князь *Николай Васильевичъ Ретинъ*, былъ человекъ самой строгой добродѣтели.

Его упрекають въ надмѣнності; но полипическія обстоятельства въ послѣдней Государственной роли его въ Польшу, заставляли его быть шаковымъ; впрочемъ гордость его происходила отъ чужестраннаго соблазна его достоинствъ. Князь Николай Васильевичъ всегда горюхъ былъ ко всякому добродѣлу, и могъ похвалиться, что не сдѣлалъ въ жизнь свою никого несчастнымъ. (Великая, почтенная увѣренность Вельможи!)

По окончаніи Польской войны, Государыня пожаловала ему 50.000 рублей, и приказала получить деньги сіи отъ одного чиновника, которому вѣрена была казенная сумма. Сей послѣдній прѣзжаетъ къ Князю и признается, что деньги онъ проигралъ. Репинъ, помня строгое правило свое, не дѣлалъ никого несчастнымъ, даетъ приказаніе своему Адъютанту, покойному Кіевскому Губернатору *Пандкратьеву*, получить деньги отъ сего чиновника въ запечатанномъ ящикѣ, и въ благодарность за то требуетъ, что бы онъ содержалъ сіе въ тайнѣ. Уже по кончинѣ Князя, чиновникъ сей облегчилъ свое сердце, объявивъ пріятелямъ своимъ о столь разительномъ примѣрѣ великодушія Князя Николая Васильевича.

Пав. Свининъ,

(Продолженіе впродъ.)

Новости *).

Рилъ. Въ Monte Canino вырытъ недавно молодой Эскулапъ со всѣми его аштрибушами. Сей драгоценный памятникъ древности приписываютъ Греческимъ ваятелямъ *Калалидесу* и *Скопъ*.

Неаполь. Неаполишанскія вѣдомости объявляютъ о найденной въ развалинахъ Помпеи надписи въ честь Римскаго Царя Ромула. Недоспававшія въ оной слова дополнены извѣстнымъ Археологомъ *Романелли*. Здѣсь помѣщается она опъ слова до слова, а сдѣланныя въ ней Г. *Романелли* дополненія опмѣчены курсивомъ.

ROMULUS MARTIS
 FILIUS VRBEM ROMAM
 CONDIDIT ET REGNAVIT ANNOS
 p. m. quADRAGINTA ISQVE
 acrone DVCE HOSTIUM
 et rege CAENINENSIVM
 INTERFECTO SPOLIA OPIMA
 IOV. FERETRIO CONSECRAVIT

---

*) Сія новостп получены Издашелемъ въ послѣднихъ числахъ минувшаго мѣсяца Января, въ самое то время, когда первая книжка *Благонамѣреннаго* была уже оппечашана, и попому, къ сожалѣнню, не могли бытъ въ оной помѣщены. *Изд.*

RECEPVSQVE IN DEORUM
 NUMERUM QVIRINI NOMINE
 APPELLATUS est romanis.

то есть :

„Ромуль, сынъ Марса, построилъ Римъ, царствовалъ сорокъ лѣтъ, умершилъ Царя Акрона, послѣ смерти своей былъ помѣщенъ въ число боговъ и прозванъ Квириномъ.“

Полагаюшъ, что сія мраморная надпись, найденная на площади нѣкогда спольщившей Римской колоніи, украшала подножіе Ромуловой статуи, и надѣются отыскашъ и самую статую. Имя *astone* взялъ Романелли изъ Плутарха; *p. m.* (*plus minus*) присовокупилъ онъ потому, что Плутархъ полагаетъ время царствованія Ромула въ 38, а Евсевій въ 39 лѣтъ. Впрочемъ очень невѣроятно, что бы сіи буквы: *p. m.* дѣйствительно находились въ надписи.

Сія надпись, по мнѣнію многихъ, должна быть весьма важна для древней Исторіи. „Но по чему?“ — спрашиваетъ одинъ Вѣнской журналистъ (Издатель *Модной Газеты*) — „Этаго ни изъ чего не видно: ибо не только не узнали мы изъ сей надписи ничего новаго, но и старое, что уже знали, не подтверждено вновь, а напротивъ сіе вновь найденное дополнено, по

необходимости, спарымъ. Гораздо было бы важнѣе, если бы ошѣискана была самая спашуя, или если бы надпись показывала время воздвиженія оной. Эшо могло бы имѣть важнѣйшее вліяніе на художества и словесность.

Парижъ. Къ новому году вышло здѣсь 17 различныхъ альманаковъ или календарей, изъ которыхъ Almanach des Muses заслуживаетъ первенство по своей древности: нынѣшній 1818 годъ есть 54 съ начала его изданія. За нимъ слѣдуютъ: Corbeille de fruits Карла Мало; Almanach dedié aux Dames; Hommage aux Demoiselles; les sons de ma lyre съ прекрасными картинками, въ золотомъ обрѣзѣ и въ хорошемъ переплетѣ; Almanach des Modes, необходимый для всѣхъ щеголихъ и щеголей, очень хорошо и приятно писанный, съ приложеніемъ списка всѣмъ шуалешнымъ арписшамъ; les Roses du Parnasse, прекрасной выборъ любовныхъ стихопвореній; les soirées de Momus, писанный весьма забавнымъ слогомъ; Almanach des Dames, la Guirlande des Dames; le Triomphe de Venus Uranie, наполненный приятными повѣстями и пѣснями; le Temple des Vertus et des Graces, въ которомъ находящся очень хорошія сочиненія Дюсиса, Делии, и проч.; Almanach des spectacles съ изображеніями славнѣйшихъ Акперовъ и

Акпрись, какъ по: Тальмы, Гаводонъ, и проч. ; l' Abeille des Dames, красное начертаніе Натуральной Исторіи съ рисунками; Echo des Bardes съ новѣйшими пѣснями Трубадуровъ; L' Astrologue parisien острога, саширическаго содержанія; Almanach de la Cour, de la ville et des départemens.

Въ Пасхѣ 1818 года выйдешъ изъ печати найденное въ бумагахъ покойной Гжи Сталь сочиненіе о Французской революціи, о кошоромъ уже шакъ много было говорено въ публичныхъ лиспахъ. Изданіемъ онаго занимаешся. извѣснѣйшій Г. Шлегель. Оно явишся вдругъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Гейдельбергѣ, на Французскомъ, Англинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Типуль Нѣмецкаго изданія слѣдующій: Betrachtungen ueber die fornehmsten Begebenheiten der französischen Rewolution von Frau von Stael. Uebersetzt von A. W. von Schlegel. In 3 Bänder, bey Mohr und Winter; Англинскаго: Considerations on the principal Events of the french Revolution. У книгопродавцовъ: Baldvin и Craddock.

Опера: *Маккавеи* была дана девятнадцатъ разъ сряду и представленіе оной шолько для того опложено до времени, что Prima donna чуешвуешъ себя слишкомъ испощенною опъ часпаго повшоренія своей роли.

Германія. Мода на духовъ , привидѣній, волшебниковъ и волшебницъ здѣсь нимало не прекращается. Всѣ новости, романы, трагедіи и комедіи наполнены ими. Что ни развернешь страницу, то или исполнившееся предсказаніе цыганки, или сонъ предвѣщающій будущее, или духъ въ какомъ нибудь человѣческомъ видѣ. Извѣстный Нѣмецкій Сочинитель *Баронъ дела Моттѣ Фуке*, доспойно уважаемый за многія его весьма хорошія шворенія, написалъ нынѣ также трагедію, подъ названіемъ: *Libesrache* или *Мищеніе любви* (Leipzig, bey Gebhard fleischer dem Jungern, 1817), въ которой происходятъ неслыханныя чудеса. Не лзя не пожалѣть о времени поперяномъ Сочинителемъ, шѣмъ болѣе, что сіе уродливое чадо его воображенія, споило ему, по собсшвенному его признанію, большихъ трудовъ.

Одинъ изъ лучшихъ подарковъ Нѣмецкой Литтературы къ новому году естъ: *Die Sangerfahrt*, календарь, издаваемый *Г. Ферстеромъ* въ Берлинѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ весьма хорошія піэсы многихъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей.

Двѣ новыя піэсы: *Фаустовѣ плащѣ*, сочиненіе *Адольфа Бейерле* и *Авраамъ*, передѣланная съ Французскаго, были представлены въ Вѣнѣ, первая на *Леополдшпадпскомъ* театрѣ пашнадцатъ, а вторая на шакъ назы-

ваемомъ Виденскомъ одиннадцать разъ сряду, и послѣ того еще весьма часто повсюряются, всегда при полномъ собраніи публики. Надобно однако сказать правду, что ни одна изъ сихъ піесъ не имѣеть ничего опличнаго, кромѣ превосходной игры актеровъ и прекрасныхъ декорацій.

Съ нѣкотораго времени въ Вѣнѣ въ большой модѣ игра, называемая: le casse-tête chinois (Китайская загадка), въ которой съ помощію семи или десяти правильныхъ геометрическихъ фигуръ составляется безчисленное множество равнымъ образомъ правильныхъ геометрическихъ фигуръ, или подобій разныхъ вещей, живописныхъ и проч. Къ новому году явились у здѣшнихъ кандидатовъ фигуры сіи пригоповленные изъ конфексъ, такъ что можно оными играть и лакомиться; слѣдовательно соединяеть полезное съ пріятнымъ. Одинъ здѣшній журналистъ замѣшилъ при семъ случаѣ.

Bâtir est beau, mais détruire est plus doux.

Кто не помнитъ прекрасныхъ стиховъ Г. Р. Державина на случай побѣды, одержанной надъ Бонапарте Княземъ Баргашіономъ:

О какъ великъ *На - поле - онъ!*

И хищръ и быспръ и швердъ во брани;

Но дрогнулъ, какъ просперъ лишь длани
Къ нему съ шпыкомъ *Бог-рати-онб* *).

Въ одномъ изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ журналовъ помѣщено слабое подражаніе онымъ на Богемскомъ языкѣ, написанное еще въ 1813 году. Вотъ оно:

*Na pole on Cysar chodiwal, a bil se, a wyhrat:
Przez rok wyhrati ne bude na pole on.*

Переводъ: „ Въ (на) поле вышелъ Императоръ, и сражался и побѣждалъ, но на слѣдующій годъ не будетъ болѣе побѣжденъ на - полѣ - онб.“

(продолженіе впрѣдъ.)

Вѣна, 1 Января 1818.

Д. Кн.

---

*) Въ то же самое время и на сей же самый случай написалъ кпо-по еще слѣдующіе чешыре стиха:

Дунуль въспрь бурный, рушишь препону,

Рвешь всѣ преграды на полѣ онб!

Руской поставилъ грудь въ оборону.—

Кшо сей могучій? — *Богъ рати онб.*

Послѣдній стихъ, кажешся, лучше, нежели у Гавриіла Романовича.

Примѣч. Изд.

ИМЕНА ОСОБЪ ПОДПИСАВШИХСЯ
НА ЖУРНАЛЬ: *БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ*.

(Продолженіе.)

У Издателя:

Въ С. П. бургѣ:

Ихъ Превосходительства:

Осипъ Пепровичъ Козодавлевъ:

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

Сергѣй Семеновичъ Уваровъ.

Ихъ Высокородія:

Каммеръ-Юнкеръ 5 класса Александръ Александровичъ Поликарповъ.

Адамъ Васильевичъ Армспронгъ.

Гусшавъ Ивановичъ фонъ Гейзеръ.

Николай Романовичъ Пилипковскій.

Ихъ Высокоблагородія:

Лейбъ Геардіи Аршиллерійской бригады Полковникъ Даніиль Пепровичъ Полозовъ.

Александръ Ивановичъ Вейдемейеръ.

Иванъ Антоновичъ Пукаловъ.
 Иванъ Пешровичъ Енгель.
 Иванъ Емельяновичъ Якимовъ.
 Александръ Семеновичъ Зибелинъ.
 Тимофей Никишичъ Крикуновскій.
 Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.
 Павелъ Пешровичъ Свинынъ.
 Степанъ Федоровичъ Кандалинцовъ.
 Михайло Никоновичъ Рыбаковъ.
 Александръ Андреевичъ Фуллонъ.
 Пешръ Ивановичъ Розингъ.
 Алексѣй Михайловичъ Сонинъ.
 Николай Ильичъ Федоровъ.
 Михайло Михайловичъ Севриновъ.
 Павелъ Ивановичъ Богдановъ.
 Иванъ Максимовичъ Чивилевъ.

Ихъ Благородія:

Конспанпинъ Николаевичъ Башюшковъ.

Лейбъ-Гвар-
 діи Семенов-
 скаго полку

{ Капитанъ Пешръ Александровичъ Набоковъ.
 { Поручикъ Николай Андреевичъ Шишкинъ.

Лейбъ
 Гвардіи
 Аршил-
 лерій-
 ской
 бригады

{ Капитанъ Василій Ильичъ Есауловъ.
 { Штабсъ-Капитанъ Александръ Осиповичъ Спашковскій.
 { Подпоручикъ Андрей Никифоровичъ Пушкинъ.

Николай Пепровичъ Смирновъ.
Машвѣй Яковлевичъ Лапухинъ.
Николай Ивановичъ Лавровъ.
Василій Парфеншъевичъ Широкинъ.
Павель Даниловичъ Шредеръ.
Николай Сергѣевичъ Слѣпцовъ.
Михайло Степановичъ Вилегжениновъ.
Иванъ Ивановичъ Депенгофъ.
Дмипрій Оедоровичъ Ивановъ.
Конспаншинъ Кириловичъ Яновскій.
Пепръ Ивановичъ Лапышевъ.

С. П. бургскіе Купцы:

Михайло Типовичъ Кукинъ.
Иванъ Оедоровичъ Маковкинъ.
Михайло Осиповичъ Бѣлянкинъ.
Пепръ Ивановичъ Истоминонъ.
Александръ Ивановичъ Красильниковъ.
Михайло Тимофѣевичъ Вахрушевъ.
Иванъ Павловичъ Лихачевъ.
Яковъ Михайловичъ Шапихинъ.
Купеческая жена Прасковья Дмипріевна Во-
робьева.

въ другихъ городахъ:

Въ Москвѣ: Его Превосходительство Иванъ
Ивановичъ Дмипріевъ.
Въ Варшавѣ: Его Высокобл. Иванъ Михайло-
вичъ Фовицкій.

Въ Вѣнѣ:

Его Высокобл. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ.

Его Благор. Александръ Максимовичъ Княжевичъ.

Въ Пензѣ: Его Благор. Николай Александровичъ Радищевъ.

Въ Саранскѣ: Капитанъ Николай Алексѣевичъ Шуваловъ.

Въ Сибирскѣ: Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Васильевичъ Ящеровъ.

Въ Уфѣ: Оренбургскій Вице - Губернаторъ Дмитрій Аркадіевичъ Воеводскій.

Въ Богодуховѣ: Спашскій Совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ.

Въ Харьковѣ: Губернскій Предводителъ Подполковникъ Андрей Федоровичъ Квишка.

Въ Бѣлгородѣ: Подполковникъ А. А. Скалонъ.

Въ Землянскѣ: Спашскій Совѣтникъ Лука Семеновичъ Кологривовъ.

Въ Старомѣ Осколѣ: Его Высокобл. Федосей Михайловичъ Раевскій.

Въ Новгородѣ:

ВицеГубернаторъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ.

Совѣшникъ Казенной Палаты Иванъ Лавренпьевичъ, Пустошкинъ.

Въ Екатеринбургѣ:

Бергъ Гаупшманъ 6 го класса Екашеринбургскихъ заводовъ Начальникъ и Кавалеръ Николай Алексѣевичъ Шленевъ.

Помощникъ его Оберъ-Бергъ-мейстеръ 7 го класса Адольфъ Андреевичъ Агше.

Членъ Главной Екашеринбургскихъ заводовъ Коншоры Оберъ-бергмейстеръ 7 класса Иванъ Леоншьевичъ Тепюевъ.

Полицемейстеръ Бергъ - Гаупшманъ 6 го класса Александръ Николаевичъ Кореневъ.

Надворный Совѣшникъ Андрей Машвѣвичъ Элинъ.

Въ должности Помощника Г. Горнаго Начальника и управляющій золотыми промыслами Маркшейдеръ 9 класса Александръ Ѳедоровичъ Грамашчиковъ.

Правящій должность Екашеринбургскаго Медицинскаго Горнаго Инспектора, Штабъ Лѣкаръ Иванъ Ѳедоровичъ Ворвинскій.

Управитель Екашеринбургскаго Монетнаго Двора Маркшейдеръ Николай Ивановичъ Мундъ.

Управитель Пышминскаго завода и Бергъ-мейстеръ золотопромываленныхъ фаб-

рикъ Маркшейдеръ Иванъ Гавриловичъ Шевкуновъ.

Секретарь Главной Екатеринбургскихъ заводовъ Конторы Маркшейдеръ 9 класса Иванъ Васильевичъ Полковъ.

Екатеринбургскій Горный Исправникъ Маркшейдеръ 9 класса Василій Ивановичъ Васнецовъ.

Смошришель Екатеринбургской золотопромываленной фабрики Маркшейдеръ 9 класса Иванъ Ивановичъ Колобовъ.

Содержатель припасовъ Екатеринбургскаго Монетнаго Двора Маркшейдеръ 9 класса Петръ Федоровичъ Граманчиковъ.

Секретарь Главной Екатеринбургскихъ заводовъ Конторы Маркшейдеръ 9 класса Федоръ Ивановичъ Усольцовъ.

Маркшейдеръ 9 класса Францъ Ивановичъ Германъ.

Екатеринбургская Градская Дума.

Откупщикъ питейныхъ сборовъ, Вольскій первой гильдіи Купецъ Илья Федоровичъ Курсаковъ.

Екатеринбургскій 2 гильдіи Купецъ Полиевкъ Егоровичъ Рябовъ.

Коммиссіонеръ питейныхъ сборовъ Василій Леонтьевичъ Алерутовъ.

Въ Верхотурьѣ: Нижняго Земскаго Суда Исправникъ Титулярный Совѣтникъ Степанъ Герасимовичъ Михайловъ.

*На Колывано - воскресскихъ заводахъ, при
Змииногорскомъ рудникъ Бергъ-Гешворепъ
12 класса Александръ Андреевичъ Дейхманъ.*

*Въ Газетной С. П. бургскаго Пог-
тамта Экспедиціи.*

*Въ Орлѣ: Его Сіятельство Г. Генераль отъ
Инфантеріи и разныхъ орденовъ Кавалеръ
Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій.*

Въ Костромѣ: Губернская Гимназія.

Въ Черниговѣ: Газетная Экспедиція, 2 эк.

Въ Смоленскѣ: Его Благ. А. А. Ивановскій.

*Въ Нижнемъ Новгородѣ: Спашскій Совѣшникъ
Петръ Ивановичъ Воронцовъ.*

Въ Новосилѣ: Его Высокобл. . . . Козаковъ.

*Въ Усвятѣ: Шшабсъ Капитанъ Баронъ
Меллеръ - Закомельскій*

*Въ Москвѣ: Полковникъ Иванъ Пешровичъ
Бекешовъ.*

Въ Кронштатѣ: Кантора надъ портомъ.

*Въ Ярославлѣ: Г. Дѣйствительный Спаш-
скій Совѣшникъ Власовъ.*

*Въ Вяткѣ: ВицеГубернашоръ Коллежскій Со-
вѣшникъ Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.*

*Въ Луганскомъ заводѣ: Оберъ Бергмейстеръ
7 кл. Михайло Николаевичъ Чернявскій.*

*Въ Якобштатѣ: Дивизионный Коммиссіонеръ
Шулепниковъ.*

Во Ржевѣ - Володиміровѣ: Полковникъ Квѣшинъ Самаринъ.

Во Солинской Пристані: Полковникъ Бѣлавинъ.

Во Старой Русѣ: Капитанъ Пётръ Ивановичъ Бороздинъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

О П Е Ч А Т К И .

№ I. Я Н В А Р Ъ .

Напечатано:

чишай:

Стран. Слрѣок.

25 21 кошорымъ

кошорыми

26 29_е позволѣнія

позволенія

27 1 не хорошъ ни
пригожъ

ни хорошъ, ни при-
гожъ

28 22 щцеславіе

щцеславіе

30 16 однахожъ

однакожъ

32 13 ее вниманіе

ея вниманіе

33 5 лѣспный

леспный

35 2 шамъ

шакъ

36 20 оспавшися

оспавшись

37 18 завидываль

завидоваль

44 21 Слушай

Слушай:

68 22 в везены

вывезены

Напечатано:

чи тай :

Стран. Спрок.

76	4.	слову	слова
81	1	судбы	судьбы
90	8	одинакой	одинокой
97	3	въ часномъ	въ часномъ
—	11	въ нашей .	въ нашей
99	7	вдѣль	видѣль
105	19	при бѣдноти	при бѣдноти
120	22	чшо	чшо
124	1	Расшаяль	Разшаяль
125	6	Сказаль, къ лѣсу	Сказаль, и къ лѣсу
133	18	Богу молишь	Бога молишь
—	22	согасился	согласился

№ II. ФЕВРАЛЬ.

140	18	свой	своей
144	4	Ну, Дафнисъ	Ахъ, Дафнисъ
—	25	Но нѣшь	Но пѣшь
147	7	Наразлучна	Неразлучна
149	19	встрѣчался	встрѣчаясь
192	1	Врюхановъ	Брюхановъ
214	13	взянуль	взглянуль
252	14	поступокъ,	поступокъ.
255	5	грабли	грабили
271	22	лучшимъ	лучшимъ
272	28	Вясильевича	Васильевича
274	3	est romanis	est a romanis

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Мартъ 1818. N° III.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЯ ПСАЛМАМЪ *).

XLV.

Богъ намъ прибъжище и сила
Въ печаляхъ и напастяхъ злыхъ ;
Стремись къ Нему, душа уныла!
Заступникъ нашъ спасетъ ошь нихъ.

И для того не убоимся
Трясенія обширныхъ странъ,
Движенья горъ не устрашимся
И ихъ паденья въ Океанъ.

Свирѣпы волны возмущашся,
Грозя конечною бѣдой,
Кремнисты горы сокрушашся,
Земля покроется водой.

---

*) Изъ стихотвореній покойнаго Сенатора А. В. Храповицкаго, нигдѣ еще ненапечатанныхъ.

Тогда шумящи рѣкъ попоки
 Господень градъ возвеселяшъ;
 Его селенія высоки
 Хвалу Севвышнему гласяшъ.

Исполненъ градъ его святыней,
 И не содвигнешя въ моря;
 Своей поможесть благосыней,
 Какъ упра свѣплая заря.

Народъ народы возмущаетъ,
 На царство царшвы воспалая;
 Но въ гнѣвъ Вышній возглашаетъ,
 И съ прескомъ рушится земля.

Власшишель силъ всемоцныхъ съ нами!
 Что спрашно Сильнаго рабамъ?
 Своими Богъ зоветъ сынами,
 Всегда Господь защитникъ намъ!

Приди и виждь дѣла Господни,
 Его премудросши внемли,
 Что зрѣлъ вчера, и зришь сегодня?
 Какое чудо на земли!

Опьемля брань съ земнаго круга,
 Онъ лукъ враждебный сокрушилъ,
 Изъ рашника содѣлалъ друга,
 Щипъ сжегъ, оружіе сломилъ.

Пресшани, съ миромъ водворюся,
 Познай Творца — и гласъ внемли:
 Во всѣхъ языкахъ вознесуся,
 И вознесуся на земли.

СХLII.

Услыши, Господи! мольбу,
 Внуши Себѣ мое спенанье,
 И даждь нещасному рабу
 Надежно въ правдѣ упованье,
 Покрой меня щипомъ Своимъ:
 Всякъ смертный, окруженный шьюю,
 Не оправдися предъ Тобою;
 Не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ.

Уже за мной погнался врагъ,
 Мою жизнь въ землю преклоняя,
 Привелъ меня на смертный прагъ,
 И въ спрашну темному ввергая,
 Ко мершвымъ искони причель;
 Уже и духъ мой унываетъ,
 Смятенно сердце мнѣ вѣщаетъ:
 Не Ты ли, Боже! повелѣлъ?

Вспомянувъ прошедши дни,
 Твои дѣла воображаю:
 Зря нынѣ бѣдспвія одни,
 Къ Творцу вселенной возглашаю
 И скорой помощи прошу;
 Какъ лѣшомъ нива влаги жаждетъ,
 Во мнѣ душа полико спраждетъ;
 Къ Тебѣ я руки возношу!

Спѣши, Господь! меня спаси,
 Во мнѣ душа изнемогаетъ;
 Лице Свое не отврати,

Меня мой врагъ уподобляешъ
На пагубу нисшедшимъ въ ровъ.
О Боже! прекраши унылость,
Заушра сотвори мнѣ милостьъ
И шяжкихъ свободы оковъ.

Изми изъ рукъ враговъ моихъ,
Къ Тебѣ, Создатель! прибѣгаю:
Я въ поученіяхъ Твоихъ
Себѣ отпруды ожидаю;
И яко Ты еси Богъ мой,
Подаждь мнѣ на враговъ управу;
Меня взнесетъ на землю праву
Благій и вышній разумъ Твой.

НАДЕЖДА.

(Изъ Шиллера.)

Когда и кто не восхищался,
 Что лучшихъ онъ дождется дней?
 Когда и кто не обольщался
 Тобой, Надежда, въ жизни сей?
 Цвѣтешь Природа, увядаешь,
 А смертный лучшаго все чаешь.

Съ побою всякъ на свѣтъ родишься,
 Съ шобой младенець дни ведешь,
 Тобою юноша живишься,
 Съ побою спарець въ гробъ идешь—
 И своды мрачныя могильны
 Надежды истребишь не сильны.

Такъ! ты не ешь одна пусшя
 Мечта — безумія кумиръ,
 Твой голосъ въ сердце проникая,
 Вѣщаешь намъ: ешь лучшій мiръ—
 А чувствiю души конечно
 Нельзя обманывать насъ вѣчно.

П. Политковскій.

МЕЧТАТЕЛЬ МИРТИЛЬ.

Идиллія.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися,
 Зюфиръ не шевелилъ листовъ,
 Овечки берегомъ Ладона улеглися,
 И уклонившійся въ прохладну тѣнь деревъ
 Миршилъ, въ шотъ самый день съ Филли-
 дой обрученный,
 Щасливѣйшій изъ пастуховъ,
 Пѣлъ, въ сладкія мечты и думы погруженный:
 „Ахъ, вѣришь ли шому, что спалось со
 мной?”

Уже ли въ самомъ дѣлѣ

Черезъ двѣ иль три недѣли

Супругомъ буду я Филлидѣ дорогой?...

О, проходи же время срока!

Повѣй, блесни скорѣе отъ воспока

То упрю радостнаго дня,

Когда предъ алшаремъ Гимена

Съ Филлидой преклонивъ колѣна

И шайныя мольбы сердець соединя,

Мы повторимъ обѣтъ священный,

Кошорый ушвердишь союзъ на вѣки нашъ!—

Съ какимъ воспоргомъ я, жрецомъ благосло-
 вленный,

Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!

Съ какими чувстввами, всшупивъ подъ кровъ
 смиренный

И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
 Вошь все мое: шалашъ укрomный и пол-
 спада;

Но если наградилъ меня шобою Богъ,
 То я уже богашъ и десяти не надо!

Но если ты со мной,

То эта хижина мнѣ будетъ рай земной!

Скажу, и слезы умиленья

Блеснутъ у милой на глазахъ;

Я самъ на грудь ея паду тогда въ слезахъ.—

Сей первый день соединенья

Пройдетъ о будущемъ въ мечтахъ.

А завтра, раннею проснувшись порою,

Лишь чуть забрежжетъ свѣтъ надъ ближ-
 нею горою,

Собравъ овецъ своихъ, взявъ въ руки по-
 сошки,

Пойдемъ на пасву мы. Тамъ, на долинахъ
 злачныхъ,

Толпой сберутся къ намъ паспушки, пас-
 пушки,

Съ улыбкой встрѣшатъ насъ, супруговъ
 новобрачныхъ;

И утро въ дружеской бесѣдѣ, ласкахъ ихъ,

Въ шрудахъ, столь легкихъ для двоихъ,

Невидимо идешь, минушой пролепашь.

Вошь полдень наступаетъ;

Зной солнечный велитъ убѣжища искашь,

И мы спѣшимъ въ лѣсокъ, подъ тѣнью дре-
 весной

Укрыться опъ него, въ прохладѣ отдыхашь.
 Журчанье ручейка изъ подъ скалы навѣсной,
 Текущаго лѣниво межъ цвѣшовъ,

Шептаніе листовъ,

И тихія моей свирѣли

Трели —

Все, все неволью призоветъ

Пастушку къ сладкому покою:

Она разнѣжится, склонится головою

Въ колѣни мнѣ, заснешь.

Чшожь буду дѣлать я? я буду наслаждашья

Ея спокойствіемъ, я буду любовашья

Филлидиной красой:

Лилейной груди бѣлизной,

И черными, съ плеча упавшими кудрями,

И алыми устами,

И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щекъ,

Кошорый каждый мошылѣкъ

Сочнешь на вѣрно за цвѣшокъ.

Но я и мошылъка къ Филлидѣ приревную!

И, чшобъ ему не дать

Ее поцаловать,

Самъ въ щечку милую скорѣ поцалую. —

Вопъ, солнце уже за горой,

Ужь вечеръ наступаетъ

И шѣни длинныя по лугу разспилаешъ;

Всѣ съ паспвы и полей домой;

Пора и намъ иди; и мы рука съ рукою,

Гоня передъ собою

Рѣзвяхшихся овецъ,

За ними же домой приходимъ наконецъ.

Теперь, когда ужь солнце сядешъ,

И мѣсяць молодой изъ облаковъ проглянешъ,

Какъ соберушся всѣ въ кружокъ

Среди селенья на лужокъ,

Мы будемъ пѣшь; плясашъ, мѣшашся въ
хороводы,

Или — кто насъ лишилъ свободы? —

Пойдемъ въ двоємъ, она да я,

Къ рѣкѣ, за шалаши, послушатъ соловья,

Смотрѣшь, какъ тусклымъ въ тиши струяш-
ся воды,

Какъ станешъ попухашъ вечерняя заря. —

Въ шакомъ-то щастіи, годовъ не примѣчая,

Не только эшотъ день, вся наша жизнь
проидешъ!

Ахъ! ежели къ сему Зевесъ намъ ниспошлешъ

Еще малюшочекъ, то, даже увядая,

При старости самой,

Не позавидуемъ чешъ мы молодой:

Все съ юными оспанемся сердцами! — “

Такъ пѣль онъ и не зналъ, что тушъ же,
за кустами,

Въ двухъ опъ него шагахъ,

Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ,

Разстроганна стояла,

И жребій свой въ душъ благословляла.

В—рѣ П—сб.

КЪ Д О Р И Д Ъ.

Дорида, Дорида! любовью все дышешь,
 Все пьешь наслажденье съ пришекшей весной:
 Чуть Зефиръ, спруясь, березу колышешь,
 И съ берега лебедь понесся волной
 Къ зовущей подругъ на островъ пустынной;
 Надъ розой шрепещешь злашюй молпылѣкъ;
 И въ гулкой долинь любовью невинной
 Прошяжно вздыхаешь паспушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида! улыбкой надмѣнной
 Мнѣ плашишь за слезы и муки любви!
 Вглядись въ мою блѣдность, въ мой взоръ
 помраченной:
 По нимъ ты узнаешь, какъ въ пылкой крови
 Сокрышая ревность меня сожигаетъ!...
 Не внемлешь! и въ пляскахъ, смѣясь надо
 мной,
 На зло мнѣ красою подругъ зашемняетъ,
 И узниковъ гордо ведетъ за собой.

1815.

Б. А. Дельвицъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

(изъ Парни.)

Лишь своею ризой темной
 Ночь сокроешь свѣшь опъ глазъ,
 Лишь на башнѣ опдаленной
 Полночи ударитъ часъ:
 Удовольствія толпою
 Соберутся въ шеремъ швой.
 И утѣхи чередою
 Всѣ явятся предъ шбой,
 И пробудутъ до разсвѣша
 У себя, моя Лилема!
 Но когда бы день злашой
 Намъ заря не возвѣщала,
 То другаябъ ночь заспала
 Вѣрно ихъ еще съ шбой.

Б..... вѣ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

П — ъ И — ъ Р — ѝ.

Когда разспанусь я, мой милый другъ,
 съ тобой,
 И шы, печальна мысль! покинешь край
 родной,
 Тогда, безцѣнная, въ часы опдохновенья
 Въ часы пріятнаго о милыхъ помышленья,
 Взявъ дружбы памятникъ, найдешь, раз-
 крывъ его,
 Здѣсь исполненіе желанья швоего.

Лишенная даровъ Поэзіи священной,
 Пишу стихи сіи рукой обвороженной.
 Пускай любимцы Музъ смѣются надо мной,
 Увидѣвъ, можешь бышь, альбомъ случайно
 швой.
 Чшо дѣлашь? Не для всѣхъ попушной вѣ-
 шеръ вѣнешъ,
 Не всякаго Судьба на розахъ здѣсь лелѣешь. —
 Похвалъ я не ищущу, за славой не лечу,
 Одной улыбки лишь швоей, мой другъ, хочу,
 И чшобъ стихи мои въ шебъ возобновляли
 Мечшы прошедшаго; чшобъ живо представ-
 ляли
 Тѣ милья мѣста, гдѣ мы вели съ тобой
 Дни, озаренные безпечношью злашой.

Какъ свѣшлый ручеекъ въ долину из-
виваясь ,

Кашишь спруи свои, съ другимъ соединяясь:
Такъ наша жизнь шекла свободно спезей
Съ невозмущаемой завидной шишиной.

Полина! помнишь ли сіи часы блаженны ,
Когда мы всей сѣмьей въ кружокъ соеди-
ненны

Порою къ западу клонящагося дня ,
Садилась у рѣки, иль яркаго огня?
Какъ въ прошлое погда душой переселялись,
Къ лѣшамъ младенчесшва съ улыбкой обра-
щались;

Какъ часто ихъ назадъ хопѣли ворошишь ,
И научались дары небесъ цѣнишь?
Мы цѣлый свѣшъ погда въ воспоргахъ
забывали!

Но длинны щастія часы когда бывали?
Такъ для меня они мгновенно прошекли ,
И радости мои съ собою унесли!
Ахъ! вѣрь мнѣ, шяжело осирошѣшь душою ;
Разсташься, милый другъ, съ шобою.

Казань.

Г — а. П — а.

А К Р О С Т И Х Ъ .

Въ день рожденія П. К. Д. 14 Октября.

Природа! кто тебѣ далъ ново направленье?
 Кто твой святой законъ, кто смѣль
 перемѣнишь?
 Разрушишь могъ твое опъ вѣка назначенье
 И среди осени весну намъ возвратишь?
 Алѣешь горизонтъ, выходишь солнце ясно,
 Рѣдѣешь мгла въ поляхъ, луга одѣлись
 вновь,
 Сады раскинулись, исчезли дни ненасытны,
 И соловей поетъ по прежнему любовь;
 Кристальны ручейки опять журча бли-
 стающъ,
 Лепчашъ бабочки и рѣзвящъ въ кругу,
 Опять, опять весна, цвѣтши благоухающъ,
 Опять съ овечками пастушка на лугу;
 Все дышешъ радостью, вездѣ зрю восхи-
 щенье,
 Всѣ полной чашею блаженство, щастье
 пьющъ,
 И горестямъ конецъ, прошедшему забвенью.
 Не боги ли опять намъ рай земный дающъ?
 Явили милости, веселье даровали?
 Ахъ, нѣтъ! ушѣвши миръ они тебѣ
 послали.

Н. К.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„Какой моимъ спихамъ расходъ!
Иной шворенія свои не сбудетъ въ годъ,
А я — дни два прошло — и всѣ ужь пусты
полки!“

— Чему же удивляешься шупъ?
Тѣхъ сочиненія для чпенія берупъ,
Твои же идушъ на обёршки. —

2.

Медузина глава имѣла чудно свойство
Людей въ каменья претворяшь.
Въ *Эхиднинѣ* я съ ней большое вижу сходство,
И всѣхъ гошовъ въ шомъ увѣряшь:
Пусть чесшой человекъ, пусть на него
посмѣешь
Взглянушь — пошчасъ окаменѣешь.

II.

3.

„Ну, милая, прощай: пора ужь, я спѣшу.“
— Когдажъ опяшь къ намъ въ городъ будешь?
Уѣдешь пы опсель, совсѣмъ меня забудешь! —
„Нѣтъ, имя я швое на память заишу.“

4.

Всѣ бысть у насъ челоуъ передъ Судьей Ѡмой;
 А онъ гордѣе право Папы:
 Ни передъ кѣмъ не скинець шляпы
 И не наклонишя. — Вошь Судія *прялой!*

5.

Конечно золь Глупонъ
 И въ злости не уступишь звѣрю,
 Эхиднѣ, аспиду—однако же не вѣрю,
 Чшо ближняго не любитъ онъ:
 Дѣшей своихъ къ чинамъ предспавиль самъ
 Глупонъ.

И.

II. Краткое Описаніе знаменитыхъ дѣлъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ *).

1762.

Одержаніе отъ всѣхъ Дворовъ общаго признанія Титула ИМПЕРАТОРСКАГО принадлежащимъ Коронѣ и Монархіи Всероссійской. Опроверженіе бывшихъ до того въ обыкновеніи реверсаловъ, при всякомъ новомъ правленіи даваемыхъ, и объявленіе, что Россія ни одной Коронѣ переенства не уступаетъ, ни у кого онаго не пребуя.

Отрѣшеніе разныхъ монополій, всемѣстно угнѣшавшихъ торговлю, и возстановленіе ея свободности.

1763.

Мирное возстановленіе, чрезъ покровительство ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА на Княжество Курляндское и Семигальское, прежняго законнаго Герцога Эрнста Юганна Бирона.

---

*) Сіе описаніе дѣяній Великой ЕКАТЕРИНЫ сдѣлано было еще при жизни Ея подъ руководствомъ одной знатной Особы. Здѣсь помѣщается оно безъ всякой перемѣны. *Примѣч. Изд.*

Заведеніе поселенія опсравныхъ солдатъ въ Казанской Губерніи и по Закамской линіи.

Учрежденіе въ Москвѣ Воспиташельнаго Дома для приносныхъ дѣшей съ госпиталемъ для неимущихъ родильницъ.

1764.

Избраніе Короля Польскаго Спанислава Августа, и опроверженіе шѣмъ всякихъ замысловъ объ устанавленіи въ Польшѣ наслѣдственнаго преемничества.

Преподаваніе генеральныхъ правилъ для воспитанія юношества обоого пола, *не одно ученіе, но* *наипаче добрыя нравы* главнымъ видомъ того воспитанія преднаписующихъ.

Учрежденіе Воспиташельнаго Общества для двухъ сотъ благородныхъ дѣвиць въ Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Пушешествіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Лифляндію и Эспляндію.

Изданіе Привиллегіи, Устава и Стата Академіи Художествъ; заведеніе при ней воспиташельнаго училища и назначеніе на все шо потребнаго иждивенія.

1765.

Заключеніе съ Датскимъ Королемъ союзнаго и оборонительнаго пакта со взаимною гарантіею обособороннихъ владѣній.

Учрежденіе при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ особливаго училища для воспитанія мѣщанскихъ дѣвушекъ.

Основаніе Храма преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ день кошораго родился Императоръ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Дѣйствительное начало Государственнаго межеванія. Учрежденіе Сенатской Межевой Экспедиціи, и подъ ея вѣденіемъ въ Московской Губерніи Межевой Канцеляріи, Межевыхъ Конпоръ и землемѣровъ; наставленіе для всѣхъ ихъ, въ коихъ единственнѣе естъ видомъ спокойствіе каждаго и цѣлость собственности; средства со стороны Престола поданныя къ миролюбному всѣхъ распрѣй окончанію.

1766.

Учрежденіе въ новомъ образѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса.

Приспущленіе къ новому законодапельству учрежденіемъ Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, созывомъ къ соспавленію ея депушашовъ опъ всѣхъ частей и соспоаній народныхъ Имперіи Всероссійской, и повелѣніемъ предспавивъ нужды и недоспашки опъ каждаго мѣста или общеспва.

1767.

Путешеспвіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Москву.

Шеспвіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Тверь, опшуда на судахъ по рѣкѣ Волгѣ чрезъ Ярославль, Косп-рому, Нижній - Новгородъ, Казань въ Симбирскъ, а обрашно опшуда въ Москву сухимъ путемъ.

Опкрытіе Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія.

Наказъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА шой Коммисіи во основаніе законодательспва.

Торжеспвенное принеспненіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ опъ Имперіи Всероссійской, предспавляемой избранными опъ всѣхъ ея ча-

шей депушапами, благодаренія за попеченія о благѣ ея, вновь изъявленныя правилами въ Наказѣ начерпанными. Приписаніе пипшуровѣ: *Великая, Премудрая, Мать Отечества*. Непринятіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ сихъ пипшуровѣ, и опвѣсть ея, крошоспи исполненный.

1768.

Ошправление Академиковѣ въ разныя мѣста Имперіи Всероссійской для астрономическихъ наблюденій и для изслѣдованія въ Натуральной Испоріи.

Подвигъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА показаніемъ на себѣ примѣра полезнаго прививанія оспы. Исполненіе того въ особѣ Сына и Наслѣдника ЕЯ; чему послѣдовало испребленіе совершенное всѣхъ предубѣжденій прошивъ сей операціи.

1769.

Безпосредственно за объявленіемъ ошъ поршы Ошпоманской войны заведеніе на Черномъ морѣ флоша.

Назначеніе двухъ армій для дѣйствія прошивъ непріателя.

Отправленіе ошь береговъ Балшійскихъ въ Средиземное море и Архипелагъ здѣшняго флота для дѣйствія прошивъ непріятеля.

Отправленіе корпуса войскъ въ Грузію для атаки Турецкихъ областей съ той стороны, и освобожденіе значной части шаманскихъ владѣтелей и народовъ ошь ига рабства.

Заключеніе съ Датскимъ Королемъ дружественнаго Трактата съ подтвержденіемъ прежнихъ и съ постановленіемъ нужныхъ обязательствъ относительно взаимной безопасности ошь всякихъ покушеній.

Установленіе Военнаго Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія въ воздаяніе службы и храбрыхъ подвиговъ, съ преимуществами и пенсіями къ тому принадлежащими.

1770.

Вступленіе Россійскаго Императорскаго флота въ Морейскую гавань Майна, послѣдуемое взятіемъ города Мисры или древняго Лакедемона, и многихъ другихъ мѣстъ со всеобщимъ разбитіемъ и плененіемъ Турокъ.

Побѣда, одержанная флопомъ Россійскимъ подъ предводительствомъ Генерала Графа Орлова надъ многочисленнымъ Турецкимъ при Чесмѣ, послѣдуемая сожженіемъ и испребленіемъ всего Турецкаго флопа.

Побѣда, одержанная первою арміею надъ непріятельскою, Ханомъ Ташарскимъ и шрема Пашами предвдимую, при рѣкѣ Ларгѣ. Взятіе пространнаго и крѣпкаго Турецкаго респраншаментша съ аршиллеріею, лагеремъ и обозами, и прогнаніе ихъ къ Дунаю.

Побѣда, одержанная пою же арміею, за отрядомъ для сохраненія своихъ провіантскихъ подвозовъ и прикрытія обоза отъ угрожавшаго Ташарскаго нападенія оставшеюся въ семнадцати тысячахъ человекъ, надъ Турецкими войсками, во стѣ пшидесяти тысячахъ человекъ состоящими, подъ предводительствомъ Верховнаго Визиря Галимъ Паши при рѣкѣ Кагулѣ; овладѣніе шрема ихъ респраншаментшами съ многочисленною аршиллеріею, лагерями и обозами, и прогнаніе передовыми войсками до Дуная.

Осада, предпріяшая отъ вшпорой арміи, Генераломъ Графомъ Панинымъ предвдимой, на крѣпость Бендеры. Твердое оной

продолженіе и опраженіе всѣхъ жестокихъ вылазокъ, взятіе наконецъ присшупомъ сей крѣпости.

Прибытіе ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Пруссаго Принца Генриха посреди шоржествованія сихъ побѣдъ.

1771.

Переходъ Генерала-Маіора Вейсмана за Дунай при Тульчѣ, пораженіе непріятеля и упрежденіе покушеній его напасць въ праздникъ Пасхи на Россійскіе поспы.

Переходъ вторичный погоже Генерала за Дунай при Исакчѣ, разбиеніе непріятеля, взятіе судовъ, аршиллеріи и разныхъ добычъ, и сожженіе его магазейновъ.

Поискъ Генераломъ-Маіоромъ Попемкинымъ произведенный за Дунаемъ при мѣсечкѣ Цимбрѣ, лежащемъ между Видиномъ и Никополемъ, опнятіе и сожженіе многихъ судовъ и магазейновъ, и переводъ на лѣвый берегъ Дуная большаго количества Хрисціанскихъ сѣмей.

Трекратная побѣда со многимъ пораженіемъ непріятеля въ десяти дняхъ одер-

жанная Генераломъ-Маіоромъ Пошемкинымъ близъ крѣпости Турно.

Новый переходъ Генерала-Маіора Вейсмана за Дунай при Тульчѣ, взятіе прислупомъ шамошнихъ респраншаменшовъ, овладѣніе многими большими Турецкими судами и сожженіе значной ихъ часши, отраженіе ашаки непріятельской, произведенной войсками изъ Бабады пришедшими, и возвращеніе въ Измаиль съ плѣномъ и завоеванною артиллерією, судами и другими добычами.

Вспуленіе второй арміи, Генераломъ Княземъ Долгоруковымъ предводимой, въ полуостровъ Крымской, разбитіе непріятеля при Перекопѣ и овладѣніе линією и крѣпостію Орскою.

Впоричное разбитіе непріятеля шюю же армією при Кефѣ, овладѣніе симъ городомъ, покореніе всего Крыма и совершенное прогнаніе всѣхъ Турецкихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ для обороны сего обласши шамъ находившихся.

Переходъ Генерала-Маіора Вейсмана за Дунай при Тульчѣ, разбитіе непріятеля, взятіе его лагеря съ артиллерією и овладѣніе

памощнимъ замкомъ. Походъ его къ главной Визирской кватирѣ въ Бабады, прогнаніе сего Опшоманскаго Военачальника съ войсками его изъ лагеря, овладѣніе лагеремъ, артиллерією и городомъ, потомъ на возвращномъ пути взятіе крѣпости Исакчи съ артиллерією и снарядами.

Присылка ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА депушатовъ, порознь ошъ всѣхъ Нагайскихъ Ордъ, съ принесеніемъ ихъ благодарности за оказанное имъ милосердіе и за освобожденіе ихъ изъ Турецкаго порабоженія.

По занятіи Крыма силою оружія и уходъ ошшуда пошановленнаго Портою Опшоманскою Хана Селимъ - Гирея, избраніе вольною и независимою уже Ташарскою нацією перваго самовластнаго Хана Сагибъ Гирея; присылка ошъ него и ошъ всего Крымскаго общества съ таковою же комисією ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА брата его тогдашняго Калги-Султана — Шагиць - Гирея со многими другими депушашами.

1772.

Заключеніе пройной Конвенціи между Россійскимъ, Австрійскимъ и Прусскимъ Дво-

рами о раздѣлѣ Польши въ удовлетвореніе многихъ на нея справедливыхъ требованій и о прекращеніи разныхъ тамошнихъ мяшежей.

Дѣйствительное за шѣмъ занятіе и присоединеніе къ Имперіи двухъ Бѣлорусскихъ Губерній, положеніе чрезъ то живыхъ границъ съ Польшею, и прекращеніе многочисленныхъ побѣговъ, ссоръ пограничныхъ и всякихъ неудобствъ.

Учрежденіе при Воспитательныхъ Домахъ казны *вдовьей, ссудной и сохранной*, и заведеніе при нихъ же Коммерческаго училища.

1773.

Заключеніе съ Королемъ и Республикою Польскими Тракшапа, коимъ опреклись они отъ всѣхъ на здѣшной споронѣ требованій, и въ прекращеніе споровъ уступили на вѣчныя времена нынѣшнія Бѣлорусскія Губерніи. Постановленіе пошомъ шрехъ актовъ, въ силу шогоже Тракшапа включенныхъ, опредѣляющихъ торговлю взаимную, выгоды жителей земель Россіи уступленныхъ, права и состояніе дессиденшовъ на времена будущія.

Заключеніе съ Ханомъ и народами Ташарскими Тракшапа вѣчной дружбы, коимъ

всѣ тѣ народы признаны и гараншированы отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ качествѣ вольной и независимой области, самовластнымъ Ханомъ управляемой; присвоены Россіи въ Крыму крѣпости Керчи и Еникаль съ ихъ уѣздомъ, а внѣ онаго обѣ Кабарды, и упреждены всякіе поводы къ раздорамъ.

Пораженіе, неоднократно Туркамъ нанесенное, въ виду города Силистріи отъ корпуса Генерала-Поручика Пошемкина.

Двукратное непріятеля разбитіе Генераломъ-Маіоромъ Суворовымъ за Дунаемъ при Туршукаѣ и раззореніе сего города.

Переходъ Генерала-Маіора Барона Вейсмана за Дунай при Тульчѣ, побѣда имъ одержанная надъ многочисленнымъ непріятелемъ при Карасу, гдѣ онъ взялъ его лагерь съ артиллерією; походъ его вверхъ по Дунаю правымъ сея рѣки берегомъ; новая побѣда при Гуробалѣ надъ непріятелемъ, на высокахъ шамошнихъ державшимся.

Переправа за Дунай корпуса Генерала-Поручика Пошемкина въ виду сего непріятеля, къ помянутой побѣдѣ пособствовавшая; за тѣмъ переправа самаго Генерала-

Фельдмаршала Графа Румянцева съ войсками.

Храбрый отпоръ перваго Гранодерскаго полку подъ командою Генерала-Маіора Барона Вейсмана прошиву многочисленнаго окружившаго его непріашеля съ шакою швердосцію произведенный, что Генераль-Порупчикъ Попемкинъ не только успѣлъ его прогнать; но въ послѣдованіи будучи сего полку и корпуса Генерала-Порупчика Спущина, выпѣснилъ его изъ укрѣпленнаго лагеря подъ Силиспрією, овладѣлъ онымъ со всею артиллерією и распроспранилъ погоню до самаго почши предмѣстія.

Побѣда, одержанная корпусомъ Генерала-Маіора Барона Вейсмана надъ непріашелемъ, въ большихъ силахъ державшимся при Кайнарджи въ самыхъ неудобнопроходимыхъ мѣстахъ, при самомъ совершеніи которой сей Генераль убитъ.

Отправленіе отъ Санктпетербургской Академіи Наукъ нарочныхъ, для наблюденія въ Бѣлорусскихъ Губерніяхъ къ приращенію Натуральной Исторіи.

1774.

Переправа за Дунай различныхъ корпусовъ войскъ Россійскихъ, послѣдуемая переходомъ и самаго Генерала-Фельдмаршала.

Побѣда, одержанная корпусами Генераловъ - Порупчиковъ Каменскаго и Суворова при Козлоджи надъ многочисленными непріятельскими силами, предводимыми Рейсъ-Эфендіемъ Абдуръ-Разакомъ и Янычарскимъ Агою, гдѣ взята вся новая Турецкая, Барономъ Топомъ сдѣланная аршиллерія и множество знаменъ и другихъ добычь.

Насупленіе корпусовъ Генерала-Порупчика Каменскаго на укрѣпленный городъ Шумну, главную Верховнаго Визиря квартиру; неоднократное непріятеля пораженіе въ виду самаго Визиря; пресѣченіе удобнаго сообщенія и подвоза пропитанія, и наконецъ поискъ въ Балканскихъ горахъ при деревнѣ Чалыкъ - Кавакъ Бригадиромъ Заборовскимъ съ большими успѣхами произведенный.

Такое же пресѣченіе сообщенія между Силистрією, Руцукомъ, Шумною и между другими посѣлами, понудившее непріятеля рѣшиться просить мира. Присылка ошъ Верховнаго Визиря въ главную квартиру Генерала - Фельдмаршала при Кайнарджи полномочныхъ Нишанджи Ресми Ахмеша Эфендія, и Рейсъ Эфендія Мунибъ Ибрагима.

Заключеніе въ Кайнарджи помянутыми Турецкими Министрами въ присутствіи

Генераль - Фельдмаршала съ уполномоченнымъ ошъ него Генераломъ - Поручникомъ Княземъ Репнинымъ пракпаша вѣчнаго мира, коимъ узаконена вольность и независимость Ташарская, постановлена для Россіи свобода плаванія по Черному морю и по всѣмъ водамъ, берега владѣній Турецкихъ омывающимъ; утверждена вольность, безопасность и выгоды Княжествъ Молдавіи, Валахіи и другихъ Христіанъ съ правомъ заселенія за нихъ Россіи; утверждены сей Имперіи крѣпости Керчи, Еникаль, Кинбурнь, и многія другія пользы пріобрѣшены.

Возстановленіе Имеретинскаго Царя Соломона въ его владѣніе, и освобожденіе Грузіи мирнымъ пракпашомъ навсегда ошъ поносной Туркамъ дани опроками и опроковицами.

1775.

Шествіе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Москву.

Размѣна въ Констаншинополѣ взаимныхъ Императорскихъ ратификацій на заключенный въ Кайнарджи пракпашъ, при чемъ повѣренному въ дѣлахъ Россійскому и его свитѣ ошмѣнныя оказаны были почести.

Торжественное объявление о мирѣ съ Поршою Опшоманскою заключенномъ, и при томъ разныя милости народу оказанныя освобожденіемъ не только опъ наложенныхъ во время войны сборовъ, но опъ многихъ и прежнихъ для народа затруднительныхъ; убавка съ цѣны соли по пяти копѣекъ съ пуда; преданіе вѣчному забвенію всѣхъ слѣдшвій и взысканій по бывшему въ нѣкопрыхъ Губерніяхъ неспокойству; уничтоженіе разныхъ недоимокъ и взысканій; пошановленіе десятилѣтняго срока на всѣ безгласныя дѣла; облегченіе жребія въ вины впадшихъ, соглашая милосердіе съ правосудіемъ; освобожденіе купечества опъ подушнаго сбора, и пошановленіе съ нихъ сходственной подаши по капиталамъ; свобода увольняемымъ изъ крѣпостныхъ людей избирать по способности и склонности состояніе и упражненіе обществу полезное; убавка пошлины съ продаваемыхъ имѣній, и многіе знаки щедротъ Монаршихъ оказанные.

Мирное торжество, опсправленное со многимъ великолѣпіемъ; воздаяніе воинству и другимъ чинамъ, благополучному и славному окончанію войны, сохраненію порядка и возстановленію спокойствія спосѣшествовавшимъ.

Торжественное посольство отъ Порты Опшоманской присланное для подтвержденія дружбы и добраго согласія въ слѣдствіе заключеннаго въ Кайнарджи мирнаго договора.

Учрежденія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА объ управленіи Губерній Россійскія Имперіи.

1776.

Впоричный ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА пріездъ Принца Генриха Пруссаго.

Возвращеніе побѣдоноснаго Россійскаго Флота; посѣщеніе онаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ на рейдѣ Кроншпатской; торжественное засвидѣтельствованіе оному Монаршаго благоволенія Указомъ, писаннымъ собственною ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою; награжденія за дѣйствія его военныя пожалованіемъ до чешырехъ сотъ тысячъ рублей деньгами, раздачею медалей и произвожденіемъ въ чины заслужившихъ.

По испощеніи у Порты Опшоманской присшойныхъ убѣжденій къ уснановленію дѣла о вольности Тапсарской по почной

силѣ прахшапа и о выводѣ войскъ ея изъ Тамана, занятіе корпусомъ подѣ предводительствомъ Генерала - Поручика Князя Прозоровскаго Орской крѣпости безъ всякаго насилія и кровопролитія.

1777.

Заключеніе въ Ейшинѣ конвенціи о наслѣдствѣ Герцога Епископа Любскаго, гарантированной отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всегдашнимъ фамильнымъ пактомъ младшей линіи Голспинскаго дома.

Избраніе на Кубани Нагайскими Ордами въ Ханы Калги Султана Шагинъ-Гирея; всупленіе Россійскихъ войскъ по почному приглашенію Крымскихъ жипелей въ пошь полуостровъ для защиты и ограды вольности и независимости ихъ прошиву похипшеля Ханства Девлешъ - Гирея, спремившагося къ опроверженію поья вольности и возвращенію Тапаръ въ прежнее порабощеніе; добровольное и безмяшежное избраніе Крымцами и всѣми Тапарскими народами Ханомъ Шагинъ-Гирея, и побѣгъ Девлешъ Гирея съ его сообщниками.

Присылка ко Двору ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА поржештвеннаго по-

сольства опъ Хана и области Ташарскихъ, съ принесеніемъ благодарности за освобожденіе опъ порабощенія и съ просьбою объ оставленіи въ Крыму здѣшнихъ войскъ до совершеннаго ушверженія новаго ихъ бытія.

Сложеніе многихъ запруднишельныхъ для народа сборовъ.

Рожденіе Государя Великаго Князя
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

(Продолженіе впредь.)

III. ЗЛАТОПЕРАЯ ПТИЧКА.

Восточная Повесть.

„Хорошо ли ты знаешь человеческое сердце?“ спросил однажды юный Сеидъ престарѣлаго пустыинника Абу-Фара, постигшаго шайны высокой науки повелѣвать духами и природою. Спарецъ безмолвно указаль на сѣдую свою голову, и симъ какъ будто сказаць онъ: я дожилъ до сѣдыхъ власовъ, прилѣжно наблюдая людей; какъ же не знаешь мнѣ ихъ сердца? — „Опъ чего же оно вѣчно несчастливо, вѣчно превожися: не успѣешь порадоваться, опяшь грустишь, желаешь, ищешь, находишь и опяшь желаетъ — опъ чего это все?“ — Опъ того, опвѣчалъ хладнокровно спарецъ: чпо человекъ не знаетъ *истинной цѣны вещей*. Всѣ вещи въ мѣръ семъ можно сравнишь съ огромною грудю золотыхъ монеть, изъ коихъ большая часть поддѣльныхъ, однимъ только ложнымъ блескомъ ослѣпляющихъ. — „Что же хочешь ты изъ эшаго вывести?“ возразиль

нешерпѣливый юноша. — А вошь что : познай цѣну вещамъ, и кругъ желаній твоихъ, равняющійся шерпѣрь, можетъ бысть, цѣлому кругу земному, мгновенно сдѣлаешия едва примѣшнымъ въ собшвенныхъ глазахъ твоихъ. — „Не ужель это правда, ошець мой! и почему же это такъ?“ — Пошому чшо истинно дорогихъ вещей въ свѣшѣ споль мало, и онѣ, по благоспи Вышняго, споль близки къ человѣку, чшо совсемъ не нужно придавашъ желаніямъ крылья, а споишь шолько, такъ сказашь, протянушь руку, чшобъ досташъ все, чшо намъ истинно необходимо. Повѣрь мяѣ, вещей изъ чиснаго золота очень мало : все почши мишура и позолота, кошорую мы же сами, для собшвенныхъ нашихъ мукъ, на нихъ наводимъ. — „Обьясни мяѣ сіе, наперсникъ мудроспи!“

— Это обьяснишь тебѣ *златоперая*, ошвѣчалъ спарець, указавъ на розовой куспѣ, гдѣ сидѣла золошая пшичка. Иди и примѣчай за нею, продолжалъ онъ : ровно чрезъ сущки будешъ она опяшь здѣсь, шы опъ нея не опстанешъ, и мы обьясимся подробиѣ. —

Пустынникъ подалъ знакъ, *златоперая* вспорхнула, и Сеидъ пошелъ за нею.

Пшичка все далѣе, далѣе; а юный пушникъ все впередъ, впередъ. Наконецъ мелькнула вдали вода. Пшичка порхнула и уже на томъ берегу, а Сеидъ еще на эпомъ. Рѣчка не широка, но глубока. Юноша присѣлъ обождашь перевозчика, смошришь и видишь, что *златоперая* также присѣла, и гдѣ же? — у изголовья уснувшей красавицы! — Сеидъ воображаешь видѣшь одну изъ райскихъ *Гурій*. Она спала въ прелесномъ безпорядкѣ; рѣзвые Зефиры играли съ ея покрываломъ и одеждою. Что повѣешь въперокъ, то новыя красы.... Сеидъ увидѣлъ полную, бѣлую грудь — и пламень пробѣжалъ по жиламъ его! увидѣлъ прелесное лице — и неопи- санное восхищеніе проникло до послѣд- няго изгиба его сердца! — Онъ весь пре- вращился въ зрѣніе: смошришь — и влюбляется; еще смошришь и не слы- шишь, какъ сердце его улепашаетъ къ ногамъ *прелестной*, а *златоперая* все сидишь въ головахъ. — Неописанная грусть шомишь и шерзаешь юношу: онъ ходишь въ опчаяніи по берегу и

ломаешь руки. Вдруг вдаль мелькнула тѣнь, показался челнокъ, и Сеидъ опрометью бросился на встрѣчу къ плывущему. Это былъ пресарьбый рыбарь: онъ перевозитъ юношу. Восхищенный, ошаспливленный Сеидъ бросаетъ горсть золота перевозчику, и бѣжитъ къ мѣсту, гдѣ надѣется найти красавицу, свое сердце и *златоперцю* спутницу.

Тысячи надеждъ, желаній и предпріятій волнуютъ грудь бѣгущаго. — „О, кто бы ты ни была, думаешь юноша: я упаду къ ногамъ твоимъ, призову небо и землю во свидѣтели любви моей, и смягчу свое сердце. Можешь бышь, ты упростила путь и блуждаешь въ сей уединенной странѣ: я проведу тебя въ мѣста твоей родины, буду защищать отъ лютыхъ звѣрей и неусыпно бодрствовать на стражѣ во время пріятнаго сна твоего.... Можешь бышь, ты несчастна, гонима судьбою, преслѣдуема нуждою?.. О! я изпоргну тебя изъ желѣзныхъ когтей нищеты осыплю всѣми цвѣтами ушѣхъ и роскоши. Чертоги одевъ моихъ полны

сокровищъ, въ садахъ чершоговъ моихъ
вѣчная зелень. Свѣшлые водометы про-
хлаждають зной дневный и весело игра-
ють съ лучами свѣсилъ небесныхъ...
Пойдемъ, о прелестная! День сулишь
тебѣ радости и ночь общаешь наслаж-
денія; тебя ожидають злашья шкани,
благоуханіе цвѣтовъ и куреніе ма-
стикъ... Пойдемъ.“ — Съ симъ словомъ
юноша приближается къ сиящей кра-
савицѣ, и шихо прикинувъ къ ней,
хочешь прикоснувшись краю одежды ея,
но *златоперая* вспорхнула, и Сеидъ, о
неожиданная перемѣна! Сеидъ цѣпенѣеть,
дрожишь, недоумѣніе оковало его чув-
ства и ужась оледенилъ кипящую
кровь!.... *Златоперая* вспорхнула, и
прелестъ исчезла. Тамъ, гдѣ спала кра-
савица, Сеидъ увидѣлъ голый ошавъ
давно исплѣвшаго шруиа: спрашная
жаба гнѣздилась въ черепѣ, и кости
ошь вѣшра спучали!....

Между шѣмъ *златоперая* кружилась
и звала пушника далѣе. Изумленный
идешь, не посшигая шайны очарова-
нія. — Воздушные пуши просшорны:
златоперая лешись куда хочешь, а Се-

идь идешь куда ей хочешся. Ни кустарники, ни овраги не оспанавливають юношу. Однако не проложенной дорогой недалеко пройдешь. Сеидь пришелъ къ шонкому болошу: ни перейши, ни переѣхашь! Между шѣмъ ночь обложила окресности, все пошемнѣло вблизи и вдали, шолько *златоперая* свѣпилась какъ искра въ воздухѣ. Пшичка перепорхнула за болошо и присѣла на кустъ, а Сеидь оспался ждатель ушра. Онъ ищешь глазами свою *вожатую* и — новое чудо! — Въ шомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла пшичка, Сеидь увидѣлъ груду дорогихъ каменьевъ. Показался край луны изъ за облака — и сокровище сдѣлалось еще виднѣе. Длинные лучи сверкали изъ подъ зелени, необычайный блескъ разливался кругомъ шого мѣста, гдѣ сидѣла *златоперая*. — „Я не нашель красавицы, думаль Сеидь, шакъ найду сокровище. Какъ обрадую сесперь и машерь мою, принеся имъ множештво камней, кошорымъ подобныхъ не найдешся, можешь бышь, на всемъ Восшожь!“ — Такъ думаль Сеидь и двадцать разъ пробуждался, чшо бы взглянушь

пусть ли еще сокровище. Ночь тянулась, какъ вѣчность.... драгоценности сіяли ясніе звѣздъ. Наконецъ напустило утро — юноша, вспрянуль, и, при аломъ блескѣ догорающей зари, побѣжалъ вдоль по болошистой полосѣ искашь переправы. Въ одномъ мѣстѣ видишь шропинку: идешь, вязнешь, освобождаешься, хватаясь за кустарники, и наконецъ онъ уже на шой споронѣ! — Нешерпѣливый бѣжишь; алмазы и яхонты свѣтившися; но златоперая вспорхнула — и Сеидъ, вновь обманушый Сеидъ, ничего болѣе не видишь, кромѣ груды дикихъ камней и сѣраго песку! —

Такимъ образомъ все порхала и обманывала его *златоперая*. Сядешь на терны — алѣюшь розы; улепишь — торчашь иглы! Присѣла на ушломъ пнѣ — подь нею гыба чистаго серебра; улешла — осшалась гнилая колода! — Садилась ли *златоперая* на сухое дерево: зелѣнѣло; прикасалась къ увядшимъ цвѣтамъ — оживали!... Но упреннія шѣни пальмъ и кедровъ сокращились, зной запылалъ, паспухи и спада иска-

ли прохлады. Все возвѣщало полдень, *златоперая* помнила назначенный часъ, и крапчайшимъ пушемъ привела непримѣпно Сеида къ хижинѣ мудраго Абуфара. — Здравствуй, Сеидъ! сказала, улыбаясь спарець: доволеңъ ли ты своею спусницею? — „Опець мой! воскликнулъ юноша; не спану рассказы-вашъ шебѣ, что я видѣлъ и что испыталъ; но скажи, ради самаго Пророка, скажи мнѣ скорѣе, что это за чудесная *златоперая* пшичка?“ — Ее зовушь, ошвѣчалъ спарець: *Воображеніемъ*. Такъ, сынъ мой! *воображеніе* придаетъ вещамъ прелестный, но обманчивый блескъ. Оно проспирается на все неизъяснимое очарованіе, превращая безобразіе въ красоту и пылъ въ золото. Ахъ! эта *златоперая* пшичка давно чудеситъ и шворитъ бѣды подъ солнцемъ. Сколько несчастливцовъ покидаютъ мирные кровы родины своей и бѣгутъ безъ цѣли изъ одной страны въ другую, ища обѣщаннаго *воображеніемъ*. Многие спонушь, преплывая моря, или гибнушь на войнѣ прежде, нежели найдешь обѣщанное; другіе находяшь и

скучають, ибо находяшь не шаковымъ какъ предспавляло имъ сіе издали *воображеніе*. *Златоперая*, какъ самъ перь знаешь, предспавляешь все въ преврашномъ видѣ, всему придаешь ложную цѣну. Но я сдѣлаю тебѣ дорогой подарокъ — и съ симъ словомъ вручаешь ему оправленное въ золошѣ *стекло*. — Оно имѣешь даръ разрушаешь всѣ чары *воображенія*. Имѣй всегда при себѣ шалисманъ сей и помни, что истинную цѣну вещей не иначе можно познашь, какъ смошря на нихъ сквозь *стекло разсудка*.

Фед. Глинка.

IV. НЕЩАСТНАЯ Н.....

(Истинное происшествіе.)

Солнце склоняется къ западу. Пурпуровыя облака, перенимая лучи, прохлаждаютъ воздухъ. Свѣшное озеро чуетъ, чуетъ колышется. Чистыя спруи горятъ разными огнями: по рубинъ, по золото, по сафиръ, по изумрудъ, кажутся, въ нихъ переливаются. Мягкая мурава и пестрые полевые цвѣты дышатъ ароматами. Сѣрая ушка выводитъ за собою многочисленное стадо своихъ малюшекъ изъ зеленаго просшика, гдѣ скрывалась ошъ палящаго полуденнаго зноя; плещется въ прохладныхъ спруяхъ, и жидкой жемчугъ сыплется съ крыльевъ ея по волнующимся кругамъ. Влюбленной жаворонокъ кружится на высотѣ воздушной. Звонкая пѣснь его далеко раздается по гладкому озеру. Невинныя, милыя дѣши, въ легкихъ бѣлыхъ плащяхъ, съ русыми кудрями, играютъ на лугу близъ деревни, гдѣ пасется пестрое стадо гусей. Вдали на полѣ шрудолюбивый земледѣлецъ, подкрѣплен-

ный свѣжестію вечера, опять принимаеся за плугъ, напѣвая сельскую пѣсню. Картина щастія! — Но вошь на воспочномъ небѣ показываюцца синія облака—спекаюцца—клубяцца. Повѣяль сырой вѣсперь. Гибкій шроспникъ шумитъ и волнуеця. Гладкое озеро рябѣетъ. Зеркальная его поверхность покрылась шускомъ. Гдѣ жаворонокъ? гдѣ дѣши? Все бѣжитъ, скрываетъ ошь опасносци. Черная шуча лешитъ съ ревомъ. Ближняя дубрава спонешъ. Порывистые вихри свиспятъ въ черномъ бору на сельскомъ кладбищѣ. Темноша покрыла окрешносци.—Но кто шамъ блуждаетъ между надгробныхъ кресповъ и камней? Не шѣнь ли милой красавицы, вызванная изъ царсшва смерши опчаянными спенаніями влюбленного юноши?—Нѣшь, эшо нещасная Н.... Помѣшанной разумъ водитъ ее всегда между печальными предметами. Она поетъ гимнь Всевышнему. — Хошите ли слышанъ о ея нещасіи?

Н.... дочъ закипочнаго ремесленника. Въ шесшнадцать лѣшь была невинна, какъ Ангель — прекрасна какъ

Майское утро. Доброй опець не могъ ею налюбовашься, знакомые нахвалишься, любезные юноши насмопрѣшься. Н..... любила оща, любила его знакомыхъ; но не знала еще любви къ юношамъ; не знала того сладостнаго чувства, которымъ два существа влекушья одно къ другому, которое два сердца сливаешья, такъ сказать, во едино — не видѣла ихъ спрасшныхъ взоровъ, не слышала ихъ любовныхъ вздоховъ. Простосердечна, весела, рѣзва со своими подругами, она не понимала, что ешь на свѣшѣ еще большія пріянности, нежели невинныя игры ихъ, большее щастіе, нежели родственная ихъ любовь. Радость всегда цвѣла въ ея невинномъ сердцѣ; радость всегда блиспала въ ея взорахъ; здоровье на румяныхъ ея щекахъ. Такъ безмяшежно текла жизнь красавицы. Но кто изъ земнородныхъ не испыталъ горя? Въ палахахъ и въ хижинѣ, въ золошѣ и въ рубищѣ проливають слезы. Увы! невинная Н....., жестоко его испышала, испила всю чашу бѣдспвій сея жизни.

Одинъ сласполюбець, полагавшій

Верховное благо только въ одномъ пошпидномъ услажденіи чувспвъ, и кошорому въ пошь мѣспѣ, гдѣ жила милая дѣвушка, мало что могло прошивишься, увидѣвъ сію любезную красавицу, воспылалъ къ ней скошскою спрасптію. Онъ не замедлилъ объявленіемъ ей объ оной; но дѣвушка нимало не думала ему опшвѣшпвовашь. Лъспивыя слова, пышныя обѣщанія, блестящіе подарки, хипрые зазывы, гнусныя совѣпы, все употреблено было любоспраспнымъ; но дѣвушка оспалась все равнодушною. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ напалъ на невинную; но всегда получалъ одну только холодность, а иногда и доспойное презрѣніе. Любовь усиливается препяшпвіями, сладоспраспшіе воспаменяется сопротивленіемъ. Въ одинъ жаркой лѣспній день Н..... прохлаждалась въ прозрачныхъ спруяхъ испочника, близъ городка текущаго. Злодѣй, какъ волкъ голодный, сперегшій вездѣ свою добычу, увидѣлъ ея прелеспи безъ покровя и запрепешалъ опъ воспорга. Пожирая оныя глазами, съ адскою улыбкою являешся изъ за ку-

шарника изумленнымъ взорамъ дѣвушки, и приближается къ ней съ распроспертыми объятіями. Стыдъ, гнѣвъ, гореснь, опчаяніе оковали языкъ ея. Но приближеніе опасности придало ей сверхъестественныя силы. Она вырвалась изъ ненавистныхъ рукъ, и съ быстрой усрашенной серны сокрылась въ густому лѣса. Сласполюбець, обманушый въ своей надеждѣ, преспыженный ея презрѣніемъ, воскипѣль къ ней неукрошимою злобою. Любовь преврапилась въ ненависть. Онъ кланешся опомшишь, обругашъ невинную. Видишь ея плашье, и вдругъ адская мысль родилась въ мрачной душѣ его. Уносишь плашье съ собою. Трепещущая дѣвушка долго еще не показывалась; но наконецъ ободрясь, пошла на шо мѣсто, гдѣ оставила свою одѣжду. Съ чемъ сравнишь ея изумленіе и гореснь, когда она ничего не нашла тамъ? Какъ возвращишья домой нагою чрезъ городъ въ полдень? — Рѣшаешся до глубокой полуночи пребышь въ лѣсу въ ошдаленномъ мѣстѣ, въ самомъ глухомъ кустарникѣ. Дикое уединеніе,

споль спрашное для беззащитныхъ дѣвушекъ; темноша ночи, ужасная для робкаго воображенія; сырой, холодной ночной воздухъ; а болѣе всего мучительныя мысли привели ее въ безпамятство. На прешій уже день отецъ нашель ее далеко въ лѣсу, нагую, изнуренную, изъязвленную, едва дышащую, и — безъ ума. Родительскими спараніями жестокіе лихорадочные припадки прекрашились, скоро и болѣзнь совершенно миновалась; но разумъ — не возврапился. Одно шолько чувство обиды осталось навсегда у ней въ свѣжей памяти.

Грянуль громъ. Злодѣи! шрепещише.

Калсковооткинской заводѣ.

Н. Малышевѣ.

V. ЛЮБЕКЪ — ГЕРЦОГСТВО ГОЛШТИНСКОЕ.

(Изъ Записокъ Рускаго Офицера.)

Подъѣзжая къ Любеку, ожидалъ я, судя по богатству жишелей, видѣть множество прекрасныхъ загородныхъ домовъ... Но ожиданіе мое было обмануто: немногія, весьма обыкновенныя зданія возвышались не вдалекѣ отъ заставы; послѣ уже узналъ я, что городскія владѣнія не простираются далѣе вала. Городъ не великъ, не огроменъ въ сравненіи съ другими большими городами Европы; улицы шѣсны, расположены безъ плана, крѣпость полуразрушена... но всѣ строенія имѣютъ на себѣ печать древности; спранный, необыкновенный фасадъ ихъ возбуждаетъ въ началѣ мрачное, непріятное чувство; но мало по малу зрѣніе привыкаетъ къ сему новому необычайному виду, и почтеніе заступаетъ въ душѣ вашей мѣсто непріятности.—Хвалю мирныхъ гражданъ богатаго Любека: они не хотѣли подражать модѣ, дома опцовъ для

нихъ священны, и самая наружность имѣеть нѣчто плѣнительное, особенно для нихъ, ибо они неизмѣнно слѣдуютъ правилу предковъ своихъ: *предпочитай полезное пріятному!* Дворовъ и конюшенъ почти совсемъ нѣтъ; чрезъ широкія, большія двери входите вы въ огромную залу, большою часпкою камнемъ высланную; она занимаетъ всю средину дома, а въ вышину проспирася до самой кровли. Въ сію залу ввозятся всѣ шовары, и посредствомъ блока, вверху ушвѣрженнаго, поднимаются въ назначенное для складки мѣшо. По бокамъ находящяся жилые покои въ шри, чешыре эшажа, къ копорымъ ведутъ лѣсшницы по споронамъ залы усшроенныя. Рѣдко опдѣленіе заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ комнашъ. Для Пешербургскаго расчепливаго купца архитекштура сія показалаь бы очень невыгодною, ибо дома совершенно для найма неудобны; но богатые Любскіе жштели въ числѣ вѣрныхъ доходовъ не считающъ дохода съ домовъ своихъ. Впрочемъ, въ насшоящемъ положеніи дѣль, и для войскъ и для хозяевъ

такое расположеніе комнашь было весьма спокойно: имѣя всегда кварширу, ошдѣленную ошъ прочей, хозяевами занимаемой части дома, Офицеръ не опасается ихъ превожишь позднымъ возвращеніемъ, или — что также нерѣдко случается — веселыми кликами гостей своихъ.

Въ Любекѣ счишается до 3.300 домовъ и слишкомъ 30.000 жителей. Въ городѣ всего только пять церквей, изъ копорыхъ соборная съ принадлежащими къ ней владѣніями, есть независимая собственность Епископа Любскаго. Въ придѣлѣ сего храма Капюлики ошправляютъ свое богослуженіе. Въ Любекѣ мало предметовъ, досшойныхъ вниманія путешественника. Церковь Св. Маріи удивляетъ огромностію своего купола и астрономическими часами, копорыя ушверждены на возвышенной аркѣ; въ полдень, при играніи музыки, выходяшь изъ внутренности оныхъ двѣнадцать апостоловъ довольно большаго роста, и сдѣлавъ одинъ кругъ, возвращаются въ шѣже двери. *Аллегорическая пляска мертвыхъ* привела меня въ удивленіе.

Смерть, въ видѣ скелета, въ самомъ страшномъ образѣ, изволишь забавляться съ Королями, солдашами, купцами, Царицами и прачками всѣми родами панцовъ и плясокъ. Не знаю, что хотѣлъ изобразить художникъ сею странною, ни съ вкусомъ, ни съ разумкомъ несообразною картиною. По моему мнѣнію, даже лубочныя изображенія Страшнаго Суда, которыми изобиловалъ прежде въ Москвѣ Спасскій мостъ, имѣють гораздо болѣе нравственной пользы. Суевѣрный злодѣй, взирая на страшныя кошлы кипячей смолы, на различные роды казней за различныя пресшупленія назначенныя, можешь иногда обратишься на путь правый.

Въ Ратушѣ сего города хранился архивъ союза Ганзеатическаго. Съ любопытствомъ старался я узнать подробности сего древняго, сполько вѣковъ существовавшаго общества. Странно казалось мнѣ, что горсть купцовъ располагала по своему произволу торговлею цѣлой Европы. Возвышеніе Густава Вазы, паденіе ширана Даніи Хри-

тіерна II, многочисленныя флоты, владычествовавшіе на моряхъ Балтійскомъ и Сѣверномъ, служашъ доказательствомъ прежняго могущества и славы вольныхъ городовъ Имперіи.

Не извѣстно когда основался первоначально союзъ сей, но уже въ 1170 году Любекъ былъ въ числѣ городовъ Союза Вандальскаго (такъ назывались всѣ вольныя города между рѣкою Одеромъ и Ельбою лежащіе). Слабый, худо населенный, сдѣлался онъ вскорѣ добычею власнолюбивыхъ Королей Даніи. Въ царствованіе Вольдемара II, Любекъ совершенно опустошенный пожаромъ, благотворительностію и щедрошою сего Государя возникъ изъ пепла въ новой красотѣ и величіи; но желаніе свободы воспоржествовало надъ благодарностію вольныхъ гражданъ: при несчастномъ положеніи дѣлъ Вольдемара, они первые обратили оружіе прошивъ Даніи, и получивъ прежнюю независимость, заключили въ 1241 году шѣсныя, дружественныя связи съ Гамбургомъ и Бременомъ. Тогда союзъ сей сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ великой Ган-

бы. Болѣ осмидесяти городовъ участвовали въ ономъ. Для распространенія торговли, основали они еще въ 1198 году Ригу, Ревель и Нарву; потомъ учредили свои конпоры въ Новгородѣ (для Россіи), въ Бергенѣ (для Норвегіи), въ Лондонѣ (для Англіи) и въ Антверпенѣ (для Голландіи). Вездѣ имѣли они своихъ повѣренныхъ и властвовали самодержавно надъ кошельками Европы. Изъ числа значнѣйшихъ вольныхъ городовъ были: Любекъ, Гамбургъ, Спиральзундъ, Брауншвейгъ, Магдебургъ, Данцигъ, Рига и проч.

Но Любекъ всегда удерживалъ первенство: онъ былъ блюстителемъ законовъ; онъ располагалъ всѣми сообщеніями чужеземными; въ сѣбѣнахъ его собирались послы отъ другихъ городовъ Ганзеатическихъ. Всѣ деньги, архивы, обществу принадлежавшія, хранились въ его Рапушѣ. Слабость Даніи, мяшежи и безначаліе, раздиравшіе Германію, способствовали распространенію власти купцовъ; но безпрестанные происки и зависѣ одного вольнаго города къ другому, ослабивъ общія

силы, были причиною уничтоженія союза въ половинѣ XVI столѣтія. Только три города: Любекъ, Гамбургъ и Бременъ сохраняли слабую тѣнь прежней свободы: наконецъ честолюбивый Наполеонъ ошаспливилъ ихъ присоединеніемъ къ великой своей Имперіи, назвавъ всѣ сіи обласпи Департаментомъ устья Ельбы. — Вошь крашкая и, кажется, самая вѣрная исторія Союза Ганзеатическаго.

Съ горестію рассказывали мнѣ жители о несчастномъ опустошеніи Блюхера въ 1807 году отъ сего города. Признаюсь, что я не желалъ бы пользоваться тою славою, которая обезсмертила имя Давуста въ сей сторонѣ Европы. Никто не говоритъ объ немъ безъ содроганія и ужаса. Теперь оплещается онъ въ спѣнахъ Гамбурга. Я видѣлъ тысячи изгнанныхъ имъ гражданъ, едва имѣющихъ чѣмъ прикрышь нагошу свою: безъ челоѡколюбивой помощи Любека, преждевременно ждала ихъ ужасная, голодная смерть. Если не ошибаюсь, то въ гошпишалахъ сего города помѣщалось ихъ до десяти ты

сячь человекъ. При семь случаѣ не могу не упомянуть съ сердечнымъ удовольствіемъ о благородномъ поступкѣ здѣшнихъ дамъ. Женщины и дѣвушки, всѣхъ соспояній, безпрестанно заняты были работою, которая въ назначенные дни продавалась съ публичнаго шорга въ пользу несчастныхъ Гамбургцовъ. Само собою разумѣется, что цѣна симъ вещамъ была не вѣроятно велика. Иностранцы, и особенно Русскіе Офицеры, немало способствовали возвышенію оной. Каршины, кошельки, корзинки, цѣпочки, шитье, однимъ словомъ: произведенія всѣхъ рукодѣлій — доставляли весьма значительное вспоможеніе бѣднымъ пришельцамъ. Кажется впрочемъ, что красота и любезность работавшихъ опредѣляли и цѣну работамъ ихъ. Каршинка или кошелекъ *красавицы* безъ сомнѣнія продавались въ десять разъ дороже.

Во время пребыванія моего въ Любекѣ имѣлъ я случай познакомиться съ нѣкошорыми Шведскими Офицерами. Я ожидалъ найти въ нихъ пылкихъ, чувствительныхъ помощковъ храбрыхъ

Скандинавовъ, и нашелъ молчаливыхъ, хладнокровныхъ сыновъ снѣжныхъ утесовъ Сѣвера. Даже Нѣмцы несравненно привѣпливѣе и разсѣяннѣе. Жители здѣшніе, особенно женщины, знакомясь со Шведами, спали еще болѣе любивъ веселыхъ, беззаботныхъ Русскихъ. Въ гарнизонѣ сего города находилось три полка изъ арміи Наслѣднаго Принца, въ помѣ числѣ одинъ вновь сформированный изъ плѣнныхъ Французовъ, Италіанцевъ и Испанцевъ; онъ называется Королевскимъ Шведскимъ полкомъ. Смѣшеніе людей разныхъ народовъ производивъ частыя ссоры и безпорядки. Я самъ былъ свидѣтелемъ ужасной развязки весьма непріятнаго приключенія. Нѣсколько пьяныхъ Испанцевъ сдѣлали шумъ въ домѣ одного обывателя: ни просьбы, ни убѣжденія не могли ихъ успокоить; хозяинъ нашелся принужденнымъ позвать папирольшого же полка, и пятнадцать вооруженныхъ Французовъ не могли сладить съ пястью Испанцами, копорѣ защищались только ножами. Наконецъ сіи послѣдніе, ослабѣвъ опъ продолжились-

наго сраженія и зарѣзавъ однако двухъ человекъ, должны были покориться. Изъ нихъ одинъ шолько былъ раненъ. Происшествіе сіе надѣлало много шуму въ городѣ; наряжена была военная коммиссія, кошорая осудила двухъ главныхъ виновниковъ убійства къ смерти. Жители весьма недовольны, что казнь совершалась на городской площади, кошорая находилась въ нѣсколькихъ ошъ меня шагахъ. Любопытство побудило меня взглянуть на сіе горестное зрѣлище. Преступники вышли изъ Собора, гдѣ, какъ я сказала уже выше, есть Каполическая церковь. Не въ дальнемъ разстояніи ошпуда поставлены были два сшула; 12 солдатъ съ заряженными ружьями были уже готовы — дружески обнялись несчастные — я не могъ смотрѣть болѣе, побѣжалъ въ свою квартиру, не оглядываясь — услышалъ нѣсколько выстрѣловъ.... *все кончилось*, подумалъ я. Не могу описатьъ, что я чувствовалъ. Безъ сомнѣнія злодѣи сіи были достойны жесочайшаго наказанія; но тысячи мыслей спрашныхъ, неочаянныхъ волновали душу мою.

Я оставилъ Любекъ, доволенъ будучи гостепріимствомъ жителей и многими пріятными знакомствами, мною шамъ сдѣланными. Надобно замѣтишь, что сей городъ, раздѣляющійся на 12 товариществъ (collegues), имѣеть одно, сославленное изъ благородныхъ (Patricii). Нѣкошорые изъ нихъ находились въ Русской службѣ. Весьма много обязанъ я ласкамъ и вѣжливости Г. *Еверса*, бывшаго Ротмистра Лейбъ-Гусарскаго полка. Онъ принялъ меня какъ роднаго. Въ шихомъ кругу сѣмейства забылъ онъ думать о самолюбіи, о всѣхъ почестяхъ и чинахъ... я не осуждаю его, пошому что онъ щасливъ. Правленіе или Сенатъ Любека сославляютъ 4 Бургомистра и 16 Совѣтниковъ изъ дворянъ, ученыхъ и купцовъ избираемыхъ. Спранно показалось мнѣ, что споль просвѣщенные и челоуѣколюбивые граждане не допускають свободы въ вѣроисповѣданіи. Причина сія препяшисвуешь расширенію шорговли, лишаешь ихъ многихъ выгодъ; но по спранному заблужденію они не хощають перемѣнить сего постановленія. При впаденіи *Тра-*

вы въ Балтійское море находится небольшой городокъ *Травелюнде*, съ хорошею приспашью, изъ кошорой каждый годъ выходитъ болѣе 1000 кораблей.

Не знаю, какъ чувствовали и рассуждали здѣшніе жители до 1813 года; но теперь снова шолкують шолько о своей свободѣ и независимости: ненавистная для нихъ гильшина и Французскія шаможни исчезли; они пользуются прежними своими правами и управляются прежними законами.

Одесслов, первый довольно хорошій городъ Герцогства Голштинскаго, извѣстенъ по солянымъ заведеніямъ, кошорыя одни шолько снабжаютъ солью всѣ Дашскія владѣнія. Прежде получалась она изъ Фавціи и соспавляла значительную часть расходовъ. Нѣкошорые спарики помнятъ еще ПЕТРА III. Вообще всѣ жители не довольны правительствомъ Даніи. Поведеніе Короля въ послѣднее время возбудило всеобщее негодованіе. И дѣйствительно должно приписать особенному предубѣжденію въ непобѣдимости Наполеона постыдное опклоненіе Даніи отъ всеобщаго

союза народовъ. Непонятная политика Копенгагенскаго Кабинета въ 1813 году удержала владычество Французовъ въ Сѣверной Германіи. Гамбургъ былъ бы свободенъ, Голштинія и всѣ сосѣдственныя обласпи избѣжали бы опустошенія, неразлучнаго съ военными дѣйствіями. Позднее разскааніе бесполезно!

Голштинія, вмѣстѣ съ Шлезвигомъ и Голшпорфомъ, заключаешь въ себѣ до 330.000 жителей. Земледѣліе и скотоводство составляютъ главную вѣшь ея промышленности. Впрочемъ и торговля находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Городъ *Генсдорфъ* замѣчательнъ славнымъ Голштинскимъ каналомъ, соединяющимъ Сѣверное море съ Бальшійскимъ. *Глюкштадтъ*, *Альтона* привлекають къ себѣ многочисленное купечество изъ различныхъ Государствъ Европы, и обилуютъ товарами всякаго рода. *Киль* славится Университетомъ, кошорый имѣешь теперь до 200 Студентовъ. Но напрасно въ странѣ сей взоръ вашъ будешь искашь чего нибудь великаго, необыкновеннаго; напра-

сно спанеше пробѣгашь лѣпописи оной, что бы усладить духъ свой высокими воспоминаніями древности! Нѣтъ никакихъ памятниковъ славы народной, никакихъ благошворныхъ заведеній общественныхъ. Мнѣ кажется, что сосѣдство съ Гамбургомъ и Любекомъ сдѣлало жителей здѣшнихъ эгоистами. Всякой думаетъ только о самомъ себѣ.

Почти вся Голштинія лежитъ на равнинѣ, слѣдовательно мало видовъ живописныхъ, очаровательныхъ. Есть однако же мѣста, въ которыхъ богатство и искусство употребили всѣ усилія для образованія дикой природы. Въ трехъ миляхъ отъ *Олдеслое*, находящіяся мѣстечко *Аренсбургъ*, съ великолѣпнымъ замкомъ и садами, принадлежащими Графу Шиммельману. Мнѣ рассказывали спранный анекдотъ о причинахъ возвышенія сей фамиліи. Дѣдъ владѣльца *Аренсбургскаго* былъ подрядчикомъ въ арміи Фридриха II. Не знаю какимъ случаемъ узналъ онъ при покореніи Мейссена, что въ замкѣ *Албрехтсбургъ*, гдѣ находилась фарфоровая фабрика, скрыто было до миліона талеровъ.

Фридрихъ, не зная что дѣлать съ фарфоромъ, найденнымъ на фабрикѣ, рѣшился продать и то и другое. Хищный Шиммельманъ предложилъ 100.000 палеровъ, почти насюющую цѣну. Король съ радостію согласился на предложеніе, и чрезъ нѣсколько времени подрядчикъ Прусской арміи явился въ Даніи съ шипломъ Графа Шиммельмана, купивъ богатые помѣстья въ Голшпиніи и Америкѣ. И теперь еще попомки его, раздробившіе имѣніе на нѣсколько частей, счисляются въ числѣ знатнѣйшихъ владѣльцовъ Даніи. Спранный оборотъ судьбы человѣческой!

1813.

А. Раевскій.

~~~~~

VI. О ЧУВСТВАХЪ.

(Изъ Génie de Bossuet)

Неисповодимыя спраски наши не вдругъ обнаруживаются; но начало производящее ихъ, кроется въ насъ съ того времени какъ мы получили бытие. Жизнь начинается чувствами. Что такое человекъ во время младенчества какъ не плошь?

Мы лишены малѣйшаго употребленія разсудка въ началѣ и въ продолженіи первыхъ годовъ нашей жизни; едва начинаешь онъ показываться, то съ нимъ мало по малу открываются всѣ спраски; когда же дѣйствія его становятся совершеннѣе, то вмѣстѣ освобождаются онъ изъ всѣхъ порочныхъ склонностей возбуждаемыхъ чувствами.

Облеченные шлемъ, и получая первыя впечатлѣнія отъ свойствъ тѣлесныхъ, мы оспаемъ его рабами. Какого намъ споминать труда различать душу отъ шела? Сколько есть людей; копорые совсемъ не чувствуютъ сего различія? и даже шѣ, копорые отдѣля-

юпся духомъ оупъ вещества, не погружаются ли невольнымъ образомъ оупяпъ въ него, если не упоупреблпшь всѣхъ своихъ усилій, чшобъ положишь предѣлы своему воображенію — и не только положишь ему предѣлы — но даже владѣшь сею способностію, кошорая споль часто нами обладаешъ.

Обрапимся ли мы къ народамъ дикимъ, кошорые насъ числомъ превосходяпъ — они упоупреблпють разумъ только на удовольствореніе тѣлесныхъ нуждъ; въ нравспвенномъ опношеніи можно почешъ дыханіе лучшимъ ихъ дѣйспвіемъ. А народы образованные, владѣють ли чувспвами по причинѣ упопченнаго ума? Возможно ли имъ владѣшь оными, когда и самые Хриспіане обуздапъ ихъ не могутъ! Въ чемъ соспопшь бесѣды и заняшія молодыхъ людей въ наше время, когда скромность почиаетъ посрамленіемъ? О чемъ вздыхаютъ спарики, жалуясь на быспрошу пропекшихъ годовъ? Чшо они желяють воропшипъ вмѣстѣ съ юностью своею, когдабъ шо было возможно, какъ не удовольствіа чувспвен-

ныя? Не должно ли заключить изъ сего, что мы состоимъ изъ одной только плоти?

Разсужденія смертныхъ слабы и несовершенны, предусмотрительность ихъ ненадежна, плѣло наше, подверженное немощамъ, опягощаетъ душу и земный прахъ угнѣшаетъ разумъ, для размышленія сотворенный: намъ даже затруднительно познаніе вещей на землѣ обрѣшающихся; съ крайнимъ напряженіемъ силъ мы едва проникаемъ устройство вещей, представляющихся глазамъ нашимъ—но въ состояніи ли кто проникнуть что выше земнаго?

Тѣло, удерживая возвышенный полетъ нашихъ мыслей, привязываетъ насъ къ землѣ, насъ—которымъ бы должно было созерцать одного только Бога. Оно для насъ тяжостное бремя и спавишь намъ преграды непреодолимыя; оно иго, наложенное на всѣхъ потомковъ Адама съ той минуты, какъ они исходя изъ лона матери, начинаютъ наслаждаться свѣтомъ и до того, пока общая матеръ наша, земля, не приметъ плѣнный прахъ ихъ. И такъ любовь къ чувствен-

нымъ наслажденіямъ, сдѣлавшись шягосп-
нымъ для души ярмомъ; естъ причина
ея несовершенствъ и порабощенія.

Опъ чего происходишь, что нече-
спивый не познаешь Бога, и что
споль многіе народы и даже всѣ жише-
ли міра, долгое время его не познавали,
не смотря на то, что поняшіе о немъ
хранился въ насъ самихъ вмѣспѣ съ
поняшіемъ совершенства? Опъ чего сіе
происходишь, еспьли не опъ недоспап-
ка вниманія и опъ того, что челѣвкъ,
предаваясь чувстввамъ и воображенію,
не хочеть или не можешь углубиться
въ самага себя, ни плѣнишься поняшія-
ми чисными, которыхъ просшую испи-
ну не можешь хранишь разумъ его,
ошыгощенный грубыми изображеніями.

К. О.

VII. ВВЕДЕНИЕ КЪ НОВѢЙШЕЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ *ДЕЛИЛЯ ДЕ САЛЬГА* *).

Первыя понятія о Всеобщей Монархіи.

Мы теперь намѣрены обозрѣть пространство времени, заключающее въ себѣ не болѣе полувѣка, но обильное событіями; сохраненіе оныхъ въ памяти несравненно полезнѣе, чѣмъ описаніе царствованія двадцати Ниневійскихъ, Вавилонскихъ и Экбатанскихъ Монарховъ или чешырехъ династій Фараоновъ.

Многимъ причинамъ должно приписывать сіе богатство въ происшествіяхъ, достойныхъ рѣзца Тацита, кои обязаны мы, дабы не выступить изъ предназначенныхъ намъ предѣловъ, изложимъ въ нѣкоторомъ сокращеніи.

*.) Сіе швореніе служило продолженіемъ Истории *Аббата Милота*. Оно уже переведено на Русскій языкъ, со включеніемъ послѣднихъ Европейскихъ происшествій до самаго отпращиванія Наполеона Бонапарта на островъ Св. Елены.
Прил. Перевод.

Одна изъ главныхъ причинъ тому есть исполинское шествіе ума человѣческаго послѣ изобрѣшенія книгопечатанія: сей умъ, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями, доставленными ему Испорією, и коихъ уже не можешь болѣе лишишься, разрушаетъ все окрестъ себя, для опысканія новыхъ путей къ шоржеству, и шествуешь, подобно Александру, ошъ побѣдъ къ побѣдамъ, пока Океанъ преградить ему путь.

Міръ раздѣленъ былъ прежде на малыя, независимыя другъ ошъ друга сѣмейства; народы уважали границы, кои состояли изъ горъ и морей; Аравія заключалась въ своемъ полуостровѣ, Кишай за каменною стѣною, а Греція въ своемъ Архипелагѣ. Въ послѣдшвіи Римъ, съ помощію ненасытнаго своего честолюбія, щасливыхъ пресупленій и великихъ побѣдъ, распространилъ поприще, на коемъ игралъ онъ свою ужасную роль. Треть извѣснаго міра содѣлалась наслѣдіемъ Кесарей. Чингисханъ и Магомешъ возобновили въ Азіи чудеса завоевашельнаго Рима; и всѣ народы, надѣявшіеся на свои силы, стремились,

сколько можно, ко всемірному обладанію.

Было время, когда Карль Великій могъ сдѣлать Парижь столицею міра; но несчастію онъ одинъ только имѣлъ геній въ своемъ вѣкѣ; сей исполинъ не могъ оживошворять болѣе пятидесяти миліоновъ пигмеевъ; предиріятіе не достигло до надлежащей зрѣлости, и Европа по смерти его осмалась въ невѣжесствѣ и раздѣленіи.

Долго упрекали Лудовика XIV въ томъ, что покушался подвергнуть Европу одной коронѣ; умирая, онъ самъ себя упрекалъ въ сей погрѣшности, помѣшавшей ему совершить полезныя завоеванія надъ собственнымъ Государствомъ; но при всемъ томъ произвелъ онъ въ семь родѣ великой и достопамятный переворотъ: мудрымъ покровительствомъ наукъ и искусствъ онъ доставилъ Франціи такое владычество надъ свѣтомъ, которое, судя по правиламъ челоуѣколюбія, предпочтительнѣе владычества, приобретаемаго оружіемъ.

Наконецъ сокрушился Французскій

Пресполь опъ вѣхоспи; война за свободу объяла пламенемъ половину земнаго шара; Французы, волнуемые фанатизмомъ независимости, увѣренностию въ своемъ превосходствѣ и сверхъ того желаніемъ омытъ свои злодѣянія въ океанѣ славы, вручили верховную надъ собою власть начальнику новой династїи, и политическое соспояніе Государствъ приняло новый видъ.

Съ сего времени горизонтъ Исторїи увеличился; мѣсто достопамятныхъ происшествій заспутили чудеса, для описанія коихъ едва достапочно будетъ десяти Ксенофоновъ и цѣлаго полувѣка.

Итакъ сіе пятидесятилѣтнее пространство, подобное единой почкѣ въ сравненїи съ безчисленными вѣками, пропекшими со времени гражданскаго образованія міра, имѣетъ особенную занимательность для каждаго любящаго находить удовольствіе въ размысленїи; сіи пятьдесятъ лѣтъ, опличающіяся богатствомъ своимъ, при сличенїи оныхъ со скудностію первоначальныхъ вѣковъ, примиряютъ нѣсколько разумъ со лжами, въ коихъ видѣнъ геній Геродоша.

Картина Франціи предъ ея возобновленіемъ.

Франція, при заключеніи двухъ мирныхъ прахшатовъ, Парижскаго и Губершбургскаго; послѣ коего Европа нѣсколько опдохнула по прешерпѣннн продолжншельныхъ бѣдснвнй, находилась въ нспощеннн, къ поправленню коего претобовались сильныя средспва, а именно—завоеваннн.

Лудовнкъ XV, неимѣвшнй способноснн самъ собою царспвовашъ, управлнлъ Государспвомъ посредспвомъ женщннъ; въ объншнхъ и даже на подушкѣ Маркнзы Помпадуръ ошспавлялъ онъ членовъ Парламента, смонрѣлъ сквозъ пальцы на вредныя узаконеннн и назначалъ Полководцевъ. Народъ давно уже забылъ, что даль ему наименованнн *возлюбленнаго*; но снн забвеннн, великнй урокъ для Государей, не исправляло его.

Вся Европа находилась не въ лучшемъ состояннн; Гншпаннн и Италнн имѣли еднннн полншческаго существованнн; Польша, въ коей не царспвовалъ еще слабнй Понншовскнй, едва

могла предусматривать свой раздѣлъ: Султанъ дремалъ въ своемъ сералѣ; Австрійскій домъ болѣе надѣялся на прежнюю свою славу, чѣмъ на дѣйствительную увѣренность въ своихъ силахъ; преемники ПЕТРА Великаго въ тишинѣ пригошовляли Россію къ великимъ подвигамъ.

Двѣ полько державы обезпокоивали Францію: Пруссія и Великобританія. Пруссія, коей вся сила заключалась въ головѣ Фридриха Великаго, составляла уже вмѣстѣ съ двумя другими державами планы къ раздѣленію Польши; Великобританія, коей могущество, несколько не зависящее отъ ея престола, заключалось въ ужасномъ флотѣ, была опаснѣйшимъ непріателемъ: она напоминала Карѳагенъ Риму; но гордость ея усугублялась тѣмъ, что перешнѣй Римъ имѣлъ вмѣсто Сципіоновъ Графа Грасса и Принца Субиза.

Миръ Парижскій.

Карѳагенъ, какъ надлежало ожидать, одержалъ верхъ надъ Римомъ; онъ при-

нудиль соперника своего заключишь посыднй миръ, ошъ коего послѣднй не иначе могъ освободиться, какъ усшремясь къ славѣ подъ знаменами Полководца, основателя новой династїи.

Помянушй миръ пригощовленъ былъ въ 1761 году фамильнымъ договоромъ, изобрѣшеннымъ Герцогомъ Шуазелемъ, посредствомъ коего дѣяшельный и проицашельный Миниспръ соединилъ между собою всѣ вѣшви Бурбонскаго Дома, царшвовавшаго въ Пармѣ, во Франціи, обѣихъ Сициліяхъ и Гишпанїи; въ шракташѣ постановлены были общїя права и привилегїи касашельно мореплаванїя и шорговли; сей дипломатическїй актъ можно почешъ дѣйствительною Государственною мѣрою: ибо оный пригощовлялъ для Англіи новыхъ непрїяшелей и уничтожалъ морскїя ея силы, принуждая оныя къ раздѣленїю.

Пишшъ, непримиримый врагъ Бурбоновъ, узналъ въ Лондонѣ о фамильномъ договорѣ, лишь шолько оный былъ подписанъ; онъ шопчасъ взялъ опсшавку ошъ всѣхъ своихъ должностей; сіе самое ускорило миръ, въ коемъ побѣди-

тели не менѣ побѣжденныхъ имѣли
 нужду. Герцогъ Бедфордскій былъ по-
 сланъ въ Парижъ, чшобъ шракшовашъ о
 предварительныхъ спашьяхъ онаго съ
 Маркизомъ Гримальди, Посломъ Гиш-
 панскимъ, и съ Герцогомъ Шуазелемъ.
 Сіи предварительные переговоры про-
 должались только два мѣсяца; Герцогъ
 Бедфордскій опличался рѣшимоспію,
 однако же долженъ былъ уступитъ Шу-
 азелю. Послѣ жаркихъ сношеній. Полно-
 мочные не могли согласишься только
 въ одномъ пунктѣ, а именно въ томъ,
 что бы Англійскому гарнизону находишь-
 ся на островахъ Новой Земли и Ми-
 келона, для воспрепятствованія Фран-
 ціи въ ловлѣ трески. Французскій Ми-
 нистръ, оскорбленный уцорствомъ сво-
 его противника въ такомъ дѣлѣ, кошо-
 рое предосудительно было для чести
 его націи, сказалъ ему съ живоспію: *ну,
 такъ я избираю войну; уѣзжайте.* Сіе
 слово, кошорое казалось уничижало
 всякое примиреніе, ускорило оное, по-
 добно тому кругу, кошорый проведенъ
 былъ жезломъ Попилія. Такая смѣлоспъ
 сильно подѣйствовала надъ Герцогомъ

Бешфордскимъ, и миръ тогда же былъ подписанъ. Сіе легко было для гордости самаго Лудовика XV, сохранившаго даже въ униженіи печать величія, ибо всегдашній врагъ Французскаго имени подписалъ миръ въ его собственномъ дворцѣ, въ Фоншенебло.

Униженіе Французской дипломатіи.

Миръ 1763 года, по главнымъ его основаніямъ, естъ дѣйствительно торжество для Англіи; для одной только формы возобновили въ ономъ Ахенской миръ; но заставили Францію опказаться ошъ правъ на Акадію. Лондонскій Кабинетъ принудилъ уступитъ ему Канаду, мысъ Брешонъ и всѣ острова въ заливѣ и на рѣкѣ Св. Лавренсія. Франціи оставлены были только малый островъ Горей, на Сенегалѣ и нѣсколько коншоръ, безъ всякихъ укрѣпленій, въ Индіи на Коромандельскомъ берегу.

Къ вѣщему посрамленію невольника Госпожи Помпадуръ принудили его опречъся ошъ требованія возвраща его

кораблей, взявшихъ въ мирное время и вопреки народнаго права. Положено также было, чтобъ укрѣвленія Дюнкирхена были разрушены подъ наблюденіемъ Англійскаго Коммиссара; за сію-то цѣну Бедфорпскій Герцогъ склонилъ гордость своего Кабинета къ тому, что Франціи возвращены были Гваделупа и Мариника.

Очевидно, что таковой миръ былъ оскорбительнъ для правительсва; но ежели перенеслись мысленно въ то время, въ которое оный исторгнутъ былъ у слабой Франціи; ежели разсудить, что надмѣнное невѣжество любовницы причиняло всѣ наши бѣдствія въ чепырехъ часпяхъ свѣта; что флоты Турвиля и Форбена не существовали болѣе; что наши разоренныя колоніи тщетно призывали мстителей: тогда престанемъ обвинять память Герцога Шуазеля; припомъ сей Министръ, проникавшій въ будущность, очень предчувствовалъ, что выиграшь время въ столь несчастныхъ общоцельсвахъ значило получить побѣду. Наученный Исторіею царствовавшихъ во Франціи поколѣній,

онъ разсуждалъ, что честь Французовъ можно нѣсколько помрачить, но не уничтожить; и по своей глубокой политикѣ надѣялся вознаградить по дипломатическимъ искуствомъ, чего лишился бы чрезъ жребій оружія.

Губертсбургскій миръ.

Въ то же время, когда Парижской пракшью опредѣлялъ судьбу Франціи и Великобританіи, миръ Губертсбургскій пресѣкъ вражду трехъ другихъ державъ на твердой землѣ, между Императрицею Маріею Терезіею и Королями Прусскимъ и Гишпанскимъ. Сія послѣдняя держава, униженная усупкою Флориды въ пользу Англіи, утѣшилась при такомъ несчастіи блистательною по видимому ролю, копорую позволили ей играть въ Губертсбургѣ. Три Монарха споручились за цѣлость ея областей и дали обѣщаніе не требовать другъ отъ друга вознагражденій за военныя издержки; испребленіе жителей и испощеніе общеспвеннаго богатства почишаемо было за ничто.

Для доказательства непрочности всѣхъ почти прапашовъ осьмнадцатаго столѣтія, изобрѣшенныхъ махіавелизмомъ, пріемлемыхъ слабосиліемъ и разрываемыхъ дерзосшію, служить то, что Императрица-Королева и Король Прусскій возобновили въ Губершбургскомъ договорѣ главныя статьи Веспфальскаго мира; и такъ вошь минуша, въ копорую два кабинета поклялись уничтожишь Палладіумъ Германіи, раздѣля Польшу; извѣстно, что мяшежи, предшествовавшіе сему великому народному преспуленію, начались въ слѣдующемъ году (1764) со вступленія слабаго Понятовскаго на пронъ Собіесковъ и Ягеллоновъ.

Сіе раздробленіе прекраснѣйшаго Государства, учиненное шѣми же самыми державами, кои обязались пещись о сохраненіи онаго, есть достопамятнѣйшая эпоха періода, описаніемъ коего мы теперь займемся; сіе - то самое раздробленіе открыло Европѣ тайну ея слабости; оно приготовило Французскую революцію; оно причиною нашихъ злодѣяній и непреодолимаго му-

жества, нашей нерадивости внутри Государства и иройской дерзости внѣ предѣловъ онаго, нашихъ продолжительныхъ бѣдствій и безчисленныхъ побѣдъ.

Посредствомъ сей карпицы, представляемой въ абрисѣ, чего потребуешь свойство самаго шворенія, можно означить главные основы, коими будемъ мы руководствоваться въ описаніи бѣдственныхныхъ событій.

Главные причины преобразованія Европы.

Европа, приведенная давностию ея Государствъ въ нѣкоторое дряклое состояніе, преобала для своего возрожденія новаго порядка вещей.

Въ ней оставалось только чешыре державы, кои могли бы вопрошавишься бурѣ:

Пруссія, кошорая до Фридриха Великаго была ничтожнымъ Государствомъ, и кошорая съ его смертію, казалось, потеряешь свое могущество.

Россія, находящаяся на краю машерика и покушавшаяся при ЕКАТЕРИ-

НѢ II повернушь Архимедовъ рычагъ, дабы поколебашь зѣмной шарь.

Англія, обладающая морями помощію своихъ флотовъ и чрезъ то угрожавшая въ случаѣ нужды осадю швердой землѣ, но не имѣющая дѣйствительнаго могущества въ отношеніи къ ея народонаселенію; она принуждена у данниковъ своихъ покупатьъ солдатъ, кои могли ей измѣнить, и мажоровъ, кои могли ее предать; она принуждена раззорять свою торговлю, чѣмъ исключительно пользоваться ею, и прикрывать свое политическое безсиліе единственно несправедливостями своего правительсва.

Наконецъ Франція, дѣйствительно сильнѣйшая держава, чѣмъ прочія шри, судя по ея народонаселенію, безчисленнымъ способамъ, прежнимъ побѣдамъ и надеждѣ опяшь возобновить ихъ; но сія Франція, неузнаваемая въ царствованіе Лудовика XV иностранцами и опъ самой себя, уподоблялась спящему исполину при ступеняхъ шрона, готоваго разрушиться: нужно было землетрясеніе, чѣмъ пробудить ее.

Изобразивъ главныя черты великой картины, начнемъ открывать ее мало по малу и соединяемъ вмѣстѣ самыя разнородныя начала, дабы достигнуть до преобразованія Европы, совершившагося чрезъ испытанное ею бѣдствіе.

Перевелъ В. Соуль.

~~~~~

VIII. РАЗБОРЪ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА:

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ,

Лягушкамъ спало не угодно

Правленіе народно,

И показалось имъ совсемъ *не благородно*

Безъ службы и на волѣ жить 1).

Чтобъ горю пособить,

То стали у боговъ Царя *они просить 2).*

Хотъ слушать всякой вздоръ богамъ бы и

не сродно 3);

На сей однакожь разъ послушалъ ихъ

Зевесъ 4),

Далъ имъ Царя — лепить къ нимъ *съ шу-*

момъ Царь съ небесъ 5),

И плошно такъ онъ трепнулъ на цар-

ство 6),

Что *ходенемъ* пошло *трясцнно* государ-

ство 7).

Со всѣхъ Лягушки ногъ

Въ испугъ пометались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ 8),

И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.

И подлинно, что Царь на диво былъ имъ

данъ;

Не суетливъ, не вершопрашенъ;

Спепенень, молчаливъ и важенъ,

Дородствоиѣ, ростоиѣ великанъ 9);

Ну посмотриѣшь, такъ это чудо!

Одно въ Царѣ лишь было худо:

Царь эшошь былъ—осиновой чурбанъ.

Сначала, чпя его особу превысоку,

Не смѣешь подспунигль изъ подданныхъ
никшо;

Со страхомъ на него глядишь они—и по
Украдкой, издали, сквозь аирѣ и осоку 10).

Но шакъ какъ въ свѣшѣ чуда нѣшь,

Къ которомуѣ не приглядѣлся свѣшъ;

То и онѣ сперва опъ страха опдохнули,

Потомъ къ Царю *подползть* съ преданностью
дерзнули.

Сперва передъ Царемъ *ниркоиѣ;*

А шамъ, кшо посмѣлѣй, дай сѣшь къ нему
боткоиѣ;

Дай попышашься сѣшь съ нимъ ря-
домъ;

А шамъ, которые еще поудалѣй,

Къ Царю садяшся ужъ и *задомъ.*

Царь шерпишь все *по милости своей.*

Не много погода, посмотришь: кшо захо-
чешъ,

Топъ *на него и вскоитѣ 11)!*

Въ три дни наскучило съ шакимъ Царемъ
жишь;

Ляцшки новое челобитье 12),

Чтобъ имъ Юнишеръ въ ихъ болотную дер-
жаву

Даль подлинно Царя на славу 13)!

Молишвамъ шеплымъ ихъ внемля,
 Послалъ Юпиперь къ нимъ на царство
 Журавля.
 Царь эшошь не чурбанъ, совсемъ инаго
 нрава:

Не любитъ баловать народа своего;
 Онъ виноватыхъ ѳстѣ, а на судѣ его
 Нѣтъ правыхъ никого,
 За то ужь у него,
 Что завтракъ, то обѣдѣ, то ужинѣ, то
 расправа.

На жителей болоть
 Приходитъ терной годѣ.
 Въ лягушкахъ каждой день великой недоготѣ.
 Съ утра до ветра ихъ Царь по царству
 ходитъ,

И всякаго, кого ни встрѣтитъ онѣ,
 Тотчасъ засудитъ и проглотитъ 14)!

Вошь пуще прежняго и кваканье и спонь,
 Чшобъ имъ Юпиперь снова
 Пожаловалъ Царя инова;
 Чшо нынѣшній ихъ Царь глошаетъ ихъ
 какъ мухъ;
 Чшо даже имъ не лзя, какъ эшо ни ужасно,
 Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
 Чшо наконецъ ихъ Царь тошнѣе илѣ за-
 сухѣ 15). —
 „Погтожѣ вы прежде жить счастливо не
 улыбли?“

Не мнѣль, *безулыныя!* въцаль имь съ небѣ
глась 16):

Покоя не было опъ васъ?

Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли? —

Вамъ данъ былъ Царь, пакъ потъ былъ
слишкомъ шихъ —

Вы взбунповались въ вашей лужѣ.

Другой вамъ данъ, пакъ эпопъ очень
лихъ —

Живипежь съ нимъ, чшобъ не было вамъ
хуже.

Примѣтанія:

1) *Лягушкамб* стало не угодно

Правленіе народно,

И показалось имъ совсемъ не благородно

Безъ службы и на волѣ жить.

Слово: *не угодно*, иронически здѣсь упошребленное, означаетъ уже прихоть и сумасбродство лягушекъ, хопя мы и не знаемъ еще, чшо именно имъ не нравится. — Кому *не угодно*? — *Лягушкамб!* самымъ послѣднимъ и презрительнымъ живошнымъ. — У Лафоншена жаловались онѣ шолько на демократишеское правленіе (*Les Grenouilles se lassant de l'etat démocratique, etc*); но эпо

еще не показываешь ни безумія ихъ, ни прихоти, пошому что въ демократическомъ или народномъ правленіи гораздо болѣе, нежели въ прочихъ, дѣлаешь несправедливостей и прищѣпленій *). Напрошивъ того у Крылова лягушки похожи на собакъ, которыя *свѣ жиру бѣсятя*: имъ показалось *не благородно безъ службы и на волѣ жить!* Подлинно *безулыныя*, какъ ихъ называлъ Юпистеръ.

2) То спали у *боговъ* Царя они просить.

Лягушки могли бы сами себѣ vybrать царя; нѣтъ онѣ вздумали просить о томъ *боговъ*, которые безъ просьбы дають всѣмъ необходимо нужное.

3) Хошь слушать всякой вздоръ богамъ
бы и не сродно.

Не только не прилично, но и *не сродно*. Это слово употреблено весьма удачно.

4) На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ
Зевесъ.

*) Le pire des états c'est l'état populaire.

Corneille — Cinna, Acte III, Sc. 1.

Часпица: жб, кажешся, здѣсь лишняя, и дѣлаешь непріятность для слуха.

5) Далѣ или Царя — лепишь къ нимъ съ шумомъ Царь съ небесъ.

Вотъ новое доказательство тому, что нѣтъ правила безъ исключенія, и что гении могутъ иногда не слѣдовать правиламъ (смотри. Но II сего Журнала, спран. 267). Въ шестисопномъ ямбическомъ стихѣ *престъненіе* или остановка должна быть послѣ первыхъ трехъ стопъ; а здѣсь она сдѣлана послѣ двухъ, и всякой чувствуешь, что это очень хорошо, естественное и не противно для уха. — Далѣ или Царя — это почти *переносъ* (enjambement); но, переносы изъ одного стиха въ другой — говоритъ Французскій Баснописецъ и Критикъ Дардень (Dardenne) — запрещаемые Поэзіею во всѣхъ прочихъ стихотвореніяхъ, не только могутъ быть терпимы въ Баснѣ, но, кажешся, дѣлають еще въ оной красоту, безъ сомнѣнія пошому, что свободное расположеніе словъ придаетъ Баснѣ легкость и естественность, составляющія отличительный ея харак-

перъ *). “ — Замѣтите еще какъ вырази- шелько въ этомъ стихѣ слово: *сб шумовъ*. Опъ чего? — Опъ того только, что передъ именемъ, начинающимся сло- гомъ: *ш*, поставленъ предлогъ: *сб*.

6) И точно такъ онъ трепнулъ на царство.

Какъ выразишелень и эпошь пя- желый, пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается однослож- нымъ словомъ; вторая начинается такъ же односложнымъ, за которымъ слѣ- дуетъ длинное слово: *трепнулъся*. Не возможно не остановишься на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на пер- вомъ слогѣ слѣдующаго слова: *трепнулъ- ся*. Все это чрезвычайно живо изобра- жаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется видишь какъ эпошь Царь упалъ съ неба на землю, опскочилъ не много

---

*) Легкость и естественность составля- ютъ главнѣйшее достоинство *обыкно- веннаго разговора въ стихахъ*; слѣдова- тельно можно, кажется, позволить *переносы* не только въ *Басняхъ и Сказкахъ*, но и въ *Комедіяхъ, Идил- ляхъ, и п. п.*

вверхъ, попомъ оняшь упаль, и оспался
уже на мѣспѣ.

7) Чшо *ходенелѣ* пошло *трясинно* государ-
ство.

„Живопись въ самыхъ звукахъ! Два
длинныхъ слова: *ходенелѣ* и *трясинно*
прекрасно изображаютъ потрясеніе бо-
лоша.“ (*Жуковский*. Вѣспникъ Европы
1809, No 9, стр. 62.) Гилльонъ въ при-
мѣчаніи своемъ къ Баснѣ Лафоншена:
Le Chat et un vieux Rat, говоришь, чшо
изобрѣщенное имъ слово: *la gent trotte-
тепи*, шакъ какъ многія другія его же
выраженія и прочихъ оригинальныхъ
Поэтовъ, пошеряны для иноспранныхъ
языковъ. То же самое должно сказашь
и о настоящемъ Рускомъ выраженіи:
ходенелѣ пошло: эшаго не лзя переве-
сти ни на какой языкъ.—*Трясинно* госу-
дарство—весьма удачный эпипешъ.

8) Со всѣхъ лягушки ногъ

Въ испугъ помешались:

Кто какѣ успѣлъ, куда кто могѣ.

„Въ послѣднемъ стихѣ красота
состоишь въ искусномъ соединеніи
односложныхъ словъ, копорыя своею
гармонією предспавляютъ *скожки* и *пры-
ганье*.“ (*Жуковский*. Вѣспникъ Европы

1809, N° 9, стран. 62.) — „Поэзія, по словамъ Плушарха, есть говорящая Живопись, а Живопись нѣмая Поэзія. Живопись даетъ душу, но не даетъ движенія, не изображаетъ поспешности въ дѣйствіи. Кисть или рѣзецъ Художника изобразитъ лягушекъ *сильяци-мися только вспрыгнувъ*, либо уже *вспрыгнувшими*; но здѣсь въ стихахъ онѣ *прыгаютъ одна послѣ другой.*„ (Гилльонъ, въ примѣч. къ Лафоншеновой Баснѣ: *Les Grenouilles qui demandent un Roi.*)

9) *Дородствоиѣ*, *ростоиѣ* великанъ.

Въ Баснѣ сославляють особенную пріятность *пословицы* и *поговорки*, когда только употребляюшся къ шаши, какъ на примѣръ здѣсь: *дородствоиѣ*, *ростоиѣ*. Обыкновенно въ проспорѣчій эши два слова служатъ къ похвалѣ виднаго мужчины или женщины; но только *ростѣ* имѣеть всегда первенство передъ *дородствоиѣ*: „*Всеиъ взялъ и ростоиѣ и дородствоиѣ!*„ Не возможно было поставишь въ стихѣ сихъ словъ по шаршинству, нѣиъ болѣе чпо *ростѣ* именно относишся къ *великану*.

10) *Украдкой, издали, сквозь айрѣ и осокѣ.*

Прекрасное, забавное и живое изображение! Изъ этого стиха можно написать картину.

11) Сперва передъ Царемъ *нижколы* ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему
ботколы ;

Дай попышашься сѣсть съ нимъ *рядомы* ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,

Къ Царю садятся ужь и *задомы*.
Царь терпимъ все по милости своей.
Не много погодя посмотришь: кто захо-
чешь,

Топъ на него и *вскогиты* !

Прекрасный примѣръ *постепенности* (gradation)! Здѣсь должно еще замѣнить: во первыхъ, удачное выраженіе въ шестомъ стихѣ: *по милости своей*, и во вторыхъ, какъ прилично употреблень на концѣ этой пирады прехстопный стихъ.

12) *Лягушки новое* челобитье.

Пресѣненіе или *Цезура* въ пяпцестопныхъ ямбическихъ стихахъ не всегда должна быть, какъ многіе думаютъ, на четвертомъ слогѣ: она бываетъ также на 6, 5, 3 и 2. Смолр. *Опытъ о Рускомъ стихосложеніи Г. Востокова*. Изданіе второе 1817, стран. 36 и 37.—

Нельзя не пожалѣть, что у насъ споль
важные по часпи теоріи словесности
труды, какова напрімѣръ сія книга,
оспаются безъ всякаго почти внима-
нія и читаются шолько *малымъ тис-*
ломъ избранныхъ!

13) Чтобъ имъ Юпигеръ въ ихъ болотную
державу

Даль подлинно Царя на славу.

Лягушки просятъ себѣ у Юпигера
Царя не для спокойствія своего и благо-
состоянія, а шолько *для славы*, что бы
удивить всѣхъ прочихъ живошныхъ.
И гдѣ же долженъ прославиться эшошъ
избранный самимъ Юпигеромъ Царь?—
Въ болотѣ!!

14) Царь эшошъ не чурбанъ, совсемъ инаго
права :

Не любитъ баловать народа своего ;

Онъ виноватыхъ ѣстъ , а на судѣ его

Нѣтъ правыхъ никого.

За то ужъ у него ,

Что завтракъ , то обѣдъ , то ужинъ , то
расправа.

На жипелей болошъ

Приходитъ терной годѣ.

Въ лягушкахъ каждой день великой недотѣ.

Съ утра до вечера ихъ Царь по царству
ходитъ,

И всякаго, кого ни встрѣпишь онѣ,
Топчасъ засудитъ и проглотитъ.

Вошь прекраснѣйшая фигура: *Разумноженіе* (Amplification), о которой, если не ошибаюсь, ни въ одной изъ нашихъ Риторикъ не упоминается. Сія фигура состоитъ въ томъ, когда одну и ту же мысль представляють въ разныхъ видахъ, что бы произвели тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ слушателяхъ или читателяхъ (*).—Здѣсь одна только самая простая мысль: журавль ѣстъ лягушекъ. Однако Поэтъ не говоритъ этого прямо, для того, чтобы сказать гораздо больше и сильнѣе.—Онъ виноватыхъ ѣстъ.—Виновашими почестъ можно стѣхъ только, которые уже признаны такими по суду;

(*) Смолр. Principes raisonnés sur l'art de lire à haute voix; suivis de leur application particulière à la lecture des ouvrages d'Eloquence et de Poésie. Par Dubroca. 1802. (IV Leçon).—Эпошъ превосходный Курсъ Риторики, Поэзіи, Всеобщей Грамматики, Логики, и вмѣстѣ Декламации, вѣроятно не многимъ еще у насъ извѣстенъ.

А на судъ его

Нѣтъ правыхъ никого!

Самый праведный Судя!—Судъ производился по жалобамъ и доносамъ, копорые, шакъ какъ и пресшупленія, особенно *уголовныя*, случаются не очень часто, по крайней мѣрѣ не всякой день и не регулярно: иногда болѣе, иногда менѣе—но Журавль не дожидается ни жалобъ, ни доносовъ, ни пресшупленій, а шолько *аппетита*: онъ самъ донощикъ, судья и палачъ.

Что завтракъ, то обѣдъ, то ужинъ, то расправа.

Кажется все уже сказано: нѣшь, Поэшь—Живописецъ и Историкъ прибавляетъ еще одну самую рѣзкую чершу: *Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходишь,*

И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,

Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.

Въ разборѣ Хемницеровой Басни: *Воля и Неволя* (№ I, Январь, стр. 124) сказала я, что въ *вольныхъ* или *неровныхъ* стихахъ не болѣе какъ три сряду должны оканчиваться одинакою риемою, Въ *эпой* пирадѣ *четыре* стиха имѣютъ одинакую риему: *своего, его, никого, у*

него. Здѣсь однако монофонія или *однозвучіе* не такъ чувствительнѣе ошъ што, что послѣдніе два спиха очень корошки, и что четвертымъ начинаешся новый періодъ.

15) Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;

Что наконецъ ихъ Царь тошнѣе имѣ засухѣ.

И корошко и сильно! Что можешъ бышь мучительнѣе положенія: сидѣть цѣлой день на одномѣ мѣстѣ, молгать и не смѣть никуда выглянуть? Самая малая засуха есть уже великое несчастіе для лягушекъ; но Царь ихъ, Журавль несноснѣе, тошнѣе имѣ засухѣ. Выразительная эша мешафора: тошнѣе, весьма часто употреблялась въ сшаринныхъ нашихъ просшонародныхъ пѣсняхъ, и даже нынѣ еще употребляется въ разговорахъ между просшолоудинами; слѣдовательно сіе выраженіе очень къ спашу употреблено въ словесной просьбѣ лягушекъ.

16) Поттожѣ вы прежде жить щастливо не умѣли?

Не мнѣль, безумныя! вѣщаль имѣ съ неба гласъ, и проч.

Юпитеръ начинаешъ говоришь лягушкамъ свойственнымъ ему важнымъ и благороднымъ пономъ; но поперявъ вдругъ перьяне, бранишь ихъ и говоришь въ сердцахъ какъ обыкновенный человекъ. Это, по моему мнѣнію, очень естественно: въ гнѣвѣ часто забываешся приличіе; припомъ всякой человекъ, высокаго или низкаго званія, соображаешъ всегда щонъ свой съ шѣми лицами, съ копорыми разговариваешъ.

Вообще Басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафоншена— „а это—скажу вмѣстѣ съ Г.—Жуковскимъ— весьма много, ибо Лафоншенова Басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи, и самый рассказъ его не шоль забавень.“

Французскій Спихопворецъ Павилльонъ (Pavillon), жившій еще во время Лудовика XIV, вздумалъ сравнить Голландцовъ съ лягушками этой Басни:

Se peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grénouilles antiques,

Qui ne voulurent point de roi.

(V. Recueil de Pièces anc. et nouv. T. II. p. 191.)

Однако въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго сполѣшія Французы гораздо болѣе, нежели Голландцы, подходили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ вмѣсто одного Журавля было два: Робеспіерръ и Наполеонъ.

Одинъ ли у себя считающъ *терный годъ*?
 Ахъ! каждый день въ нихъ была великой
недоготъ.

И.

СМѢСЬ.

*Нѣкоторыя черты характера Вельможѣ
ЕКАТЕРИНИНА вѣка.*

(Продолженіе.)

3.

Фамилія Князей *Репниныхъ* имѣла продолжительную тяжбу въ шрехъ тысячахъ душахъ съ Князьями Х..... небогатыми помѣщиками; Наконецъ всѣ присупственныя мѣста присудили единогласно опказашъ деревни сіи Князю *Николаю Васильевичу Репнину*; оставалось только сдѣлать въ Сенатѣ рѣшительный о томъ приговоръ, копорый также не могъ иначе быть какъ въ его пользу. Вскорѣ по заключеніи *Гешинскаго* мира Князь *Н. В. Репнинъ* пріѣхавъ въ *Пещербургъ*, призываетъ къ себѣ одного изъ славныхъ тогдашняго времени законоискусниковъ, проситъ его рассмотреть со вниманіемъ сіе дѣло, и сказать ему по совѣспи, правъ ли онъ или виноватъ.—Увѣрившись какъ отъ него, такъ и по другимъ справкамъ, что справедливость дѣйствительно была на его споронѣ, Князь *Николай Васильевичъ* прекращаетъ тяжбу и даритъ *три тысячи* душъ своимъ соперникамъ! Какъ пріятна черта сія въ славномъ человѣкѣ,

шѣмъ болѣе, что интересъ нерѣдко помрачаль память самыхъ великихъ характеровъ.

4.

Справедливо говоряшь, что ЕКАТЕРИНА воспитывала Министровъ Своихъ и Генераловъ: Она не только знала лично всякаго въ Гвардіи Офицера, но испышавъ способности и характеръ каждаго какимъ нибудь порученіемъ, предназначала всякому изъ нихъ будущее его поприще: одного возводила въ званіе Полководца, другаго сажала за зеркало, третьему вручала правленіе цѣлой обласпи, и на всякое мѣсто имѣла она всегда въ виду способнаго чиновника. Только по смерти Ивана Ивановича Меллера-Закомельскаго, убишаго при осадѣ Килліи, сказала Она, что съ Нею случилось то, чего никакъ не ожидала, но ешь не знала къмъ замѣнить его.—ЕКАТЕРИНА уважала шаланшы и снисходила къ слабостямъ, ниогда почпи неразлучнымъ съ шаланшами. Александръ Васильевичъ Храповицкій, мужъ извѣстный своими щасшливыми, необыкновенными способностями и безпечносію — получилъ однажды повелѣніе Монархини написашъ и предшавишь на другой день къ подписанію Манифестъ по нѣкопоруому важному дѣлу, требовавшему большаго соображенія и нешерпящему промедлѣнія. На дру-

гой день идучи уже съ докладомъ къ Государынѣ, *Александръ Васильевичъ* вспоминаешъ Ея приказаніе, и не имѣя времени, на оборотѣ листа вписываетъ единственно послѣднія строки, которыми оканчиваются обыкновенно Манифессты. Съ симъ является онъ къ ЕКАТЕРИНѢ, и на вопросъ: готовы ли Манифессты? докладываетъ, что написанъ. Государыня приказываетъ ему прочесть Манифесстъ — и *Храповицкій* читаетъ вяшно, швердо, безъ малѣйшей оспановки. Будучи крайне довольна изложеніемъ воли Своей и мыслей, и изъявля за то *Александръ Васильевичу* благодарность, ЕКАТЕРИНА беретъ изъ рукъ его читанную имъ бумагу, что бы имѣть удовольствіе прочесть ее Самой еще одинъ разъ — но какъ удивляется Монархиня, когда видишь въ шу минушу *Храповицкаго*, падающаго къ ногамъ Ея и просящаго помилованія; удивленіе Ея увеличивается, когда узнаешъ, что прекрасный Манифесстъ не былъ написанъ, а читанъ имъ — изъ головы. ЕКАТЕРИНА прощаетъ виновнику, и узнавъ чрезъ такой неожиданной случай необыкновенные его шаланшы, усугубляетъ къ нему Свое благоволеніе.

5.

Графъ *Никита Ивановичъ Панинъ*, не получивъ, по какимъ-то непріязненнымъ для

него обспояшельствамъ, удовлетворенія по докладу своему, коимъ испрашивалъ онъ деревни въ награжденіе премо Секретарямъ своимъ: Фонъ Визину, Бакунину и Убри, за оказанные ими труды и усердіе при раздѣлѣ Польши — опдаешъ имъ пожалованныя ему при семъ случаѣ 4. 000 душъ.

Пав. Свининъ.

(Продолженіе впредъ)

*Рѣшеніе нѣсколькихъ вопросовъ, пред-
ложенныхъ въ первой книжкѣ*

БЛАГОНАМѢРЕННАГО (*).

*1. Какая разность между чуждыми и
просвѣщенными теловѣками?*

Первоначальные законы языка и общенародное употребленіе доставляютъ всѣмъ выраженіямъ смыслъ и силу. Если бы всѣ спарались познавать языкъ свой и съ разборомъ употребляли слова: то между обычаемъ и правилами не было бы никакого прошиворѣчія и всѣ выраженія имѣли бы опредѣленное значеніе. Но условіе сіе не возможно: во всѣхъ языкахъ нѣкошорыя слова, опдаляясь отъ первоначальнаго своего кореннаго значенія, перяюшъ оное, измѣняюшся и единственнo отъ употребленія заимствуюшъ смыслъ свой. И шакъ, дабы со всею точностію изобразить разность между какими либо двумя единозначапельными

(*) Издатель *Благонамѣреннаго* находить сіи отвѣшы (особенно два первые) весьма удовлетворительными, и съ удовольствіемъ помѣщаетъ оныя въ своемъ журналѣ.

словами, должно разсмащривать ихъ двой-
кимъ образомъ: въ отношеніи къ первоначальнымъ законамъ языка и къ употребленію.

Руководствуясь правилами языка, примѣчаю между словами: *утеный* и *просвѣщенный* слѣдующую разность:

1. Слово *утеный* понятнo само по себѣ безъ всякаго изъясненія, а слово *просвѣщенный*, подобно какъ *попратенный*, *прославленный* и проч. пребуешь понятія для пополненія въ шворительномъ падежѣ (*тѣмѣ*). Прежде, нежели вошло оно въ общее употребленіе, говорили: *просвѣщенный вѣроу, утеніемѣ*, и проч.

2. Слово: *утеный* принадлежитъ старому Рускому нарѣчію, а слово: *просвѣщенный* сблизилось въ нашемъ языкѣ съ выраженіемъ Французскимъ: *éclairé*. Подражая чужеспранному, мы желали имѣть слово, совершенно одинакую съ онимъ мысль изображающее, и должны были перевестъ оное реченіемъ: *освѣщенный*. Но какъ сіе слово имѣло великое сходство въ звукѣ съ словомъ: *освященный*, совсемъ иную мысль выражающимъ: то и перемѣнили о на *про*, нимало не помышляя, что шѣмъ совершенно измѣнили значеніе Французскаго реченія: *éclairé*.

3 *Утеный* значить: *утеность* имѣющій какъ *умный*—умъ имѣющій, *добродѣтельный*,

вѣрный и проч. Въ семъ смыслѣ ученость почипаешся доспоянiемъ, собсшвенносшю того человекъ, который *уценыль* называется. *Просвѣщенный уценыль*, означаетъ проникнушый донымъ, и не выражаетъ понятiя о всегдашней принадлежносши. Сiе показываешъ намъ, что разность сихъ словъ почти совсемъ не чувствительна. *Уценыль* выражаетъ нѣчто большее, нежели *просвѣщенный уценыль*, означаетъ болѣе положительное, швердое и неопъемлемое знанiе.

Самовласшное употребленiе, презирая законы языка, препятствуетъ правильному и скорому усовершенствованiю, отвлекаешъ слова отъ началъ ихъ, надѣляетъ случайными и даже противорѣчушцими значенiями. По законамъ употребленiя слово: *просвѣщенный* понятно безъ всякаго поясненiя, а малая, по правиламъ языка, разность между *уценыль* и *просвѣщенный*, дѣлается значительною.

Уценыль обыкновенно называемъ мы человекъ, углубившагося въ одну какую либо науку, или въ цѣлую отрасль наукъ, изслѣдывающаго законы ея, усовершеншаго изобрѣшенiя и всеиъ почти своимъ временемъ ей одной жертвующаго. *Просвѣщенный* именуемъ того, кто не занимаясь исклю-

чипельно никакою особенною наукою, сни-
скаль большую часть познаній, примѣняе-
мыхъ къ общественной жизни. Оба они
имѣютъ одно общее совершенство — правиль-
ность въ сужденіи; но *ученый* часто ока-
зывается невѣждою между людьми, рассу-
ждающими о предметахъ, не принадлежащихъ
къ его наукѣ; *просвѣщенный* же, имѣя па-
мять, разнообразными и нужнѣйшими позна-
ніями обогащенную, дѣлаеть почти всегда
справедливыя и вѣрныя заключенія. *Ученыхъ*
людей пошребно для Государства только
нѣкоторое число, что бы науки, ускоряя
свои успѣхи, всегда процвѣшали, и хотя
поздно, но приносили бы опеческву полез-
ные плоды—*просвѣщенныхъ* же людей необхо-
димо великое множество для исправленія
Государственныхъ должностей, объясненія
обязанностей и правъ согражданъ, и составле-
нія правильнаго общественнаго мнѣнія. Опъ
числа сихъ людей зависишь истинное благо-
состояніе народа.

2. *Отъ того вездѣ, особенно у насъ въ
Россіи, гораздо болѣе дурныхъ писателей,
нежели дурныхъ художниковъ и даже
ремесленниковъ?*

Писатель, желающій совершить достои-
ное произведеніе, безъ сомнѣнія, не меньшія
въ своемъ трудѣ встрѣчаетъ препоны, какъ
художникъ или ремесденникъ, свое издѣліе

отрабатывающей. Всѣ упражняющіеся въ словесности знаютъ, сколь трудно удовлетворить въ одно время требованіямъ разума, языка и слуха. По сему для произведенія изящнаго творенія потребно основательное знаніе языка, долговременнымъ ученіемъ получаемое: подобно какъ во всѣхъ художествахъ и ремеслахъ, для обработанія какого либо издѣлія, необходимо должно знать правила и имѣть опытно, продолжительнымъ упражненіемъ приобретаемую. Руководствуемые сею истиною художники и ремесленники чрезъ нѣсколько лѣтъ учаща, навикають работъ подъ надзоромъ людей искуснѣйшихъ, и наконецъ, по окончаніи ученія, рѣшаются отдѣльно производить и продавать свои издѣлія. Молодые же наши писатели совсемъ другому слѣдуютъ правилу. Сколь многихъ занимающихся словесностію слыхаль я разглашающихъ слѣдующія мнѣнія: *для того учиться скучнымъ правиламъ языка? Кто имѣетъ дарованіе, тотъ всегда хорошо писать будетъ.* Хотя предразсудокъ сей не есть общій, и нѣкоторыя достохвальныя произведенія словесности доказываютъ совершенно шому прошивное: но, не смотря на то, онъ властвуетъ надъ многими умами и легко на всегда укорениться можетъ. Трудный и непріятный долгъ писателя—учиться языку и Логикѣ—

опровергается симъ ложнымъ мнѣніемъ, во-
ображеніе не обуздывается никакими пра-
вилами, и пріятная свобода увлекаетъ мно-
гихъ въ свои сѣши. Вошь, по моему мнѣнію,
первая причина несовершенства нашихъ
писателей!

Когда произведенія дѣлаются извѣст-
ными свѣту: то строгое или слабое объ-
онныхъ сужденіе заставляешь болѣе или ме-
нѣе подражать красотамъ ихъ и осерегашь-
ся погрѣшностей. Но безъ сомнѣнія вездѣ,
особенно въ Россіи, несравненно болѣе та-
кихъ людей, которые лучше могутъ оцѣ-
нить издѣлія ремесль и художествъ, неже-
ли произведенія словесности; безъ сомнѣ-
нія, разсмотрѣніе достоинствъ и недостат-
ковъ въ шѣхъ и другихъ произведеніяхъ не-
равныхъ вспрѣчаетъ трудности, неравныхъ
требуетъ знаній; а посему издѣлія ре-
месль и художествъ, получая настоящую
оцѣнку (перья болѣе, а послѣднія менѣе)
со стороны знающихъ доброшу оныхъ, за-
скавливаютъ работающихъ спарашься удо-
влешворять ихъ требованіямъ и шѣмъ усо-
вершенствоваться въ своихъ занятіяхъ.

Третьею главною причиною полагаю слѣ-
дующее: художествами и ремеслами зани-
маются вездѣ, а особливо въ Россіи, люди
побольшой части неимущіе и одною шолько
своею работою снискивающие себѣ пропитаніе

нѣ; напротивъ того писатели шрудящяся не для корысти, а для славы (*). Опъ сего происходитъ, что художники и ремесленники, нерадѣющіе о красотѣ и добротѣ своихъ издѣлій, не находятъ для оныхъ покушчиковъ и перпяшъ опъ того крайнюю бѣдность—писатели же, издающіе въ свѣтъ худыя сочиненія, ни мало не подлежатъ сему бѣдствію, и сами иногда (какъ многіе утверждають) разкупають свои книги, нѣсколько лѣшъ въ лавкахъ лежащія,

(*) Большая часть, а не всѣ.—Сколько было у насъ Лириковъ въ то время, когда за оды, вышедшія нынѣ изъ моды, давали деньги, дерстни, часы и шабакерки! Сколько и теперь есть у насъ дюжинныхъ переводчиковъ, которые за самую дешевую цѣну переводяшъ для книгопродавцовъ ужасные романы Г-жи Радклифъ и Дюкре-Дюминиля! Сколько и комцилапоровъ, которые спавяшъ на подрядъ въ книжныя лавки *Жизни и дѣянія славныхъ Полководцевъ*, *Новѣйшія Азбуки*, *Пѣсенники*, *Гадательныя книжки* и п. п. Эти люди шрудящяся не для славы и не для забавы, а они также писатели: пишуть и выписываютъ. Прилѣт. Изд.

для того только, что бы сдѣлать новое издание.

Вошь три главныя причины, доспа-вляющія вездѣ, особенно въ Россіи, издѣ-ліямъ художествъ и ремеслъ болѣе со-вершенства, нежели произведеніямъ сло-весности.

3. Что предосудительнѣе для Критика: охуждать ли такія произведенія словесно-сти, въ которыхъ болѣе красотъ, нежели погрѣшностей — или хвалить то, что не заслуживаетъ похвалы?

Что бы рѣшишь въ которомъ случаѣ поведеніе Критика для него предосудитель-но, должно со вниманіемъ разсмотрѣшь ка-кою страстію онъ тогда побуждается и какія слѣдствія произойдутъ отъ его су-дженій. Охуждать произведенія, заключаю-щія въ себѣ болѣе красотъ, нежели по-грѣшностей — означаешь зависть къ дарова-ніямъ сочинителя. Превозносишь похвала-ми то, что не заслуживаетъ оныхъ — показы-ваешь или пристрастіе, или подлое рабо-лѣпство. Трудно рѣшишь, что презритель-нѣе: зависть или раболѣпство. Обѣ онѣ со-вершенно означаютъ низкую и черную душу. Если однако будемъ разсматривать происхо-дщія отъ нихъ слѣдствія: то увидимъ, что зависть не столько причиняетъ вреда,

сколько раболѣпство (*). Сочиненія, исполненныя истинными красотою, не смотря на нѣкоторыя недостатки и погрѣшности, не перяютъ въ мнѣнїи разсудительныхъ читателей насмѣхающаго своего достоинства; а колкія, но справедливыя замѣчанія, всегда почти служатъ въ пользу сочинителей и дѣлаютъ ихъ внимательнѣе къ трудамъ своимъ. Прославленіе же недостойныхъ сочиненій несравненно болѣе причиняетъ вреда словесности. Неопытные писатели, почитающіе непреложными законами сужденія присирашнаго Кришика, и поощренныя лестнымъ отзывомъ о ихъ слабыхъ произведеніяхъ, будутъ пренебрегать правила

(*) *Le mérite en repos s'endort dans la paresse:
Mais par les envieux un génie excité,
Au comble de son art est mille fois monté...
Au Cid persécuté Cinna doit sa naissance.*

*L'envie est un mal nécessaire ;
C'est un petit coup d'aiguillon
Qui vous force encore à mieux faire.*

Вопшь что говоряшь о зависти два славнѣйшіе Французскіе Поэта: Боало и Вольперъ. — Желая всякому хорошему писателю завистниковѣ, а худому панегиристовѣ. Примѣч. Изд.

науки, подражаясь недостойнымъ образцамъ и обременяя публику многочисленными, но жалкими своими швореніями.

Б — цовѣ.

Вопросы (*).

4. Какая самая нужнѣйшая въ общежитіи наука?

5. Кто хуже и вреднѣе для другихъ: скупой или мотъ?

6. Чѣмъ болѣе всего можно понравиться мужчинамъ и женщинамъ, какъ молодымъ, такъ и старымъ?

7. Отъ чего многіе съ опличными способностями люди бываютъ преданы пьянству?

8. Какое лучшее средство къ ошвращенію поединковъ?

9. Что всего нужнѣе для авшора или просто для писателя?

10. Что всего нужнѣе для журналиста (**)?

(*) Присланы къ Издашелю 16 Марта отъ какого-то Г-на В. О. А.

(**) Нѣчего и спрашивать — разумѣется: подписчики. Нѣкошорые думаютъ, что Журналисту нужно имѣть характеръ, что онъ не долженъ ничего

Объявленіе о новой книгѣ (*).

Издается *Всеобщая Исторія Врачебнаго Искусства*, отъ самаго начала онаго до настоящаго времени, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ господствовавшихъ теорій и описаніемъ заслугъ и вліянія *Философовъ и Медиковъ* какъ древнихъ, такъ преимущественно новѣйшихъ вѣковъ на преобразованіе и усовершенствованіе всѣхъ частей, составляющихъ оное Искусство.

При чемъ прилагается *Опытъ краткаго Врачебнаго Обзоренія кампаніи 1812 и 1815 года*.

Трудящійся въ изданіи сей *Исторіи*, въ сообразность намѣренія *Общества* первыхъ *Французскихъ Врачей*, по разсмотрѣнію и одобренію которыхъ она изложена въ *сведеніи къ Словарю Врачебныхъ Наукъ* въ 1812 году въ *Парижѣ*, главною цѣлю имѣешь—предсавишь перемѣны *Врачебнаго Искусства* во всѣхъ вѣкахъ, изложишь важ-

писаны пропавъ совѣсти; но Журналисты право могутъ обойтись и безъ эпаго достоинства, только не безъ подписчиковъ. *Примѣг. Изд.*

(*) Объявленіе о сей полезной книгѣ напечатано уже въ *Рускомъ Инвалидѣ* и *Сынѣ Отчества*. Издашель *Благонамѣреннаго* съ удовольствіемъ помѣщаетъ оное и въ своемъ *Журналѣ*.

ныя услуги мужей, прославившихъ оное распространеніемъ предѣловъ его; обнаружь погрѣшности, укоснявшія ходъ и успѣхи его, обозрѣшь различныя системы, образовавшія методы онаго; покажашь содѣйствіе важныхъ открытій къ преобразованію онаго, пересмотрѣшь рядъ появлявшихся одинъ за другимъ недуговъ, чужеземныхъ лѣкарствъ, увеличившихъ его владѣнія; припомнишь полезныя вспомошествованія, заимствованныя имъ опъ постороннихъ Наукъ, споспѣшествовавшихъ усовершенствованію его; наконецъ слѣдовавъ за поспешнымъ ходомъ онаго до настоящей его эпохи, обращая между тѣмъ взоръ на все достопримѣчательное въ каждой изъ многоразличныхъ вѣдѣвей Врачебнаго Искусства.

Всякой видить, что предпріятіе въ начертаніи опыта шаковой Исторіи, есть чрезвычайно трудное, запутанное препятствіями, исполненное важными крипическими изслѣдованіями, глубокомысленными разсужденіями, опважными и рѣшительными мнѣніями; но — Издапель, искренно сознаваясь въ своемъ *предубѣжденіи* (*praecuridicium auctoritatis*) къ славъ помянушаго Общества, не обинуясь можетъ сказать, что сей *Медико — Историческій опытъ* въ полной мѣрѣ удовлетворишь любопытству

каждаго Чишашеля сего опыта, который еще пѣмъ болѣе занимательнымъ кажется, что предсавляетъ обзорѣніе Врачебнаго Искусства въ самомъ спрогомъ *Хронологическомъ* и *Систематическомъ* порядкѣ, столь важномъ и необходимо нужномъ по чрезвычайной обширности и разнообразію предмѣповъ онаго. Не нужно съ подробностію излагать причины, побудившія Издашеля принять на себя таковой трудъ. Содержаніе превосходнаго того шворенія оправдываетъ всю важность и достоинство онаго, и можно увѣрительно подтвердить, что оное послужитъ въ пользу Медицинскаго просвѣщенія и назиданіе практическнхъ свѣдѣній врача гораздо болѣе, нежели сколько можно было до сихъ поръ заимствовать онныя изъ разбросанныхъ отрывковъ въ разныхъ врачебныхъ сочиненіяхъ на Рускомъ языкѣ.

Подписка на *Всеобщую Исторію Врачебнаго Искусства* принимается здѣсь въ С. П. бургѣ у самаго Издашеля Докшора Коллежскаго Совѣтника и Кавалера *Якова Ивановича Говорова*, служащаго Лейбъ—Гвардіи при Московскомъ полку старшимъ Врачемъ, и живущаго въ Глѣбовомъ домѣ близъ Семеновскаго моста, а также у Чиновника 8го класса *Лаврентія Мартыановита Маслаковита*,

служащаго Экзекушоромъ въ Медицинскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства.

У перваго подписка принимается ошь однихъ только *Санктпетербургскихъ жителей* и продолжись не далѣе 15 числа Апрѣля, а у послѣдняго ошь всѣхъ иногородныхъ до самаго окончанія напечатанія книги, что послѣдуетъ въ первыхъ числахъ Мая шекущаго года.

Цѣна книги, содержащей не менѣе *четырнадцати*, а можеть бытъ и болѣе листовъ, *лѣлкою пергаменту*, въ большую осьмушку на хорошей бумагѣ, въ цвѣтной оберткѣ, и наконецъ съ пересылкою безъ вѣсовыхъ денегъ на разстояніи не болѣе тысячи верстъ—*пять* рублей. Подписавшіеся, по отпечатаніи книги, немедленно оную со всею исправностію получаютъ по доставленнымъ ошь нихъ адрессамъ.

Благодаренія.

Въ пользу несчастныхъ, больныхъ и престарѣлыхъ дѣвиць *Христины и Луизы Егоровны Цедельманъ*, о которыхъ объявлено было въ первой книжкѣ *Благонамѣреннаго* (спран. 134 и 135) получено къ Издашелю:

24	Февр. ошь неизвѣсп.	десять руб. ...	10 руб.
26	— — — — —	десять руб. ...	10 руб.
4	Мар. ошь дѣв. Н. Н.	десять руб. ...	10 руб.

И того *тридцать* руб. ... 30 руб.

Деньги сіи доставлены въ по же самое время къ дѣвицамъ *Цедельманъ*, которыя приняли ихъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Онѣ находясь еще и теперь въ самомъ бѣдственномъ положеніи и живутъ на прежней кварширѣ.

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ (*).

Вдова Коллежская Совѣшница *Авдотья Салойловна Каханѣва* обременена большимъ сѣмействомъ, состоящимъ изъ пяти малолѣтнихъ дѣтей. *Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ* и *Василій Гавриловичъ Назимовъ* (**), внемля гласу сосраданія къ чело-вѣчеству, взяли у нея шроихъ дѣтей на воспитаніе.

Однако таковое благодѣяніе не со всемъ облегчило судьбу несчастной *Каханѣвой*: она не имѣетъ почти дневнаго пропитанія и не можетъ даже оплучаться изъ дома для испрошенія у сосрадашельныхъ людей подаанія, пошому что ей совершенно не

(*) Получено отъ одной почтенной особы, извѣстной столько же своими упражненіями въ словесности, сколько и благошворительностію къ бѣдымъ.

(**) Хвала и честь благороднымъ и добродѣшельнымъ мужамъ!

на кого оставить прехлѣшнюю свою дочь и девятилѣтняго сына, который пшый уже годъ лежишь недвижимъ на одрѣ болѣзни.

Г-жа *Каханѣва* имѣеть жипельство Лишейной части 5-го кваршала, въ Офицерской улицѣ, въ домѣ жены Придворнаго Кофишенка *Федоровой* подѣ N° 660, подлѣ дома покойнаго Оберь Прокурора *Титова*.

Конецъ первой гаси.

(29 Марта)

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Преложенія Псалмовъ:

	страниц.
XVII.	157
XLV.	281
CXLII.	283

Оды:

Власполюбіе.	3
Надежда (изъ Шиллера).	285

Идилліи:

Сыновняя любовь.	10
Дафнисъ и Дамешъ.	144
Мечшашель Миршилъ.	286

Сказки:

Кашей и Лъкаръ.	18
Купецъ Брюхановъ.	192
Басня: Прудъ и Капля.	16
Посланіе: Отвѣсъ и Совѣсъ	22

II

страни.

Смѣсь:

Осень.	13
Къ Ельвирѣ.	14
Вѣкъ просвѣщенія	15
Опвѣспъ на вызовѣ написашъ стихи.	25
Пѣснь пирующихъ.	196
Къ Лизѣ.	197
Къ Доридѣ.	290
Извѣщеніе (изъ Парни).	291
Въ Альбомѣ П. И. Р.	292
Акроспихъ, въ день рожденія П. К. Д.	294
Эпиграммы.	295

ПРОЗА.

Повѣсти и Анекдоты:

Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись щасливъ.	27
Ибрагимъ и Османъ, или—шрудись, дѣ- лай добро и будешь щасливъ.	198
Кто бы эпо предвидѣль?	229
Злашоперая пшичка.	316
Нещасная Н.	325

Отрывки изъ Романовъ:

Изъ Вакефильдскаго Священника.	88
— Жилблаза.	237

страниц.

Отрывки изъ Путешествій:

Дорога отъ Успилуга до Варшавы.	51
Любекъ — Герцогство Голштинское.	331

Нравоучительныя Разсужденія:

Нѣсколько словъ о кокетствѣ.	75
Избранныя мысли (изъ <i>Ручефюка</i> , <i>Флоріана</i> и <i>Демутъе</i>).	81
О чувствахъ (изъ <i>Боссюэта</i>).	346

Историческіе и Политическіе Отрывки:

Осада крѣпости богини любви.	251
Краткое Описаніе знаменитыхъ дѣлъ Государыни Императрицы ЕКАТЕ- РИНЫ II.	297
Введеніе къ Новѣйшей Всеобщей Исто- ріи <i>Делиля де Саля</i>	350

Разборы Басень:

Воля и Неволя (<i>И. И. Хелницера</i>).	118
Копѣ, Ласпочка и Кроликъ (<i>И. И.</i> <i>Дмитріева</i>).	257
Лягушки просящія Царя (<i>И. А. Крылова</i>).	365

II. С М Ъ С Ъ.

Рускіе Анекдоты:

О Смолришель придворныхъ экипажей Чершовъ.	128
Странная очередь.	131
О Графѣ П. И. Панинѣ.	270

IV

	стран.
О Графѣ Н. И. Панинѣ.	384
О Князѣ Н. В. Репнинѣ.	271 и 381
О А. В. Храповицкомъ.	382
Новости.	273
Объявленіе о новой книгѣ.	595
Вопросы.	155 и 395
Отвѣпы на вопросы.	385
Благошворенія.	398
Извѣстія о бѣдныхъ	134 и 399

ИМЕНА ОСОВЪ ПОДПИСАВШИХСЯ
НА ЖУРНАЛЬ: *БЛАГОНАМЪБРЕННЫЙ*.

(Продолженіе.)

У Издателя:

Въ С. П. бургѣ:

Въ Библиотеку Адмиралшейскаго Департаменша.

Ихъ Превосходительства:

Екашерина Дмистріевна Апрулева.
Николай Степановичъ Ильинскій.

Ихъ Высокоблародія:

Василій Ивановичъ Колчевскій, Полковникъ
Лейбъ Гвардіи Уланскаго полка.
Петръ Алексѣевичъ Мальшинъ.
Лука Яковлевичъ Толпачевъ.

Ихъ Благородія:

Александръ Васильевичъ Нершовскій.
Александръ Машвѣевичъ Родіоновъ.
Степанъ Машвѣевичъ Лалаевъ.
Андрей Ефимовичъ Бухмейеръ.

Илья Гавриловичъ Благочевъ.
Христофоръ Михайловичъ Анцъ.
Тимофей Александровичъ Александровъ.
Викентій Ивановичъ Заслуцкой.
Александръ Григорьевичъ Клепининъ.
Николай Машвѣвичъ Ельчаниновъ.

Купцы:

Иванъ Васильевичъ Водовозовъ.
Алексій Семеновичъ Коспылевъ.
Иванъ Васильевичъ Королевъ.
Андрей Ивановичъ Дейхманъ,
Семень Егоровичъ Самойловъ.
Егоръ Егоровичъ Голидей.

Въ другихъ городахъ:

Въ Москвѣ: Его Благородіе Владиміръ Машвѣвичъ Глазовъ.

Въ Вологдѣ:

Его Высокородіе Семень Никишичъ Баршеневъ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Петръ Машвѣвичъ Зубовъ.
Степанъ Николаевичъ Левашовъ.
Иванъ Алексѣевичъ Колычевъ.
Александръ Ильичъ Егоровъ.
Василій Егоровичъ Карцовъ.

Въ Новгородѣ :

Коллежскій Совѣшникъ и Кавалеръ Адрианъ Ивановичъ Карбацкій.

Флоша Капитанъ 2 ранга Алексѣй Тимофѣевичъ Вараксинъ.

Секретарь Казенной Палаты Петръ Макѣевичъ Тихомировъ.

Въ Тихвинѣ : Купеческій сынъ Яковъ Ивановичъ Бередниковъ.

Въ Тифлисѣ : Коллежскій Секретарь Иванъ Майвалдовъ.

Въ Каласкотовкинскомъ Заводѣ, управляющій онымъ Маркшейдеръ Николай Родіоновичъ Мамышевъ.

Въ Лебединѣ : (Слоб. Укр. Губ.) Штабсъ-Капитанъ Николай Степановичъ Романовъ.

Въ Новомосковскѣ : Коллежскій Секретарь Ефремъ . . . . Коповъ.

Въ Зарайскѣ : Маіоръ Василій Павловичъ Селивановъ.

У С. П. бурескихъ Книгопродавцовъ :

Въ магазинѣ и лавкѣ Плавильщикова :

Въ Гвардейскій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Штабъ.

Въ Совѣшъ путей сообщенія 2 экс.

Въ Архангельскѣ : Купеческій сынъ Валеріанъ Яковлевичъ Никоновъ.

У И. П. Глазунова :

Князь . . . . . Гагаринъ.

Баронъ . . . . . Черкасовъ.

Коллежскій Ассессоръ Никифоровъ.

Коллежскій Секретарь Николай Семеновичъ
Гледеневъ.

Въ Новгородѣ : Кол. Сов. Владиміръ Сергѣе-
вичъ Филимоновъ.

Въ Весіенгонскѣ : Его Высокоблагородіе Иванъ
Семеновичъ Башюшковъ.

Въ Кіевѣ : Его Благородіе Дмитрій Дмитріе-
вичъ Ризе.

У Свѣшникова :

Въ Дѣпо ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-
ЧЕСТВА.

Въ Клубъ или малое Собраніе.

Его Благородіе Александръ Козьмичъ Ло-
мовцовъ.

С. П. бургскій Купецъ Федоръ Андрѣевичъ
Пасковъ.

Въ Шадринскѣ : Гавріиль Акимовичъ Шунаевъ.

Въ Кронштатѣ : Его Благородіе Владиміръ
Павловичъ Романовъ.

У Заикина :

Въ Департаментъ Министра Полиціи.

Генераль-Маіоръ Степанъ Васильевичъ Ба-
кѣевъ.

Спашская Совѣшница . . . . . Арсеньева.
Спашскій Совѣшникъ . . . . . Чемесовъ.
Надворный Совѣшникъ Алексѣй Макаровичъ
Логуновъ.

Николай Никишичъ Акининъ.

Въ Нижнекавказскѣ: Флопа Капишанъ 2-го
ранга Пешръ Ивановичъ Риккордъ.

(Продолженіе впрѣдъ)

О П Е Ч А Т К И.

№ III. МАРТЪ.

Напечатано :

чишай :

спран. спрок.

329 20 одѣжду

одежду

350 2 *Делиля де Сальга*

Делиля де Салл

350 11 сношеній.

сношеній ,

Н. В. Во вшоромъ номерѣ сего Журнала сдѣланы двѣ довольно важныя ошибки , копорыя при корректурѣ Издашелемъ замѣченны не были: на спран. 254, спрок. 9 и 10 напечатано : *къ Падуанцалиб* вмѣсто *къ Венеціаналиб*, а на спран. 279, спрок. 11 *побѣжденб* вмѣсто : *побѣждать*. На концѣ же первой книжкѣ , въ числѣ подписавшихся особъ , въ самой послѣдней спрокѣ , вмѣсто: *Авраментовб* чишашъ должно : *Авраменко*.

Подписка на Журналъ: БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ принимается на первой случай только на полгода: въ *С. П. бургѣ*, у самаго Издашеля Коллежскаго Совѣтника Александра Ефимовича Измайлова, живущаго на Пескахъ между бывшей ой роты и Итальянской слободки, противъ бассейна въ домѣ Модеева подъ No 283, также въ Газетной *С. П. бургскаго* Почтампа Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ Ивана Глазунова, Плавильщикова, Заикина, Свѣшниковъ, Слениныхъ и прочихъ книгопродавцевъ, а въ *Москвѣ* у Глазунова же на Никольской и у Колошилина на Ильинкѣ. Цѣна за полугодое изданіе. ш е. за шесть книжекъ, изъ которыхъ каждая содержитъ будеть въ себѣ около осьми печатныхъ листовъ или 128 страницъ въ большую осьмушку, здѣсь въ *С. П. бургѣ* на простой хорошей бумагѣ 12 р. 50. к. а на любской 15 р. За пересылку въ другіе города прилагается 2 р. 50 к. Имена подписавшихся особъ будуть припечатаны.

У Издашеля же **БЛАГОНАМЪРЕННАГО** можно получать безъ плашежа за пересылку слѣдующія новыя книги :

ПАНТЕОНЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ или *собраніе лучшихъ стихотвореній*, изд. покойнымъ *П. А. Никольскимъ*, въ VI часяхъ или 12 книжкахъ. Цѣна на любской бумагѣ 25 р. а на веленовой 30 р. Сіе изданіе почти уже все раскуплено и оспашется онаго менѣе 50 экземпляровъ.

ОПЫТЫ ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗѢ *К. Н. БАТЮШКОВА*, въ двухъ часяхъ съ двумя весьма искусно гравированными виньешами, (1817) Цѣна 15 руб

ОНЫГЪ О РУССКОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ, сочи. **АЛЕКСАНДРОМЪ ВОСТОКОВЫМЪ**, Членомъ *С. П. бургскаго* Вольнаго Общества любителей Словесности Наукъ и Художествъ. Изданіе второе, значительно пополненное и исправленное. Цѣна 3 руб.

БАСНИ и СКАЗКИ АЛЕКСАНДРА ИЗМАЙЛОВА, изданіе второе (1816). Цѣна съ тремя искусно гравированными виньешами на любской бум. 6 руб. а безъ виньешъ 4 руб.

Его же **НОВЫЯ БАСНИ и СКАЗКИ**, также **МѢЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ** съ присовокупленіемъ **ОПЫТА о РАЗСКАЗѢ БАСНИ** (1817). Цѣна съ виньешою 6 руб. безъ виньешы 5 руб. Если кто пожелаетъ взять сихъ двухъ послѣднихъ книгъ нѣсколько экземпляровъ (не менѣе трехъ, или по крайней мѣрѣ двухъ) въ шакомъ случаѣ ошъ каждого усшуплено будеть по рублю.

Всѣ сіи книги доставляемы будуть къ Гг. иногороднымъ, по полученнымъ ошъ нихъ адрессамъ, со всевозможною исправношцію по первой же почтѣ.